

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Анри Лот
ТУАРЕГИ АХАГГАРА

Москва
«Наука»
Главная редакция восточной литературы
1989

Henri Lhote
LES TOUAREGS DU HOGGAR
Paris, 1984

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ, Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б.
ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с французского В. А. НИКИТИНА

Ответственный редактор Ю. М. КОБИЩАНОВ

Рецензент Л. Е. КУББЕЛЬ

Утверждено к печати Редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»

ISBN 5-02-016591-3

ББК 63.5(3)

© Armand Colin Editeur. Paris, 1984

© Перевод, послесловие и примечания. Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1989

Лот А.

Л80 Туареги Ахаггара. Пер. с франц. В. А. Никитина. Послесл. Ю. М. Кобищанова и А. Ю. Милитарева.
М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.— 265 с. с ил. («Рассказы о странах
Востока»).

Новая работа французского этнографа и археолога Анри Лота, хорошо известного советскому читателю по книгам «В поисках фресок Тассили» (1982), «В поисках фресок Тассилин-Аджера» (1973) и «К другим Тассили» (1984), посвящена описанию нравов и обычаев туарегов. Этот народ, живущий в Сахаре, отличается своеобразным, выработанным веками и не принятым у его соседей стилем жизни. В книге описаны все стороны материального и духовного бытия туарегов — от одежды, жилищ, способов ведения хозяйства до религиозных обрядов и устной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

**От редактора французского издания
Политико-административное деление**

Язык, письменность и устное творчество

Язык

Письменность

Устное творчество

Общественное устройство

Классы и касты

Моногамия и матриархат

Аменокаль

Амрар (амгар)

Имхары

Инислимены

Имрады

Ассимилированные вассалы

Ибореллиты

Икланы

Иклан-эн-эгеф

Идерфаны

Энадены

Конфедерация Ахаггар

Тобол кель-рела

Тобол таитоков

Тобол теджехе-меллет

Материальные условия

Условия жизни туарегов Ахаггара

Жилище

Пища

Скотоводство

Охота, рыбная ловля

Земледелие

Гигиена и врачевание

Костюм, украшения

Искусство и ремесло туарегов Ахаггара

Социальная жизнь

Древние культы, религии и верования

Внешние связи и отношения

Торговля, караваны, караванные пути и средства передвижения

Реззу и война

Библиография

Ю. М. Кобищанов. Туареги в истории Африки

А. Ю. Милитарев. Анри Лот о языке и письменности туарегов

ОТ РЕДАКТОРА ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ

Люди, увлеченные Сахарой, знают: работа Анри Лота, проделанная на протяжении более чем полувека, была работой титанической, и каждая строка данного труда носит ее отпечаток.

Эта книга — результат целой жизни, посвященной Сахаре, туарегам и их происхождению, итог труда и опыта, совершенно исключительных по характеру.

Тем не менее мы должны обратить внимание читателей на отдельные моменты, которые, возможно, его удивят:

— статистические данные, приводимые здесь, зачастую устарели. Это объясняется тем, что после объявления независимости Алжира публикуемые статистические данные не учитывают больше ни фактора кочевничества, ни различий между социальными группами туарегов. Молодой Алжир еще не в состоянии заниматься такими мелочами, когда его ждут другие, более насущные задачи;

— по этой причине мы не имеем новых данных относительно эволюции различных групп туарегов, а также поголовья их скота. Известно, что оно сильно пострадало от засухи 1970—1973 годов, и это вызвало значительные изменения в жизни туарегов.

Однако история не останавливается на столь коротких периодах, тем более в Сахаре, где на протяжении веков перемежаются постоянно светлые и темные периоды. Старые же статистические данные позволяют судить о могуществе различных групп, о качестве и размерах пастбищ и кочевий, и это, конечно, главное;

— то же самое можно сказать о тех центрах обитания (таких, как Мертутек), которые были покинуты жителями. Только будущее покажет, окончателен их уход оттуда или же, как это бывало и в прошлом, харратины снова вернутся в эти пустующие деревни. Мы продолжаем рассматривать их как полюсы, вокруг которых организовалась жизнь отдельных групп.

В 1984 году почти невозможно представить даже приблизительно этнологическую картину группы, ведущей кочевой образ жизни. Слишком сильны в ней тенденции, ведущие подобное общество к дезорганизации. Мы же полагаем, что, даже если происходящая эволюция и убеждает нас в неизбежности исчезновения кочевого образа жизни, эта эволюция произошла слишком недавно, чтобы считаться окончательной. Похоже, что сегодня кочевники приговорены, но кто может поручиться, что так будет и завтра?

Вот почему мы просим читателей рассматривать настоящий труд как нечто вроде гистологического среза с туарегского общества. Будущее покажет, какие элементы обрисованной картины исчезнут окончательно, какие сотрутся, а какие (почему бы и нет?) возродятся однажды вновь, поскольку известно: сильные культуры никогда не отмирают полностью.

Раймон Шабо

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

Туареги проживают в обширном районе, который охватывает часть Сахары и Судана, или Сахеля (Мали, Буркина Фасо, Нигер). Область их расселения начинается у границы Большого Восточного Эрга, доходит до бассейна Нигера и заканчивается примерно у 15° с. ш., включая всю территорию, лежащую между 5° з.д. и 10° в. д.

Данное исследование касается в основном населения Ахаггара, но надо иметь в виду, что оно составляет лишь незначительную часть туарегской этнической группы. Туареги делятся на несколько группировок, которым мы дали наименование конфедераций, подчиняющихся каждая в той или иной степени своему вождю. Термин «конфедерация» удобен тем, что подразумевает определенную совокупность племен, но его нельзя понимать в прямом значении, предполагающем иерархизиро-ванную организацию, союз нескольких независимых государств, связанных между собой общим соглашением. У туарегов дело обстоит иначе.

Когда французы заняли Сахару и страны Сахеля, они нашли населяющие их племена в состоянии полуанархии: структура различных конфедераций больше походила на существовавшую много веков назад; исключение составляла конфедерация Ахаггар, где сохранилась традиционная политическая организация.

В средние века, по-видимому, существовали две группы туарегов: группа северных, центральносахарских туарегов, или ахаггаров, и группа южных, суданских туарегов,

объединенных вокруг сюзеренного племени тадема-Всетов, первоначальным местом обитания которой был Адрар-Ифорас, поскольку племена в Аире еще не были объединены в политическое целое. Сахарские племена составляли одну группу, находившуюся под властью имананских султанов и в XVI веке распавшуюся на две — кель-ахаггар и кель-аджер («кель» — означает «люди»).

Разделение племени тадемакетов датируется XII веком, оно произошло в результате ухода значительной его группы — иуллеммеденов, поселившихся севернее излучины Нигера; тогда оставшиеся племена воспользовались этим и, освободившись от их власти, расселились на обоих берегах реки.

Отдельные, разрозненные племена пришли в горный массив Аир, должно быть, еще в очень давние времена, потом они слились с чернокожими; особенно активно Аир стал заселяться начиная с X века пришедшими с севера группами, к которым позднее присоединились фракции, жившие до этого в Ахаггаре и в Адрар-Ифорасе.

К моменту прихода французов туареги делились на следующие группы.

1. Ахаггары, или кель-ахаггар; они жили вместе с таитоками в массиве Ахаггар и его отрогах и периодически кочевали вдоль северных суданских границ близ Аира, по так называемой Тамесне, и на севере Адрар-Ифораса.

2. Кель-аджер; они населяли Тассилин-Аджер, западную часть Восточного Эрга — от Форт-Флаттерса до Гадамеса, западную часть Феззана — от Тассили до подступов к Мурзуку.

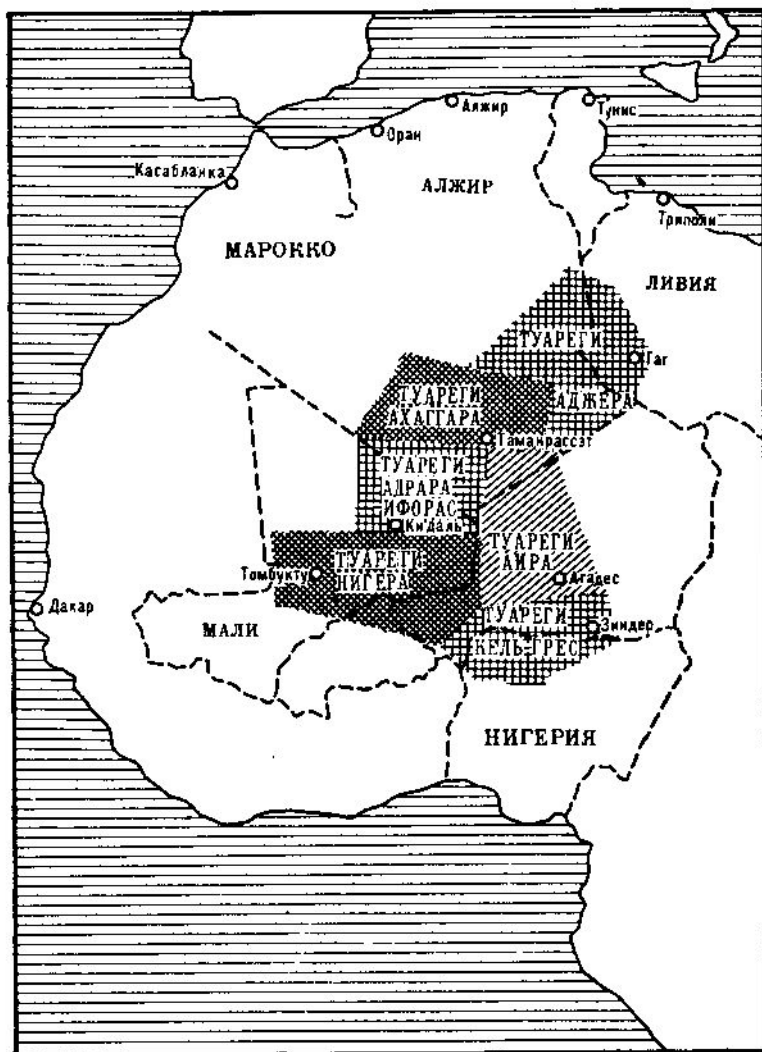
Эти две группы часто обозначаются как северные, или сахарские, туареги.

3. Иуллеммедены, или уллимидены; ныне размещаются в районе Менаки; их власть распространялась на всех туарегов, живших в излучине Нигера. В XVIII веке от иуллеммеденов отделились и стали жить независимо кель-динник, которые кочевали в окрестностях Татуа. Племена кель-адрар, или ифорас (ифогас, ифор-хас), не удалось получить полную свободу от иуллеммеденов, пришлось признать вассальную зависимость от кель-ахаггар и ежегодно платить им дань.

4. Тенгерифы — прямые наследники тадемакетов; занимали окрестности озера Фагибин и являлись сюзеренами Томбукту.

Эти различные группировки часто обозначаются как нигерские, или малийские, туареги, а также южные, или же суданские, туареги.

5. Кель-аир, или кель-азбен, включавшие кель-грес и кель-эуи; они находились под властью султана Агадеса, властью, впрочем, весьма условной. Кель-эуи, сильно смешанные с местными гобирскими элементами, обитали в горном массиве, тогда как кель-грес жили на южных равнинах, в Дамергу и т. д.

Распределение политических группировок туарегов

Иногда их называют юго-восточными туарегами, а после провозглашения независимости — нигерскими туарегами.

Таким образом, всего насчитывалось пять групп. Между ними не существовало никакой связи. Не было и верховного вождя, который мог бы объединить все племена ради общего дела, по-видимому, особой необходимости в этом никогда и не было. Присущий этим племенам анархизм отнюдь не способствовал национальному сплочению. Они обладали достаточной военной силой, чтобы подчинить себе своих чернокожих соседей. И хотя на какой-то период древние группировки туарегов в районе Томбукту и Гао вынуждены были отказаться от своего господства над деревнями поречья в пользу сонгайского императора и даже признать его сюзеренитет, зависимость их оставалась номинальной и довольно скоро был достигнут компромисс: туарегские племена стали играть в сонгайской армии одну из главных ролей.

Независимость туарегов тем не менее не исключала возможности военных союзов между ними, и нередко бывало, что они обращались к соседним племенам с призывом объединиться в борьбе против общего врага.

Такой призыв всегда находил отклик, поскольку война сулила немало выгод, например грабеж, на что туареги всегда были падки.

По данным 1933—1938 годов, численность различных групп туарегов была такова: ахагары — 4254 человека, кель-аджер—1508, кель-аир (кель-эуи и кель-грес) — 27 765, тенгерифы — 40 000, кель-адрар — 4223, иуллеммедены (включая племена с излучины Нигера и кель-динник) — 161 160 человек. Итого: 238910 человек. Следует отметить, что в цифру 1508 (кель-аджер) не входят туареги, кочующие в Феззанае, которых может быть несколько сотен, а также подчиненные им жители оазиса Джанет и мелких земледельческих центров.

Эта численность намного превышает ту, что была получена при переписях до 1920 года.

Из общего числа иуллеммеденов следует вычесть 94 000 слуг, переписанных вместе с ними. На сегодняшний день численность туарегов очень высока¹. Рождаемость у них после периода спада, вызвавшего угрозу исчезновения туарегов, она ощутимо повысилась. Их нынешнюю численность эжно приблизительно обозначить цифрой 300000. У ахаггаров, например, по состоянию на 1950 год, было 311 белых кочевников, 1642 слуги — всего 6253 человека. Следовательно, менее чем за двадцать лет население увеличилось на 2000 человек, то есть почти на 30%.

По данным 1938 года, ахаггары составляли лишь 1,78% всего туарегского населения.

Приводится еще одна цифра — 500000, но она представляется завышенной. При переписях населения, проводившихся после провозглашения независимости, давались обобщенные цифры, не делалось различий между благородными туарегами (имхарами), вассалами, ремесленниками, слугами и ассимилированными группами. Сегодня туарегами (или кель-тамашек) называют себя также бывшие икланы, или беллахи, кель-джанет — все вегроидного происхождения, тогда как до провозглашения независимости они находились в подчинении у туарегов. Чтобы избежать этнографической путаницы, мы предпочтем придерживаться старых данных.

ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ И УСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Язык

Язык вместе с культурными (материальными и духовными) факторами какой-либо популяции — составная часть того, что этнологи называют «этничностью». Он является той связью, которая объединяет членов одной этнической группы, даже если они отличаются друг от друга в расовом отношении и живут по различным политическим законам. Изучение языка всегда представляет огромный интерес, ибо позволяет проследить его истоки, его возможное родство с другими лингвистическими группами и даже выявить в нем скрещивания и миграции.

Язык, на котором говорят туареги, носит название *тамахака* или *тамашек* — в зависимости от того, какие племена говорят на нем — сахарские или сахельские. Он является диалектом берберской лингвистической группы, остался самым чистым и изучен лучше других грамматически благодаря работам, оставленным отцом де Фуко, а также опубликованным Р. и А. Бассе.

Тамахака — эволюционировавшая форма староливийского или берберо-ливийского языка, на котором говорили древние ливийские племена (описанные античными авторами), распространенного уже в V веке до н. э., а возможно, и ранее по всей Северной Африке западнее дельты Нила и предположительно (но весьма вероятно) во всей Центральной и Западной Сахаре. Названия *гир*, *гер*, *н-гер*, Абалесса, Илези, означающие соответственно «приток, река, обработанный участок, возвышенность, окруженная низиной», встречаются в текстах Плиния, Птолемея и других авторов и предстают как самые древние известные нам слова берберского языка, относящиеся к старой топонимике Сахары, используемой и поныне.

Несмотря на вторжение финикийцев, римлян, вандаов, византийцев, ливийский язык не был искажен чужеродным воздействием: он лишь заимствовал из каждого языка некоторые слова, адаптировав их. В его теперешней форме, то есть берберской, на нем еще говорят в египетских оазисах Сива и Ауджила, в Сокие, в Джебель-Нефусе, на острове Джерба, в Оресс, в Малой Кабилии, в окрестностях Лаллы-Магнии, во многих племенах Марокко, в частности у шлехов, в отдельных городах Сахары (таких, как Гадамес, Гат, Уаргла), в Мзабе, в оазисах Сауры и, наконец, у туарегов.

По сравнению с прошлым берберский язык сильно сдал свои позиции, в основном, арабскому языку, который начал бурно распространяться в VIII веке. Больше всего это проявилось в Западной Сахаре, где на берберском языке, подвергшемся сильному влиянию арабского, говорят лишь в отдельных местах. Такое отступление берберского языка объясняется в основном активным распространением ислама — проводника арабского языка, недостаточной сплоченностью самого берберского мира из-за его географической разобщенности, препятствовавшей формированию единой берберской нации, и отсутствием достаточно развитой письменности — необходимого условия существования литературы и прочих культурных связей.

---

¹ О численности туарегов в настоящее время см. в Послесловии.— Примеч. ред.

Не дала оказать на себя глубокое влияние лишь языковая группа *тамахак (тамашек)*, и констатация этого лингвистического факта еще раз подтверждает то, что уже было сказано о монолитности туарегов. Демонстрация этого может быть продолжена и дальше.

А. Бассе, сделавший сравнительный анализ различных берберских диалектов Северной Африки и Сахары, отметил существенную разницу между *тамахак* и другими диалектами, четко отделяющую туарегов от других берберофонов. «Туареги, — подчеркивает он, — будучи изолированы от других берберофонов своим укладом Жизни, общественным устройством и безлюдными пространствами, составляют настолько обособленный мир, что их северо-западная географическая граница совпадает с лингвистическим барьером (правда, не везде одинаковым), пересекающим Сахару от Гадамеса до Томбукту». Западнее этой границы речь идет уже о диалектах, родственных языку *зенага*. Такая капитальная разница свидетельствует об этническом разрыве, который веками существовал у населения Сахары и который своими границами совпадает здесь с границами распространения наскальных гравюр и рисунков с изображением лошади и ливийского воина.

Тамахак (тамашек) делится на несколько диалектов: *тахаггарт*, на котором говорят племена Ахаггара и Тассилин-Аджеря, а также таитоки, нашедшие прибежище в северо-западной части Аира; *тадрак* — племена Адрар-Ифораса; *таирт* — кель-аир; *тауллемет* — иуллеммедены, племена долины Нигера и окрестностей Томбукту. Различия в диалектах столь велики, что жители соседствующих районов с трудом понимают друг друга. Это объясняется тем, что язык еще не сложился и конструкция предложений в нем непостоянна. Сюда можно добавить еще наличие большого диапазона фонетических вариаций, что дает возможность судить о различиях в происхождении племен. Когда все эти факторы будут проанализированы и определены, они, возможно, позволят проследить пути миграций племен до того, как они обосновались в своих нынешних местах обитания.

Диалект Ахаггара считается самым чистым, потому что имеет очень мало заимствований из других языков. В нем можно обнаружить латинские слова, связанные с христианской религией и определением времени и — в большем количестве — арабские слова, пришедшие в результате распространения ислама. На диалекты Мали и Нигера оказали большое влияние языки соседей — хауса и сонгаев. Это объясняется повседневными контактами между туарегами-кочевниками и суданскими оседлыми жителями. Здесь заимствования относятся к флоре и фауне, которая у последних сильно отличается от сахарской и гораздо богаче, чем у туарегов.

Каковы же истоки языка туарегов, а в более широком плане — берберского языка?

Давно принято считать, что берберский язык принадлежит к семито-хамитской языковой семье, включающей семитские, древнеегипетский, берберо-ливийские и кушитские языки, происшедшие от одного лингвистического пласта и распространившиеся в их теперешнем виде в Аравии и ее северных пределах, а также по всему северу Африки. По своему языку туареги, таким образом, принадлежат к ближневосточной цивилизации.

Эта теория, которую активно поддерживал М. Коэн, не вызывает единодушия у лингвистов-бербероведов. А. Бассе, например, сомневается в наличии родства с семито-хамитской языковой семьей, поскольку заимствования оттуда крайне незначительны. По его мнению, берберский — не импортированный, а скорее автохтонный язык, со всеми вытекающими отсюда этнологическими последствиями, тем более что проводимые в различных направлениях изыскания с целью определить, к какой еще языковой семье можно было бы причислить берберский язык, оказались тщетными. Морфология имени в берберском, утверждает А. Бассе, настолько чужда семито-хамитской, что, даже если бы его родство с этой языковой группой было доказано, «осталась бы значительная масса слов (доберберских либо иных) неизвестного происхождения». И далее он добавляет: «Если допустить, что подобное родство будет установлено, а в ближайшем будущем и доказано с той же очевидностью, что и родство между собой семитских или индоевропейских языков, то в этой связи возникнет целый ряд новых проблем: место берберского языка в этой семье; смещения и оригинальные конструкции в нем; а если все же считать его импортированным языком, то выявление доисторической-миграции, предвосхищающей будущее исторически засвидетельствованное наступление арабского языка; установление доберберского субстрата в Северной Африке и, может быть, даже попытка реконструкции этого доберберского языка».

Это вопрос очень важный. Поставленный столь авторитетно, он вызовет новые поиски и новые столкновения мнений. Не будучи лингвистом, не берусь брать здесь чью-либо сторону, но как палеоэтнолог могу констатировать, что новая гипотеза лучше, чем прежняя, увязывается с

последними данными антропологии древних популяций в Северной Африке, изучения первобытного общества, а также археологическими данными и историческими фактами, которые отнюдь не свидетельствуют о миграциях с востока, а показывают, что ливийские и даже доливийские популяции издревле находились на севере Африки. Создается впечатление, что они закрепились там, где находятся сегодня, с очень давних времен, даже если сегодня это нельзя твердо доказать.

Письменность

Некогда берберы имели письменность, знаки которой, еще сохранившиеся на скалах и посвященных стелах в Северной Африке, уже непонятны нынешним обитателям Сахары. Для путешественников и лингвистов было большим сюрпризом узнать, что это любопытное письмо — *тифинаг* (*тифинар*), хотя и в сильно измененном виде, находится в употреблении у туарегов и по сей день.

Тифинаг (то есть «знаки») состоит из 24 значков простой геометрической формы — точек, черточек, кружочков и их сочетаний, обозначающих согласные. Знаки для *y* (*iy*) и *w* (*wa*) передают не гласные, а полугласные звуки; что касается «а», то этот знак никогда не пишется внутри слова, где он часто имеет нулевое значение, а пишется только в последнем слоге. Такое отсутствие гласных делает чтение тифинага весьма затруднительным.

К этим 24 знакам, соответствующим стольким же фонемам, прибавляются так называемые лигатуры, образованные соединением двух простых знаков; фонетически они представляют собой сочетания согласных, в основном в конечных позициях: - это соединения «б» и «т», «м» и «т», «н» и «т», «л» и «т», «р» и «т» и т. п.

В различных диалектах *тифинаг*, будучи чисто фонетическим письмом, сильно меняется, что, конечно, не способствует укреплению языка. На нем пишут справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх, иногда даже по спирали; в нем нет ни знаков пунктуации, ни заглавных букв, ни вспомогательных значков, ни интервалов между словами и фразами, что сильно затрудняет чтение. Фактически *тифинаг*, по-видимому, никогда не служил для передачи длинных текстов; как правило, существующие представляют собой короткие послания, содержащие не более нескольких фраз. Весьма характерно, что у туарегов в их языке нет даже слова «писать», оно заимствовано из арабского.

Является ли *тифинаг* пережитком некогда широкоупотребительного алфавита, или же он никогда не был более развит, чем теперь? Отсутствие манускриптов и крупных древних надписей заставляет склониться в пользу второго предположения. Как заметил Аното, арабская и древнееврейская письменности долго оставались на своей начальной стадии (в какой находится

№	Знаки тифинага	Названия знака	Современное название	Ливийское письмо	№	Знаки тифинага	Названия знака	Современное название	Ливийское письмо
1	•	таггерит	А Е И	*знак слова-раздела	14	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	эйф	Ф	ⵍ ⵎ
2	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йеб	Б	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	15	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йел	Л	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
3	+	йет	Т	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	16	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йем	М	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
4	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йед	Д	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	17	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йен	Н	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
5	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йеж	Ж	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	18	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йек	К	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
6	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йез	З	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	19	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йак	Қ	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
7	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йез	З	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	20	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йеш	Ш	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
8	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йер	Р	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	21	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	рах	Х	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
9	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йес	С	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	22	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	вад	Д	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
10	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йег	Г	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	23	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йе	И	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
11	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	чак	Х	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	24	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йет	Т	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ
12	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йеу	Зу У	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ					
13	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ	йег	Г	ⵍ ⵎ ⵏ ⵐ ⵑ ⵒ ⵓ ⵔ					

Современный тифинаг
и его связь с древним ливийским алфавитом

сейчас *тифинаг*) и получили дальнейшее развитие, только когда возрастающее влияние религии повлекло за собой необходимость составления текстов. Если вспомнить, чем обязаны религии все языки, будь то древнеегипетский, халдейский, пунический, древние языки Китая, греческий, латинский и другие языки, то можно понять, почему ливийско-берберский язык остался на столь примитивной стадии. К тому же туареги далеко не все используют *тифинаг*. Хорошо знающие тифинаг и способные прочесть надпись «с листа» встречаются весьма редко. Как заметил Бенхазера, в настоящее время знание *тифинага* отнюдь не является признаком образованности. Разобрать какую-нибудь надпись подчас очень трудная задача для туарегов, им приходится прямо-таки заниматься «фонетической гимнастикой», произнося звуки один за другим. Лишь после нескольких попыток им удастся разгадать слово. Сегодня (и похоже, что так было всегда) *тифинаг* используется лишь для того, чтобы сделать короткую запись, написать пожелание, предупреждение, просьбу о встрече, любовное послание или сделать метку на каком-нибудь предмете. Такие надписи обычно вырезают или рисуют на скале, а также на каменных браслетах, которые носят мужчины, на кожаной деке амзада (женской скрипки), а раньше—на щитах воинов. Реже короткие послания записываются на коже или пергаменте, на бумаге либо могут быть нацарапаны на сланцевой или песчаниковой плитке, вырезаны на деревянной дощечке.

Тифинаг доступен у туарегов обоим полам почти в равной степени, хотя считается, что у них женщины более образованны, чем мужчины. Конечно, среди женщин есть очень одаренные, но это качество присуще и мужчинам. Уровень культуры женщин явно преувеличивается. Утверждают, например, что некоторые женщины знают наизусть Коран и «Свод законов» Сиди Халиля, однако у туарегов Ахаггара почти отсутствует религиозное образование, женщины там редко знают арабский и поэтому не могут читать подобные сочинения. Именно из-за незнания арабского *тамахака* и остается у них живым языком; женщины являются хранительницами как языка, так и всех традиций туарегов.

Каково же происхождение *тифинага*?

Прежде этот алфавит рассматривался как производный от ливийско-берберского, который, в свою очередь, произошел от пунического, введенного в Северной Африке карфагенянами и

использовавшегося во всем бассейне Средиземного моря. Подобное суждение сомнительно, ибо непонятно, почему берберы не приняли сразу пунического алфавита, тем более что он был совершеннее и проще в употреблении.

По другому предположению, ливийско-берберский алфавит произошел из синайского, истоки которого следует искать в Южной Аравии, но и здесь очень велика доля предположений, и они малоубедительны.

Профессор М. Коэн, например, установил такую родственную преемственность алфавитов, по которой ливийско-берберский алфавит является африканской формы более древнего алфавита-предка; при этом остаются несколько неизвестных: 1) прототип алфавита, который еще предстоит определить, существовавший приблизительно в 2000—1750 годах до нашей эры; 2) его ветви, явно различающиеся и невыводимые одна из другой: а) ханаанский алфавит; б) южноаравийский; в) ливийский и, конечно, г) угаритский (в виде клинописи). По убеждению М. Коэна, распространение на запад этого алфавита, зародившегося на Ближнем Востоке, является результатом миграций и вторжений, как, впрочем, и распространение самого берберского языка, рассматриваемого им как составная часть хамито-семитской группы. Таким образом, мы подошли к восточному происхождению алфавита со всеми выводами, которые отсюда вытекают.

За последние десятилетия изучение ливийско-берберских надписей как в Северной Африке, так и в Сахаре сделало большие успехи. Теперь можно зафиксировать границы их распространения не так произвольно, как это делалось в 20-е годы, когда считалось, что они существуют во всей Северной Африке — от Синайского полуострова до Канарских островов. В действительности же на Синае есть лишь несколько надписей, весьма отличных от ливийских, а в долине Нила и его верховьях их, насколько мне известно, не обнаружено совсем. Самое восточное местонахождение надписей, по-видимому, в Дахле — оазисе, расположенном между Нилом и Джебель-Уэнат, и, лишь начиная с Феззана, надписи становятся более частыми, достигая наибольшей плотности в Тунисе (южнее бывшего Карфагена) и восточнее Константины. Отдельные надписи встречаются в Алжире и Марокко, а также на Канарских островах. В Сахаре больше всего надписей встречается в Тассилин-Аджер, где они сделаны в основном красной охрой на стенах под скальными выступами, в Ахаггаре, а также в Адрар-Ифорасе; в Аире их меньше, в Ти-бест и Кауаре они практически отсутствуют. На юге такие надписи встречаются близ реки Нигер и на широте города Зиндер, которая вместе со скальными утесами Хомборн является своеобразной границей расселения берберофонов в этом районе. На западе, то есть в Мавритании, надписи немногочисленны и сконцентрированы в Адраре, а также севернее и северо-восточнее Тишита, то есть а достаточной степени локализованы. Более того, число их уменьшается в направлении с востока на запад, а это вполне позволяет предположить, что ливийско-берберские племена Мавритании пришли с востока, а не с севера.

Из сказанного следует, что распространение ливийско-берберских надписей гораздо уже, а концентрация выше, чем это предполагалось ранее. Что же касается Сахары, то здесь зона их распространения совпадает с зоной наскальных росписей с изображением лошади, причем самых древних. И это неудивительно, поскольку многие надписи сопровождают изображения ливийского воина с дротиком и круглым щитом «периода лошади». А факт их отсутствия на рисунках, где лошадь не фигурирует (например, в Тибести и Кауаре), явно указывает на то, что введение алфавита и распространение его были осуществлены популяциями «всадников».

Надписи следует различать и по возрасту. Они делятся на три группы. Самые древние надписи состоят из знаков, уже неупотребляемых; они непонятны даже самим туарегам. Обычно эти надписи начинаются тремя или четырьмя точками, расположенными вертикально, за ними идет кружок, и, наконец, три параллельные горизонтальные линии . Такие надписи встречаются в Тассили, в Ахаггаре, а Адрар-Ифорасе (а также в Талохосе и в Ин-Тадеини), в Мавритании и в Аире. В основном они сопровождают рисунки лошадей и людей высокого роста в туниках в виде двух треугольников, с перьями, дротиками, висящим на запястье ножом и круглым щитом; патина на них всегда довольно темная. Для этих надписей можно предложить наименование «ливийские», использовавшееся до сих пор для обозначения древних надписей в Северной Африке, не имевших точек вначале или всего с одной точкой. Сравнительного изучения этих надписей не делалось. На первый взгляд надписи без точек представляются архаической формой ливийско-сахарских надписей, что вполне допустимо, но не очевидно. Ниже мы увидим почему.

Надписи среднего, или промежуточного, периода начинаются обычно вертикальной

линией и тремя точками, расположенными треугольником . Значение этих знаков туареги уже понимают. Они читаются «нек», или «уаннек», что означает «я». Знаки, следующие за ними, не всегда понятны туарегам. Такие надписи особенно распространены в Тассили, в Ахаггаре, главным образом в Ахнете и Адрар-Ифорасе; отдельные такие надписи встречаются в Мавритании. Трудно определить тип наскальных рисунков, которые сопровождают эти надписи. Нередко на них изображена лошадь, иногда попадаетея и верблюд. Патина на них обычно желтая, довольно светлая. Во всяком случае, рисунки весьма посредственны по сравнению с предыдущими. Для этих надписей можно предложить наименование «ливийско-берберские» — так до сих пор обозначали все надписи — от самых древних до самых поздних.

Самые поздние надписи начинались со знака (видоизмененная форма , имеющая то же значение), сопровождаемого обычно именем собственными знаками — «тенет»-«сказавший»-«сказал», а дальше следовала какая-либо мысль или пожелание. Туареги легко понимают эти надписи, потому что сделаны они сравнительно недавно и могут делаться и сейчас. Патина на них всегда светлая. Подобные надписи можно встретить на всей территории, где ныне проживают туареги. Однако в Мавритании их нет.

Таким образом, в ливийском письме произошла эволюция, выразившаяся в модификации одних знаков и в изменении фонетического значения других.

Наличие надписей древнего типа в Адрар-Ифорасе и в самой южной, куда только дошли туареги, зоне Сахары позволяет предположить, что когда-нибудь смогут разгадать их значение, используя как ключ язык *тамахака*. Местонахождение этих надписей совершенно четко отражает продвижение туарегских племен на юг и, возможно, в Мавританию, вдоль по пути Дар-Тишит — Уалата. По-видимому, не так будет обстоять дело с надписями в Северной Африке. В этой связи А. Бассе отмечал неудачу попыток перевести двуязычные и одноязычные ливийские надписи, «которые старались расшифровать с помощью берберского языка, и они наотрез отказывались раскрыть свой секрет». Отсюда следует вывод, что отдельные надписи могли быть сделаны и на каком-то другом языке. Эта новая точка зрения весьма интересна, ибо позволяет утверждать, что ливийский алфавит (который уже не представляется как обязательно связанный с берберским) был внедрен на севере Африки, по всей вероятности, популяциями «всадников», хотя период и пути его проникновения еще не установлены.

Идея восточного происхождения ливийского алфавита, выдвинутая М. Козном, — одна из самых убедительных. Тем не менее ее нельзя принять в том виде, в каком она сформулирована, ибо она предполагает, что ливийский алфавит пришел в Сахару в результате миграции семито-хамитских народов, однако наличие таковой не доказано.

Существовало еще одно предположение — о родстве ливийского с древними критскими алфавитами, но эта гипотеза не была поддержана, несмотря на очевидное сходство алфавитов. А ведь мы знаем, сколь значительны были последствия вторжений к ливийцам «народов моря» и какое большое культурное влияние оказал их приход. И в Сахаре прослеживается связь между популяциями «всадников» группы ливийцев — гарамантов — туарегов и распространением ливийского алфавита.

В свое время надписи на этом алфавите, найденные в скальных укрытиях Тассили рядом с изображениями боевых колесниц, совершенно не привлекали внимания; их изучением пренебрегали до такой степени, что редко кто давал себе труд скопировать их. А ведь между изображениями и надписями вполне может существовать связь. Если бы это оказалось так, то берберы тогда получили бы свой алфавит через Мармарику, в результате эгейско-критских завоеваний. Это лишь гипотеза, причем очень смелая, однако знать ее необходимо, поскольку, если указанная выше связь с изображением колесницы и лошади окажется внешней и случайной, ее всегда можно будет отвергнуть. Гипотеза эта не противоречит данным археологических раскопок в Центральной Сахаре, к тому же вряд ли алфавит пришел с востока через Египет или Верхний Нил. Наоборот, это древние критские популяции, должно быть, получили его с востока, что подтвердило бы тезис о его южноаравийском происхождении, выдвинутый М. Козном. Остается добавить, что за тридцать лет исследований в этом направлении мною при обнаружении множества рисунков с изображениями колесниц не отмечено ни одного случая сочетания изображения колесницы и ливийско-берберской надписи.

Что же касается надписей в Северной Африке, которые довольно-таки сильно отличаются от надписей в Сахаре, но, безусловно, имеют с ними родство, то, может быть, стоит, как считает

А. Бассе, попробовать расшифровать их с помощью какого-нибудь другого — не берберского — языка. Но какого? Надписи на Канарских островах довольно близки надписям в Северной Африке, но многие из них идентичны и надписям древнего типа, встречающимся в Сахаре. Одна группа таких надписей сопровождается даже геометрическим рисунком, который, будучи обнаружен в Сахаре, наверняка воспринимался бы как колесница. Верно считая, что эти надписи чужды людям островов, он предполагает, что они сделаны чужеземцами — нумидийцами, пришедшими туда на карфагенских или других кораблях в очень давнее время.

Отметим, что туареги владеют еще и «языком пальцев», чем-то вроде тайной передачи информации с помощью воспроизведения знаков тифинага на ладони собеседника, обычно втайне от присутствующих. Они «пишутся» один за другим, и собеседник в знак того, что он понял, отвечает пожатием руки. Эта система, обычно применяемая при довольно фривольных обстоятельствах, иногда используется и для вполне серьезных целей.

Лингвистические познания туарегов Ахаггара довольно обширны. Значительная часть мужского населения понимает арабский язык, даже если и не говорит на нем, а некоторые могут по-арабски писать. Многие понимают язык народа хауса — результат поездок на юг Аира, и в частности в Дамергу, где обменивают соль на просо. Кое-кто знает сонгайский язык, но, поскольку туареги все реже ходят теперь по дороге на Гао, таких людей осталось немного. В 1950 году только несколько туарегов начали приобщаться к французскому языку; после провозглашения независимости их стало больше.

«Языка барабана» у туарегов нет, если не считать условных ударов по *тоболу* (барабану), когда надо созвать мужчин на войну или на большое собрание.

Туареги пользуются десятичной цифровой системой. Иногда они употребляют палочки-памятки, делая на них небольшие зарубки, чтобы запомнить какие-нибудь нужные цифры.

Устное творчество

Устное творчество туарегов Ахаггара открыл для нас в основном отец де Фуко, который собрал, записал и перевел множество стихов, басен, пословиц и прозаических текстов. Устное творчество туарегов чрезвычайно богато и свидетельствует о необыкновенно развитом поэтическом чувстве этого народа.

Самые излюбленные темы — война и любовь, но их не оставляют равнодушными и красота гор, и ночная тишина, и шум ветра, и грациозные газели, и даже маленькая черно-белая птичка *мула-мула* (каменка), которая безбоязненно селится вблизи туарегских становищ.

Когда отправляешься в путь в сопровождении такого закутанного в покрывало человека, скоро замечаешь, как действует на него дорога: он начинает петь, и не только чтобы скоротать время. Чувствительная душа туарега попадает под очарование величественной пустыни. В зависимости от настроения туарег пост о заботах и радостях, о надеждах, о страстном желании встретить женщину своей мечты, о горестях неразделенной любви и о достоинствах своего неразлучного мехари, он воспевает очарование гор, покинутых им на время. Особенно ярко пристрастие туарегов к поэзии, музыке и пению проявляется по вечерам у костра, когда собираются все жители становища: они могут проводить ночи напролет вокруг огня, слушая сочинения друг друга.

Все туареги, как мужчины, так и женщины, умеют сочинять. Это у них своего рода игра: о каждом знаменательном событии слагаются рифмованные тексты, которые потом поются. Нередко устраивается своеобразный литературный смотр, где исполняются самые лучшие сочинения. Иногда темой для них служит причина раздора между племенами. Насмешливые по характеру, туареги часто вышучивают своих врагов, а то и женщин, отвергших их. Бывает и такое: между двумя влюбленными затевается нескончаемый диалог, где каждый отвечает на «страдания» другого, и это может длиться месяцами и даже годами.

Трубадуров в прямом смысле слова у туарегов нет, но есть люди, знающие сотни песен и стихов и охотно исполняющие их по просьбе слушателей. Это своеобразный способ прокормиться в течение нескольких дней в каком-либо становище. За некоторыми туарегами устанавливается слава сочинителей. Свои стихи туареги могут исполнять в сопровождении амзада.

Существуют у них и каноны на определенные музыкальные мелодии; исполняются они по вечерам у костра или во время движения каравана.

Стихосложение у туарегов подчинено особым правилам. В соответствии с количеством стоп, образуемых долгими, краткими или промежуточными слогами, стихи делятся на «сейенин»,

«хей-нена», «иль-анер-ялла» и «али-уен». Размер «сейенин» содержит обычно четыре стопы; «хейне-на» — два полустопишия, из которых первое трехстопное, второе одностопное; размер «иль-анер-ялла» имеет четыре стопы, при этом первая содержит один краткий и один долгий слог, вторая — один краткий и один долгий либо краткий (без твердого правила); а в размере «сейенин» две первых стопы обязательно состоят из краткого и долгого слогов; наконец, размер «алиуен» (по всей видимости, самый старинный) состоит из двенадцати слогов в двух полустопишиях; в настоящее время он исчезает.

Согласно данным отца де Фуко, размер «сейенин» зародился в Ахаггаре; размер же «хейнена» пришел из Аджера и употребляется не так давно, как «сейенин», которому уже сто лет; размер «иль-анер-ялла» («нами владеет бог») своим происхождением также обязан аджерам; он был в большом ходу в середине прошлого века и гораздо старше, чем «сейенин». Эти три размера служат для стихосложений на любые сюжеты, тогда как размер «алиуен» («оливы») используется лишь для женских песнопений по случаю свадебных торжеств.

Существуют и другие размеры («тара», «ахеллель», «азахалаг»), но они употребляются все реже.

Каждому из этих размеров соответствует определенное число скрипичных мелодий, но последние не слишком разнообразны из-за примитивности инструмента, имеющего всего одну струну.

Размеру «сейенин» соответствуют песенные мотивы под названием «кедуха», «д'агг-амма», «кель-рела» и т. д.; размеру «хейнена» — «гоги», «шет-ганет», «кель-арас», «уккирен» и т. д.; стихи на размер «иль-анер-ялла» из-за торжественности характера поются лишь на два мотива — мотив аджеров и мотив Ахаггара. Мелодии называют именем людей, для которых они сочинены, племени, где их обычно исполняют.

Туарегская музыка очень похожа на музыку отдельных берберских племен Атласа, и, хотя никто еще не занимался их сравнительным изучением, вполне вероятно, что это музыкальное родство со временем будет установлено. Впрочем, берберская музыка имеет сходство и с южноаравийской музыкой, что также предстоит доказать. Кое-кто полагает, что истоком такой общности или хотя бы соединительной нитью мог быть остров Крит.

На амзаде играют только женщины. Это очень почитаемое у туарегов искусство, владеть которым должна каждая девушка благородного происхождения, оно передается девочкам матерями или родственницами. Хороших исполнительниц не так уж много, вот почему молодые люди готовы преодолеть большие расстояния только для того, чтобы послушать хорошую музыку. Это искусство некогда оживляло все вечера в Ахагга-ре, но сейчас понемногу приходит в упадок; сказываются веяния нового времени и, возможно, то обстоятельство, что воцарившийся мир лишает жизнь туарегов былой романтики.

Зато становится все более популярен тобол — барабан из кожи, натянутой на деревянную ступку, женщины бьют по нему руками. Тобол — неотъемлемая часть свадебных церемоний и больших сборищ, сопровождаемых состязаниями мехаристов. Мелодии тобола в большинстве случаев произошли из Адрар-Ифораса, а их ритмический строй свидетельствует о негритянском влиянии. Некоторые мелодии пришли из Тассили.

Что касается *ахаля* — ритуала ухаживания, которым славятся туареги, то он не отличается ни музыкальными, ни литературными достоинствами, темы часто поразительно вульгарны. Но и здесь тоже нравы меняются, поскольку у туарегов нет уже тех сюжетов для стихов, что были раньше.

Устное творчество туарегов включает в себя также басни, сказки и легенды. Сказки и басни предназначены для детей; старухи рассказывают их по вечерам у костра. Все очень веселятся, слушая их, и включаются в игру, каждый рассказывает басню или сказку, которую знает. Как и в сказках Шарля Перро и баснях Лафонтена (кстати, восходящих к Эзопу), действующими лицами в них являются животные: шакал — самый хитрый, самый коварный зверь, всегда старается всех обставить; гиена — она не отличается храбростью, зато бывает хорошим советчиком; слон — сильный и невозмутимый, но позволяющий провести себя шакалу; заяц — олицетворение заносчивости и глупости и т. д. Родство устного творчества туарегов с фольклором других берберов довольно заметно.

Что касается легенд, зачастую рифмованных, то они составляют самую оригинальную и обширную область стного творчества туарегов Ахаггара. Многие из них посвящены жизни исторических или мифических персонажей (таких, как Аккар, Элиас, Аммамеллен и др.) и их охотничьим и военным подвигам. Но самое большое количество легенд сложено об истории гор

Ахаггара. В туарегском фольклоре есть «горы-женщины» и «горы-мужчины». Они обладают теми же чувствами и желаниями, что и люди. Например, пик Иламан влюблен в чуткую и изящную Тарельрельт, оспаривает ее в небывалом сражении с буйным Амгой. Амга ударом *такубы* (меча) отсекает своему сопернику руку, и тот становится калеккой (Иламан действительно напоминает однорукого человека). Однако и Амга получает от него удар пикой в бок, откуда бьет с тех пор неиссякаемый холодный родник. Каждая сколько-нибудь крупная вершина имеет свою историю. Чаще всего это трогательные повествования, в которых находит прекрасное выражение поэтическая натура туарегов.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Мы расскажем о племенах Ахаггара, лучше защищенных от посторонних влияний, чем другие племена, по причине их изолированного положения. Но поскольку туареги составляют довольно однородную этническую массу, то все, что мы сообщим об общественном устройстве ахаггаров, в основном будет характерно и для других племен туарегов, среди которых ахаггары могут, таким образом, рассматриваться как самые яркие носители и наиболее типичные представители туарегской цивилизации.

Классы и касты

Общественное устройство туарегов часто сравнивалось с нашей феодальной системой, с которой оно действительно имеет внешнее сходство. У них есть вождь, чья номинальная власть распространяется на всю группу племен, есть система классов (*асеркам*): все люди делятся на сюзеренов, вассалов, священнослужителей, ремесленников и слуг.

Классы в первобытных обществах рождаются из частной собственности, из богатства, из власти сильных, которые в обмен за определенные преимущества становятся покровителями слабых. Неизбежное следствие этого — войны и рабство.

Кастовость, эта обостренная форма классовой системы, включает в себя наследование власти, иерархию, неприятие друг друга различными группами, отказ от общения с представителями другой касты — все эти принципы живы у туарегов.

Такая разновидность аристократической организации как нельзя более отвечает особенностям кичевого образа жизни в противоположность демократической организации, обычно существующей при оседлом образе жизни. Она лучше подходит к кочевому укладу, при котором необходимы военная организация, солидарность пастухов, авторитарное руководство и где место каждого строго определено.

Туареги делятся на сюзеренов (имхаров или имоха-ров) — с чисто военным родом занятий; вассалов (имрадов) — по большей части пастухов; священнослужителей (инислименов); слуг (икланов), которые некогда имели статут рабов. Здесь же можно назвать другие категории, находящиеся в зависимости от них: это исеккемарен, ибореллиты и энаден.

Такая иерархия, совсем еще недавно существовавшая у туарегов, сложилась в результате войн, внутренних междоусобиц, происходивших на протяжении веков. Жизненные обстоятельства сгоняли племена с кочевий предков, вынуждая их искать пристанища в других местах. В этом случае обитавшие там люди должны были либо признавать сюзеренитет пришельцев, либо с помощью силы брать верх над ними, низводя их до положения вассалов.

Однако туареги всегда придавали большое значение благородному происхождению и уважали людей высокородных, даже если это были побежденные. Еще недавно знать Ахаггара и Аджера искала союза с женщинами из утратившей былую силу фракции имананских султанов, с тем чтобы добавить к ореолу своего высокого происхождения еще и священный ореол потомка пророка, очень ценный у мусульман.

Моногамия и матриархат

Для того чтобы понять, что представляет собой туарегское общество, следует учесть два важных фактора, в определенной мере связанные между собой, — моногамию и высокое положение женщины.

Хотя туареги являются мусульманами, а их соседи являют полигамные семьи, у них

принята моногамия. Этот феномен очень удивил первых путешественников, которые решили, что высокое социальное положение туарегской женщины является результатом былой христианизации. Однако довод этот нельзя принять, поскольку известно, что общественное устройство туарегов зиждется на матриархате, этом древнейшем институте, существовавшем задолго до христианства, чем и объясняются моногамия и привилегированное положение туарегской женщины.

«Можно сказать, — писал по этому поводу Е. Ф. Готье, — что туарегам свойственно рыцарское поведение, однако это выражение адекватно лишь по ассоциации: наше рыцарство — христианского происхождения, а уважение к женщине у туарега имеет более глубокие корни, оно восходит к матриархату и предшествует понятию государства и даже понятию семьи; это живое свидетельство первоначальной поры человечества, след, если так можно выразиться, четвертичного периода».

Развивая далее свою мысль, Готье говорит о том, что в первобытную эпоху люди не имели еще ясного представления о причинах деторождения, и добавляет: «Вероятно, первобытное человечество приписывало всякое рождение партеногенезу и зачатие представляло себе не иначе как непорочным: оно не видело прямой связи между любовными ласками и беременностью; инстинктивно осуществляя продолжение рода, оно не имело об этом ясного представления. Слово „отец“ не заключало для него никакого смысла, и в силу этого дети группировались только вокруг матери».

Совершенно очевидно, что в тот период правил брачных союзов еще не существовало, и это делало определение отцовства невозможным. Отсюда и повелось родство по единоутробной линии. Впоследствии, с возникновением анимистических верований, которые были, по-видимому, общими для всех архаических религий, матриархальная система обрела новый смысл: она сделала кровосмешение невозможным.

Эволюцию этих обычаев можно проследить на примере первобытных групп Австралии, где существует система родственных связей, как у туарегов и некоторых суданских этнических групп. Первая степень родства объединяет братьев, сестер, двоюродных братьев и сестер; вторая — отца, мать и их братьев и сестер; третья — прародителей, а также их братьев и сестер и т. д.

Отсюда и матрилинейность, когда матриархат является абсолютным, например у ахагаров; в то же время в тех племенах, где в результате исламизации установился патриархат, родство считается по отцовской линии (*теуи-н-адда*).

В матриархальном обществе защитником ребенка является старший брат матери, то есть дядя по материнской линии. Наследование общественного положения, равно как и имущества, также ведется по линии единоутробия. Преимущество этой системы состоит в том, что она обеспечивает, во-первых, наследование власти и, во-вторых, сохранение имущества в одной семье, что немаловажно для укрепления ее стабильности. Кроме того, эта система благодаря моногамии позволяет избежать внутренних раздоров, тогда как при полигамии постоянно возникает соперничество. Однако при этой системе могут возникнуть распри между родственниками, и отец оказывается в трудном положении. В этой связи следует вспомнить, чем отличается наследование по отцовской линии. Оно, как писал Лови, хотя само по себе единства не порождает, зато способствует формированию более крупных и прочных общественных единиц. И именно отсутствием патрилинейного наследования можно отчасти объяснить наличие некоторой анархии у туарегов.

Матриархат в том виде, в каком он имеет место у туарегов, не обуславливает господствующего положения женщины в обществе или в семье. Хотя женщина и определяет принадлежность своих детей к той или иной касте, из чего проистекают их общественные права, нельзя сказать, что ее положение в племени и семье более высокое, чем положение мужчины. Такое же явление наблюдается в первобытных общинах австралийских аборигенов с их архаическим матриархатом, где женщины занимают не лучшее положение по сравнению с женщинами в патриархальных обществах. Тем не менее в матриархальном обществе женщина пользуется большей свободой, чем в патриархальном: при заключении брака с ней согласуется выбор супруга, она единолично владеет своим имуществом, распоряжается им по своему усмотрению. Именно это мы можем констатировать у ахагаров.

Что касается истоков такого уклада у туарегов, то можно попытаться объяснить их. Прежде всего следует учесть, что эти истоки, видимо, общие у всех так называемых хамитских народов, то есть у той группы, к которой большинство этнографов причисляют туарегов, а ей, как известно, приписывается именно матрилинейность. Остается лишь выяснить, в какой степени

туареги относятся к хамитам. Однако следует оговориться, что, если даже они таковыми не являются, они все равно испытали на себе большое влияние хамитов и переняли наиболее характерные для них нравы и обычаи.

Если предводительство ныне привилегия мужчин, это отнюдь не значит, что в прошлом такой властью не могли быть облечены и женщины. Например, сопротивление арабским завоевателям в течение длительного времени оказывала Кахина, берберская царица Ореса. Легенда о Ти-н-Хинан, прародительнице нынешнего племени кель-рела, позволяет предполагать, что и эта женщина была облечена властью. В 1475 году берберской фракцией санхаджа-нуну в Судане правила женщина по имени Бикум-Каби. Чтобы завладеть ее территорией, сонгайскому императору Сонни Али пришлось сразиться с ее войсками. Эс-Сади, автор хроники «Тарик эс-Судан», приводит много примеров подобного рода.

Во время правления французской администрации женщины официально не играли политической роли: они никогда не участвовали в *джемаа* (собраниях), однако могли оказывать влияние на ход событий, как это делала поэтесса Дассина во время восстания в 1917 году. Зато они остаются хранительницами обычаев предков и фольклора, и влияние, их в племени настолько велико, что мы приведем в качестве примера такой ответ одного туарега арабу, упрекнувшему его в том, что они дают слишком большую волю своим женам и дочерям: «Никто и не посмел бы поступать по-другому, иначе ни одна женщина не захочет даже смотреть в нашу сторону».

Аменокаль

На языке *тамашек* «аменокаль» означает «хозяин земли» («ам» — приставка, означающая «владение», «акаль» — «земля»).

В Ахаггаре этот титул дается только верховному вождю, стоящему во главе конфедерации благородных, вассальных и ассимилированных племен, в то время как в сахельских племенах так называют вождя племени, а иногда и просто вождя деревни.

Аменокаль назначается по правилам наследования власти, соответствующим матриархальной системе: он избирается всегда из одного и того же племени, более того — по одной и той же линии. Для того чтобы избрание аменокаля имело законную силу, он утверждается собранием знати при участии и вождей вассальных племен. Одобрение кандидатуры со стороны последних означает их согласие платить новому аменокалю дань. Иногда на этот пост претендуют сразу несколько человек: в случае, если о своих правах заявит потомок семьи, из которой ранее избирались аменокаль, или когда прямой наследник не способен выполнить функции предводителя. Тогда возникает соперничество, и здесь уже правила наследования власти не соблюдаются.

Согласно принципам матриархата, принятым у кель-ахаггар, титул и власть аменокаля переходят в первую очередь к его брату, во вторую (то есть в случае, если у него нет брата) — к его двоюродному брату, старшему сыну его тетки по матери, и в третью очередь — к старшему сыну его старшей сестры. Это показало изучение генеалогии вождей Ахаггара, проведенное Бенхазерой, который внес уточнение в порядок наследования, установленный Дювейрье, ошибочно полагавшим, что власть передается старшему сыну старшей сестры аменокаля.

Однако правила эти по неизвестным нам причинам соблюдались не всегда. Так, аменокаль Юнес унаследовал власть от отца Мохаммеда эль-Хира, а аменокаль Ахитарель — от двоюродного брата эль-Хадж Ахмеда, хотя тот имел более близких родственников. Преемником аменокаля Ахамука стал его троюродный брат Меслах, хотя у него имелся двоюродный брат (сын сестры бывшего аменокаля Мусы аг Амастана), которого отстранили от власти по причине недееспособности.

Последний аменокаль Ахаггара Баи аг Ахамук умер 1977 году. После образования Алжирской Народной Демократической Республики в 1962 году этот титул и функции были упразднены.

У тенгерегифов вожди избираются по очереди из двух боковых ветвей, ведущих свое начало от одного вождя — Ихмеда, так что избранный аменокаль никогда не может иметь в качестве прямого наследника родного брата, а лишь двоюродного или троюродного, выбор которого необязательно делается по принципу матрилинейного родства. Как и у ахаггаров, назначение аменокаля у тенгерегифов подлежит одобрению собрания знатных людей племени.

У иуллеммеденов после аменокаля Ур Ильмета (1650—1715) из четырнадцати сменившихся вождей отмечено шесть случаев преемственности власти от отца к сыну, два — от

брата к брату, два — от дяди к племяннику и два — от двоюродного дяди к двоюродно-, му племяннику. Матрилинейный принцип, таким образом, не был соблюден; напротив, по традиции, существующей у иуллеммеденов, при выборах аменокаля Ур Ильмета, предка-эпонима племени, отец которого был арабом, тадемакеты сражались друг с другом из-за определения правонаследования, и верх одержала «партия» Ур Ильмета, патрилинейного кандидата.

У иуллеммеденов племени кель-динник, как и у их собратьев из кель-атарам, соблюдается патрилинейность.

У ифорас преемственность власти осуществляется патрилинейно, но не от отца к сыну, а от брата к брату. Лишь в том случае, если у аменокаля нет брата, его преемником становится сын, а при отсутствии сына — племянник, сын одного из его братьев. Имрады в выборах не участвуют.

В Аире матрилинейный принцип соблюдается при назначении вождей некоторых племен. Можно отметить любопытный факт, что агадесский султан, принадлежавший не к туарегской, а к ар-абской расе, некогда был избран народом итессен как раз по такому же матрилинейному принципу наследования, как у племени кель-ахаггар.

Как верно подметил Селигмэн, несмотря на то что наследование власти у туарегов матрилинейно (за исключением иуллеммеденов и ифорас), правление в каждом племени осуществляется по принципам патриархата и, что самое главное, оно похоже на то, какое существует в арабских кочевых племенах.

Аменокаль избирается на свой пост не пожизненно: обладатель этого титула по той или иной причине может быть заменен. Ежегодно каждое племя платит ему дань либо продовольствием (зерно, масло, домашний скот), либо кожами и разными ремесленными изделиями. Еще он получает налог с караванов за право прохода по его территории, а также со своих караванов, отправляющихся за солью к соляным копиям Амадрора и затем в Судан, чтобы обменять ее. Каждый побывавший на соляных копиях отдает аменокалю одну *гессу* соли (деревянная миска, вмещающая около 3 килограммов зерна) с одной поклажи верблюда; каждый возвращающийся из Судана с обмененным на соль просом должен отдать ему мешок (*мезуед*) зерна, бурдюк с водой (*герба*), горшок масла, веревку из козьей шерсти и, если может, козу. Кроме того, каждый мужчина племени, носящий покрывало (то есть воин), платит ему один *дуру*, или 5 франков (1948 год). От земледельцев аменокаль получает по четыре *гессы* зерна с урожая и с участка. Владельцы охотничьих угодий отдают ему за свою привилегию вяленое мясо трех муфлонов в год. Кроме того, он имеет собственные земли и стада. Аменокалю же вменяется в обязанность содержать людей из своего окружения и родственников своего предшественника.

Когда-то у северных туарегов существовал обычай, которому будущий наследник вождя пользовался правом *тамаа* — на дань, выплачиваемую аменокалю вассалами. Этот обычай был в ходу еще в середине XIX века.

Символом власти аменокаля служит большой военный барабан — *тобол* (по-арабски «барабан, ящик»). Этот барабан заимствован у арабов и имеется у всех народов и во всех султанатах Африки, которых в той или иной степени коснулся ислам. Он является олицетворением власти у туарегов, и иногда самого аменокаля называют тоболом, равно как и все племена, находящиеся под его предводительством. Проткнуть Тобол — самое страшное скорбление, какое только можно навести вождю, а если противник сумеет выкрасть его, то престижу аменокаля будет нанесен непоправимый удар. У восточных иуллеммеденов (кель-динник) аменокаль имел свой штандарт, постоянно находившийся в его палатке; штандарт выносили только по случаю начала войны или введения в должность нового аменокаля. Сшит он из голубого и красного шелка.

Племенем-тоболом у ахаггаров, из которого всегда избирается аменокаль, является племя кель-рела. Однако на протяжении веков тобол, конечно же, менял своих хозяев, и у туарегов хранится память о другом главенствующем племени — теджехе-н-у-сиди. Бывший аменокаль Ахитарель любил повторять, что племя теджехе-н-у-сиди было хребтом (политической организации ахаггаров), а кель-рела, таитоки, теджехе-меллет—ребрами и что хребет уступил ребрам. Изменения эти произошли из-за постепенного угасания племени теджехе-н-у-сиди, последние представители которого были поглощены племенем кель-рела.

Аменокаль всегда выступал в роли полководца во время войн, а в мирное время — верховным судьей в возникавших между племенами конфликтах по поводу пастбищ или кражи скота. В принципе аменокаль имел право распоряжаться жизнью и смертью своих подданных. Его полномочия часто оспаривались имхарами его собственного племени, которые время от времени пытались присвоить себе права на вассалов. Тогда начинались препирательства типа: «А кто тебя

сделал графом?» — «А тебя кто сделал королем?»»

Власть аменокаля приобретала общенациональный характер, когда речь заходила об отношениях с соседними или чужими племенами, однако принятое им решение имело силу лишь после одобрения его собранием знати (*аролланом*), в состав которого входили вожди основных фракций и благородные туареги.

Образ жизни аменокаля — такой же, как и у его подданных, он лишь окружен чуть большей роскошью; никакого церемониала вокруг персоны аменокаля не существует. Каждый, кто хочет, может прийти в его палатку без каких-либо формальностей. Нет ни двора, ни придворного этикета. Только тобол, стоящий обычно у входа в палатку, свидетельствует о высоком общественном положении ее хозяина. Тобол представляет собой барабан полусферической формы, выдолбленный из дерева, с натянутой на него невыделанной бычьей шкурой, шерстью наверх, закрепленной кожаными ремнями. Он имеет до 80 сантиметров в диаметре. Две петли из кожаных ремней с двух сторон служат для переноски тобола. Когда надо собрать людей, два человека бьют по нему по очереди покрытыми верблюжьей кожей колотушками (*имиткарами*). Отдать приказ бить в барабан может только аменокаль, что он делает лишь при исключительных обстоятельствах. В случае смерти аменокаля хранителем тобола до назначения преемника становятся его брат или халиф. Аменокаль не совершает без своего барабана ни одного значительного перехода, и специальное доверенное лицо везет тобол на мехари; когда аменокаль приказывает бить в барабан, второй мехарист берет барабан за вторую петлю, и они едут рядом, поочередно ударяя по барабану. Каждый воин, услышав эту дробь, должен поспешить на зов, оповещая об этом всех встречных. В случае объявления войны туареги в зависимости от того, бьют в барабан одним или двумя *имиткарами*, могут узнать, кого призывают — пеших или мехаристов. Когда шкура на тобо-ле приходит в негодность, заменить ее поручают самому достойному воину племени.

У аменокаля обычно имеется один или два халифа, которые замещают его в его отсутствие или представляют аменокаля в племенах.

Амрар (амгар)

Каждое племя (*тауссит*) имеет своего вождя — *амрара*, избираемого, как и аменокаль, по тем же принципам матрилинейности и с одобрения собрания. Назначение вождей крупных племен (даг-рали, например) должно получить еще одобрение аменокаля и других амра-ров, в том числе амрара племени аджух-н-техле.

Амрар (мн. ч. *имрарен*) означает «старый, старейший», а в более широком смысле — «тот, кто обладает мудростью», это эквивалент арабского слова «шейх».

Амрар — посредник между своим племенем и аменокалем. Он передает распоряжения последнего и следит за их выполнением. Он собирает с имрадов налог (*тиуссе*), предназначенный аменокалю, определяет долю каждого в нем. Каждой стоянке он выделяет пастбище для скота, а кроме того, выступает судьей в делах, связанных с мелкими преступлениями. При этом зачастую роль его номинальна, поскольку у туарегов принято добиваться справедливости собственными силами. Родственники сами мстят за смерть кого-либо из близких: действует закон равнозначного наказания. Амрар вмешивается лишь по чьей-нибудь просьбе или если развитие событий может затронуть интересы всего племени. Он участвует в выборах аменокаля и в *ароллане*, где решаются важные вопросы, касающиеся всей конфедерации.

В одной конфедерации, подчиненной аменокалю (такая группировка у туарегов Ахагара именуется *теджехе*), могут сосуществовать несколько тоболов, то есть несколько союзных племен, имеющих своих собственных вассалов. Название *тауссит* (племя) иногда используется, чтобы обозначить это объединение, вождь которого у ахагаров тоже носит название *амрар*, а у кель-аир — *агоала*. Амрары не имеют никаких знаков отличия, по крайней мере у ахагаров. В некоторых суданских племенах у них был когда-то барабан, похожий на тобол аменокаля.

Имхары

Имхары (ед. ч. *амахар*) составляют аристократический класс у туарегов. Это слово означает «человек класса господ». Обычно его переводят словом «благородный»; корень этого слова тот же, что и у глагола «грабить», а это, в понятии туарегов, является символом свободы, высокого общественного положения — настолько вооруженный грабеж считался у них занятием

почетным и благородным! В суданских диалектах *амахар* превратилось в *амаджер* (мн. ч. *имаджерен*). В этих словах можно проследить связь со словом амазир, амазиг (название, которое носила берберская фракция Марокко) и со словами *масес*, *максиш*, *мазикес* — именно так называли древние авторы ливийские племена района Большого и Малого Сиртов (в нынешней Ливии).

Имхары — истинные хозяева края, они держат в своих руках политическую власть и имеют собственность на землю. Некоторые из них утверждают, что они по происхождению шерифы, но претензии эти необоснованны и выдвигаются исключительно из стремления приписать себе особое, очень древнее происхождение, связанное с исламом и его основателями. Туареги называют людей, принадлежащих к старой аристократии и древнему роду, луммет.

Имхары в основном все воины. Своим высоким общественным положением они обязаны мечу и не знают иных занятий, кроме войны и *реззу* (набегов). Выполняемая ими роль сюзеренов сделала их паразитирующим за счет вассалов классом. Когда-то они представляли настоящее бедствие для караванов, пересекавших их страну. Единственным источником существования имхаров всегда был грабеж. Преодолевать огромные расстояния в пустыне, грабить, рисковать жизнью в далеких вылазках — такова настоящая жизнь высокородного человека, если он не желает потерять это звание. К своим экспедициям имхары привлекали вассалов и отдавали им долю захваченного — соответственно их участию. Их презрительное отношение к физическому труду — классовый предрассудок, а не лень: имхары ни за что не станут обрабатывать землю, зато без колебаний отправятся в тяжелый и опасный поход за тысячу километров, чтобы захватить стадо какого-либо враждебного племени. Возвратившись в становище, они опять поведут праздную жизнь, переложив все заботы на своих вассалов.

Уход за захваченными стадами имхары поручали имрадам, забирая у них по мере надобности животных, а также получаемые от них продукты питания. У себя они оставляли лишь верховых верблюдов, необходимых для военных походов и перевозки имущества, а также небольшие стада коз для удовлетворения ежедневной потребности в молоке. Впрочем, большее место в их рационе занимало верблюжье молоко, тогда как у имрадов — козье. За животными, остававшимися у имхаров, ухаживали их черные слуги. При этом имхары содержали только немногочисленную прислугу, чтобы не кормить лишние рты.

Переложив все на своих имрадов, имхары не слишком злоупотребляли своей властью; в своих требованиях они всегда учитывали положение и реальные возможности последних, поступая согласно туарегской пословице: «Не следует убивать верблюдицу, которая вас кормит».

Индивидуального права собственности имхаров на имрадов в принципе не существовало. Каждый имхар просто «пасся» в определенном имрадском становище, и имрад никогда не отказывал имхару ни в какой просьбе — настолько незыблемы были законы сюзеренитета.

Согласно древней традиции то или иное племя имрадов на протяжении веков принадлежало какому-нибудь клану имхаров. Так, в племени кель-тазоле такое особое право традиционно предоставлялось клану инем-ба, состоящему ныне лишь из нескольких человек (кель-марли). У ифорас права собственности на имрадов индивидуальные.

В свою очередь, имхары должны были оказывать покровительство имрадам: защищать их интересы, когда им грозила опасность, стараться возместить им убытки, если имрады подверглись нападению вражеского племени. Такое покровительство отнюдь не было формальным. Благородные туареги считали делом чести защищать с оружием в руках своих вассалов.

Как «большие господа», имхары отличались немалой расточительностью. Они вели праздный образ жизни, не заботились о будущем и, как правило, испытывали много трудностей. При французской оккупации войны и грабежи были ликвидированы, что лишило имхаров источника доходов. Они обеднели, тогда как имрады, владельцы стад, приумножили свои богатства и подняли свой вес в обществе. Такие социальные пертурбации могли бы иметь очень серьезные последствия, однако имрады не оставили своих бывших сюзеренов, несмотря на предоставившуюся им возможность освободиться от их опеки. Со временем многие из благородных туарегов стали сами заниматься стадами и смогли с помощью имрадов отстаивать свои интересы, как это сделали Мусса аг Амастан и Ахамук аг Ихемма. Зато в результате установления мира дороги стали безопасными, караванная торговля оживилась, что позволило, в свою очередь, и тем и другим жить относительно безбедно. Но такое изменение общественного устройства туарегов шло вразрез с их волей и желанием, так как они очень привязаны к своим обычаям.

Для обозначения имхаров и имрадов часто использовались термины «черные туареги» и «белые туареги». «На севере, — писал Селигмэн, — благородные носят черное покрывало, а слуги

— белое». Такое различие в одежде никогда не соответствовало различиям социальным, поскольку каждый туарег носит покрывало по своему вкусу и средствам. Древние авторы упоминают покрывала красного, зеленого и других цветов. Таким образом, какого-то абсолютного правила здесь нет, каждый одевается сообразно обстоятельствам, вкусам и имеющимся возможностям.

У Дювейрье тоже есть упоминание о белых туарегах — «туарег-эль-биод». По его словам, так называют людей арабского племени улед-ба-хаму, которые якобы переняли у туарегов обычай носить покрывало, но только белого цвета вместо темного — индиго. По мнению же Г. П. Маотина, термин «белые туареги», встречающийся в литературе Туата, обозначает группу туарегов, издавна поселившихся в области Айн-Салах и отказавшихся от синих тканей из хлопка в пользу белых одежд. В наши дни покрывало из ткани индиго остается типичной одеждой всех туарегов — имхаров и имрадов, но в результате контактов с арабами, особенно с марабутами, которые кичатся своими белыми муслиновыми одеждами, многие имхары стали носить такие же.

В общем и целом имхары гораздо утонченнее имрадов. Их наряд более изыскан, поступь благороднее, часто их можно отличить от вассалов по величавой осанке. Изъясняются они более изящным слогом, в их речи нет грубых выражений, присущих языку прислуги. Это отличие в поведении и языке особенно заметно у имхарских женщин. Последние иногда поражают своей грацией и хорошими манерами. Нередко они выглядят как настоящие «гранд-дамы» — европейские женщины из высшего общества, когда устраивают приемы в своих кожаных палатках. Они очень гордятся тем, что умеют хорошо принять гостей и ублажить их игрой на скрипке. Высоко ценятся у туарегов такие качества молодой девушки, как умение создать уют в палатке, мастерить какие-нибудь поделки из кожи, украшать их вышивкой (подарки друзьям или своему кавалеру), умение играть на скрипке.

Имхары в промежутках между набегами часть своей жизни проводят в уходе за женщинами, другую — спят.

Их нравы (а у имхаров они свободнее, чем у имрадов) приводят к поздним и соответственно малодетным бракам. Кроме того, французская оккупация сильно подействовала на имхаров, она лишила их, как они считали, смысла существования, так что был даже период, когда они находились в подавленном состоянии. Со временем и с подрастанием нового поколения это состояние депрессии, похоже, прошло, вернулся вкус к жизни, а это повлияло на повышение рождаемости.

Инислимены

Инислимены — класс духовенства; они выполняют роль священников, марабутов и посвящают себя религиозному воспитанию и образованию детей. Они занимают важное место в обществе, имеют значительно более высокое положение, чем имрады. Отдельные племена инислименов даже владеют собственными имрадами, хотя это и запрещается Кораном. В некоторых конфедерациях инислимены освобождены от уплаты всех вассальных налогов; везде, где они появляются, они пользуются уважением и признанием. В Ахаггаре их почитают в такой же мере, как и имхаров, последние часто заключают брачные союзы с ними, отказывая, правда, детям от таких союзов в политических правах. У иуллеммеденов, наоборот, имхары отвергают всякие браки с инислименами и заставляют их платить дань как вассалов. Инислимены Дамергу в отличие от других считаются благородными: они имеют имрадов и могут участвовать в военных действиях. Особой воинственностью отличаются туареги — инислимены Аира, а также инислимены у иуллеммеденов. Некоторые вожди были даже главными вдохновителями восстания 1915 года против французов. Есть инислимены и в Аддаре; там они, после того как иуллеммедены и тадема-кеты покинули их землю, сумели образовать свою конфедерацию. Эти инислимены владеют имрадами, но имхары не считают их равной.

Инислименов часто называют *ишерифен* или *шерифен* — от арабского слова «шериф», что значит «благородный», а в широком смысле — «происходящий от пророка». Однако совершенно очевидно, что предки этих племен никогда не имели никакого отношения к супругу Аиши².

Религиозность инислименов имеет разные причины и характер. Часть их племен действительно имеет в своей среде шерифов, как, например, у ифорас Аддара и в некоторых

---

² Одна из жен пророка.

фракциях кель-эс-сук. Однако большинство их — выходцы из бывших имхарских племен, покоренных другими племенами, прибегнувших к религии как способу сохранить свое племя и уклониться от уплаты *тиуссы*, или выходцы из имрадских племен. Последние, найдя прибежище в религии, избегали тем самым обязанности пополнять ряды воинов или же находили в этом способ приобретения моральных и материальных преимуществ. Для относительно благополучных фракций, сложивших оружие и сменивших его на четки, это позволяло избежать разбойничьих набегов со стороны соседей. На деле же немногие из инислименов старательно соблюдают религиозные обряды и достаточно образованны, чтобы заниматься обучением других. Тем не менее их можно встретить в племенах кель-эс-сук в Гао, ида-у-сахак, ифорас в Адраре и в Ахаггаре. В общем их влияние не слишком велико, хотя в период волнений оно оказалось довольно значительным: их религия явилась мощным стимулятором в борьбе против христиан севера.

Правда, в Ахаггаре некоторые ифорасские вожди, такие, как Шейх Осман, один из покровителей Дювейрье во время его пребывания в Гате, имели очень большой авторитет у ахаггаров и кель-аджер. Но в подобных случаях это определялось в значительной степени личными качествами самого инислимена, а не его религиозностью. Впрочем, ахаггарам это отнюдь не помешало разграбить стоянки инислименов, которым пришлось искать убежища во французских постах алжирского юга.

Интересно отметить, что во время проникновения французов ифорасские инислимены из Форт-Флаттерса выступили в роли посредников между французами и аменокалем Ахаггара, тогда как суданские религиозные деятели выказывали непримиримость и своими проповедями и активной пропагандой призывали к сопротивлению. Происходило это потому, что первые, непосредственно соприкасаясь с французскими постами и взвесив свои силы, поняли, что им ничего не остается, как перейти на их сторону; их же сородичи из Нигера судили обо всем лишь на расстоянии, находясь к тому же в самом центре стоянок иуллеммеденов.

Колыбелью ифорас — главного племени инислименов — была, по-видимому, древняя берберская столица Тадемекка. По ее теперешнему названию Эс-Сук стала называться самая известная фракция инислименов, к которой, несомненно, принадлежат наиболее образованные из них. Ифорас разбросаны по обоим берегам Нигера, и их можно встретить во всех конфедерациях. Согласно устным преданиям, инислимены пришли из Аира, но это весьма сомнительно.

Большинство инислименов из-за своих религиозных убеждений отказываются принимать участие в войне (*реззу*, в понятии туарегов, не война), но существуют и такие, которые обладают явно выраженным воинственным духом. Например, у иуллеммеденов инислимены даже делятся на обычных «шерифен» и «шерифен-воинов». Инислимены же племени кель-эс-сук из района Гао-Ансонго не носят оружия, не участвуют ни в войнах, ни в *реззу*. Точно так же обстоит дело в племени ида-у-сахак. По тем же законам живут и их имрады; они имеют лишь копья с деревянным наконечником — исключительно для защиты от диких животных.

Образ жизни инислименов тот же, что и у других туарегов, с той лишь разницей, что у них на всех сколько-нибудь крупных стоянках проводится обучение детей Корану. Говорят они все на одном языке, арабского, как правило, не знают и улаживают свои дела без вмешательства имхаров.

Среди них отмечены случаи полигамии. Это результат их прогрессирующей исламизации, поскольку полигамия, равно как и патриархат, поощряется исламом.

Имрады

По мнению отца де Фуко, слово *имрад* происходит от *меред* («плебей», «вассал»). Ф. Никола считает, что это название происходит от *егид* («козленок, козочка») с приставкой «им», означающей владение, что в совокупности дает «владельцы коз». Версия Ф. Никола с лингвистической точки зрения, пожалуй, удачнее, однако это слово утратило свое первоначальное значение и теперь означает только «вассал».

Когда-то имрадам разрешалось разводить лишь коз, поскольку иметь верблюдов могли только имхары. Отсюда пошло и другое их название — *кель-улли* («козьи люди»), — которое они предпочитают названию «имрад».

Социальное положение имрадов стало предметом дискуссий: кем считать их — крепостными или вассалами?

По мнению Дювейрье, термин «крепостной» подходит здесь больше, ибо имрады

отбывают барщину и переходят по наследству от одного поколения имхаров к другому, тогда как вассал находится лишь в политической зависимости. Дювейрье, возможно, прав в том, что касается юрисдикции. Действительно, вполне вероятно, что когда-то имрады отбывали барщину. Однако это отнюдь не доказано, и мы видим, что полного закабаления здесь нет, а имеет место своего рода соглашение, вынужденное конечно, зато дающее *амриду* (ед. ч. от *имрады*) право на защиту. Если бы дело обстояло иначе, то нельзя было бы понять, почему во время французской оккупации имрады добровольно остались под властью своих сюзеренов и не воспользовались предо-ставившейся возможностью навсегда избавиться от них.

На самом деле амрид не является ни крепостным, ни вассалом, а занимает на социальной лестнице положение, промежуточное между ними, причем ближе ко второму, чем к первому. Не следует забывать и тот факт, что их амрады принимают участие в выборах аменокаля и что сами они имеют слуг. Кроме того, они, как свидетельствует отец де Фуко, приобрели большое влияние и немаловажные привилегии, например, право иметь верблюдов и носить такое же оружие, как и имхары. Это явилось результатом упадка последних, чьи ряды постоянно редели на полях сражений. Наглядно это видно, когда Дювейрье сравнивает имрадов (которых он называет «белые имрады») и икланов (которых он называет «черные имрады») и находит разницу между ними лишь в том, что на войне первые являются белыми слугами, а вторые—черными вольноотпущенниками, вынужденными потом вернуться под опеку имхаров за неимением средств к существованию.

Дювейрье также горячо поддержал предположение, что имрады смешались с неграми. По его мнению, именно этот отличительный расовый признак исключил их из аристократического класса. При этом он ссылаясь на слова имхаров, называвших имрадов «тауйя сеттефет» (своим «черным потомством»). В этом, писал Дювейрье, заключается еще одна милость, оказываемая имрадам имхарами, считавшими, что «если бы те остались на социальной ступени своих черных матерей, то, по туарегскому обычаю, должны были бы стать рабами. Становясь же крепостными, они обретали личную свободу и могли жениться на белых женщинах — большое преимущество и большая честь для них».

На самом же деле это слишком упрощенное объяснение, ибо туареги имеют целую гамму социальных категорий, чтобы обозначить место метиса в обществе. За всем этим кроется желание оправдать свой сюзеренитет перед Кораном, запрещающим мусульманам иметь сюзеренные права собственности на других мусульман, особенно белой расы. Утверждая, таким образом, что имрады произошли от союзов с черными женщинами, имхары пребывают в полном согласии со своей совестью и марабутами.

Однако ничто не указывает на подобное, более низкое положение имрадов. Согласно старинным легендам Ахаггара, имрады были первыми среди пришельцев края, а имхары — это завоеватели, ставшие, хозяевами благодаря своей военной мощи.

У иуллеммеденов Аира известно много случаев, когда благородным племенам приходилось покоряться другим племенам и признавать их сюзеренитет. Возможно, то же произошло и с инислименами.

Вопрос о смешениях рас рассматривается нами в разделе, посвященном физическим характеристикам туарегов. Что еще следует отметить, так это то, что имрады менее строги в вопросах нравственности, чем имхары. Как и благородные, они часто вступали в союзы с рабынями, которые становились их наложницами, но никак не женами (конкубинат) — со всеми вытекающими отсюда последствиями для детей.

Имрады организованы в племена, они избирают себе вождя и соблюдают, как и имхары, матрилинейность. В своей среде они управляют делами по своему усмотрению, и ни аменокаль, ни имхары не вмешиваются, за исключением тех случаев, когда речь идет о выборе у них вождя какого-нибудь крупного племени (такого, как, например, даг-рали или аджух-эн-техле).

Во всех конфедерациях имрадов насчитывается больше, чем сюзеренов, и эта пропорция составляет 5 : 1 у северных туарегов и 8 : 1 у иуллеммеденов.

Имрады по характеру более миролюбивы, чем имхары (может быть, потому что они не так мужественны и не так храбры), но им часто приходилось против своей воли принимать участие в резу вместе с хозяевами. Со временем у имрадов появился вкус к наживе, и они, в свою очередь, сами стали заниматься грабежом при каждом удобном случае. Они осуществляли такие экспедиции уже по собственной инициативе, но в случае успеха обязаны были отдавать часть своей добычи благородным. Это аванс на будущее, говорили имхары, поскольку хорошо знали, что в один прекрасный день им придется принять на себя ответный удар за «плохое поведение» своих

вассалов. Некоторые имрады даже приобретали репутацию храбрецов, и бывали случаи, когда имхары становились под их начало на время какой-нибудь экспедиции.

У иуллеммеденов существует деление на обычных имрадов (пастухов коз) и имрадов-воинов. Первые никогда не принимали участия в военных действиях, зато вторые участвовали во всех сражениях, а потому имели право носить то же оружие, что и имхары, кроме щита. Отдельные имрадские племена стали в военном отношении настолько сильными, что смогли полностью избавиться от опеки имхаров. Так было с племенем кель-госси, жившим в излучине Нигера.

Соображения безопасности диктовали порой имрадам более тесные отношения с имхарами. Так, ифорасские имрады разбивали палатки рядом с палатками своих сюзеренов, брали на себя охрану их стад и участвовали с ними во всех сражениях. В условиях постоянной угрозы реззу со стороны марокканского юга, поскольку их племена находились как бы в охранении всех туарегских племен) эти меры были, разумеется, нелишними, ибо марабутизм сюзеренов ифорас отнюдь не гарантировал защиту от разбойничьих набегов.

Имхары иногда заключали брачные союзы с имрадскими женщинами, славившимися своей красотой; случалось, что и благородные женщины, отринутые обществом из-за их физической или моральной ущербности, выходили замуж за имрадов, но это бывало редко.

Имрады могли иметь икланов — на тех же основаниях, что и имхары. Они использовали их в домашнем хозяйстве, для охраны и содержания стад.

Ахаггарские имрады в массе своей довольно состоятельные люди. Они имеют многочисленные стада коз и довольно значительное количество верблюдов, что позволяет им организовывать караваны к соляным копиям Амадрора и в Мали. Каждое имрадское племя имеет свою строго определенную территорию для кочевья и регулярно совершает короткие переходы от пастбища к пастбищу. Они же владеют множеством земледельческих центров, однако сами на полях не работают (вопреки утверждению Ширмера, характеризовавшего имрадов как оседлых людей, занимающихся обработкой земли). Для этого они используют негров Тидикельта, харратинов, которые выполняют роль арендаторов и земледельцев, или же своих икланов. В Мали имрадов называют «дага», а сюзеренов — «бурдам» (слова сонгайского происхождения).

Ассимилированные вассалы

Обычно к имрадам причисляют и племена, носящие название «исеккемарен» и «ирегенатен». Однако они, хотя и находятся в вассальной зависимости от имхаров, в значительной степени отличаются от имрадов по своему социальному положению.

Туареги не считают исеккемарен и ирегенатен принадлежащими к их расе. Хотя те связаны с туарегами некоторыми узлами дальнего родства, они считаются людьми смешанного происхождения. Об этом говорят сами названия племен, возникшие в результате смешанных браков, в основном туарегских женщин с арабами или берберами. Название «ирегенатен» распространилось даже на группы, происшедшие от имхарских женщин и мужчин-имрадов. Такие племена имеются в нескольких конфедерациях: ирегенатен — у ахаггаров, а также у туарегов поречья; исеккемарен — у ахаггаров и, согласно Рихеру, в районе Томбукту.

Их положение на социальной лестнице — ступенью выше, чем у имрадов. Это вольные люди. Их вассальная зависимость от имхаров выражена меньше. Они прибегают к покровительству последних, вернее, вынуждены делать это, поскольку сами слишком слабы, чтобы обеспечить себе защиту. Поэтому они платят ежегодно аменокалю «плату за покровительство», так называемую *рхараму*.

Исеккемарен жили некогда в Тидикельте, где были свободными. По преданию, изложенному Бенхазерой, вначале они обитали в Адрар-Ифорасе, а в Тидикельт пришли восемьсот лет назад. Еще в XI веке эль-Бекри отмечал, что Адрар-Ифорас заселен народом сагмара — слово это, похоже, соответствует «асеккемар» (мн. ч. *исеккемарен*). Возникает вопрос: не эти ли данные эль-Бекри лежат в основе предания, изложенного Бенхазерой и приводимого также отцом де Фуко? Кель-ахаггар разрешили им поселиться в своей стране и отвели им северо-западную часть массива, таким образом защитив себя от набегов берберов с марокканского юга.

Ирегенатен, в свою очередь, поселились между этой территорией исеккемарен и Кудьей, а также в юго-восточной точке Ахнета и на севере Адрар-Ифораса. Мы имеем дело уже с двумя любопытными примерами той заботы, которую проявляли ахаггары по усилению своего «блока» и

обеспечению его однородности, исходя при этом из географической конфигурации Сахары и используя западные ступенчатые склоны массива в качестве границы. Находясь под прикрытием этих щитов, сами ахаггары укрывались в глубине страны, в менее доступных местах.

Исеккемарен и иреггенатен имеют ту же племенную организацию, что и имрады, и такие же нравы и обычаи, что и все туареги. Внешне они ничем от них не отличаются. Говорят они тоже на языке тамашек, но не столь ортодоксальны в отношении традиций. Они владеют икланами, однако не выказывают такого презрения к работе, как имхары и имрады. Это храбрые и умелые проводники караванов. Между ними и имхарами никогда не заключаются брачные союзы, с имрадами — довольно редко.

В Мали существуют племена, носящие название ида-у-сахак (дауссак). Хотя их обычно считают имрадами, это скорее всего бывшие пастухи иуллеммеденов, которым не разрешалось носить копья и участвовать в сражениях. Похоже, что они — выходцы из зенага (санхаджа), чем и можно объяснить их несколько обособленное положение в туарегском блоке. Они тяготеют к марабутизму и постоянно увеличивают число школ по учению Корану.

Ибореллиты

К ассимилированным вассалам можно еще отнести довольно малоизвестные свободные племена под названием *ибореллитен* (ед. ч. *аборелли*). Люди их говорят на тамашек и внешне ничем не отличаются от туарегов, среди которых живут. В отдельных конфедерациях они образуют совершенно обособленные племена, имеющие своего амрара, и, как правило, подчиняются непосредственно вождю конфедерации. Так произошло с ибореллитами Аира; они находятся под властью анастафидета племени кель-эуи. В зависимости от принадлежности к разным группам у них различен и цвет кожи: у некоторых она такая же белая, как у самых чистокровных туарегов. Браки они заключают лишь между собой и могут иметь слуг-рабов и стада. Иногда они ищут брачных союзов с имрадами, но последние относятся к ним с пренебрежением и чаще всего отказывают в этом.

По мнению Никола, ибореллиты благородного происхождения, но когда-то, давным-давно, попали в плен. Отец де Фуко считал, что это мулаты. На мой взгляд, здесь следует еще добавить: один из родителей которых — туарег. Эту деталь отметить тем более необходимо, что обычного мулата отец де Фуко обозначил словом *ашардан* (мн. ч. *ишарданен*).

По моим собственным данным, полученным в районах Тахуа и Гао, «аборелли» означает «ребенок от имхара и черной женщины». Ибореллиты, таким образом, это мулаты от смешанных родителей — туарегов и негров.

В качестве групп ибореллитов назовем игдаленов Аира — абогелитес, упоминавшихся Бартом, — которые произошли от туарегской матери (имхарки, как считает Барт) и негра. В Мали, в районе Ниафунке, есть якобы другое племя ибореллитов — оседлое, происшедшее от туарегов и фульбе. Ибореллиты встречаются и в окрестностях Гао.

Существует еще категория ибореллитов низшей ступени, называемая «иррауэлен». Никола считает, что это бывшие пленники, отпущенные на свободу. Шюдо отметил наличие одного такого племени иррауэлен, люди которого — вольноотпущенные или потомки бывших пленников; он считал также, что дети туарега и рабыни в правовом отношении являются иррауэлен.

К этим различным дефинициям добавим, что в Аире женщина-рабыня, вышедшая замуж за туарега, становится свободной, равно как и ее потомство; появившиеся от такого брака дети называются «икалален» — в этом слове тот же корень «кл» («черный»), что и в слове «иклан».

Среди кель-ахаггар нет племен ибореллитов или ир-оауэлен, однако встречаются отдельные редкие индивидуумы, принадлежащие к этому классу. Ибореллиты, например, живут и обрабатывают небольшой участок земли в Амселе, южнее Таманрассета. Их матерью якобы была женщина из кель-адрар («таклит»), а отцом — человек из племени теджехе-н-эфис.

Икланы

Икланы (ед. ч. *акли*, ед. ч. ж. р. *таклит*) — это слуги некогда бывшие рабами туарегов. Слово «иклан» происходит от корня «кл» и означает «быть черным». Икланы действительно чужды туарегской расе, это негры различного происхождения, некогда взятые в плен в Судане и обращенные в рабство. Икланы образуют отдельную социальную категорию, но не племена, за исключением тех случаев, когда они частично или полностью отпущены на свободу. Тогда они

называются соответственно *иклан-эн-эгеф* и *идерфан*. Находясь у туарегов они продолжили свой род и положили начало новой расовой группе с самыми разнообразными признаками, в том числе и признаками белой расы.

Икланы ухаживают за скотом, используются в домашнем хозяйстве на стоянке, роют колодцы и следят за ними, добывают соль в Амадроре, собирают семена дикорастущих растений. Они живут одной жизнью со своими хозяевами и от постоянного общения с ними переняли их независимый характер, полюбили свободу кочевой жизни, так что теперь их было бы трудно вернуть к оседлому образу жизни их предков. Икланы Ахаггара прекрасно приспособлены к жизни в пустыне и обладают большей физической выносливостью, чем их чернокожие собратья в странах Сахеля, которые, когда попадают в Ахаггар, испытывают тяготы и лишения.

Акли находится в полной кабале. Он должен работать только на своего хозяина. Однако он имеет ряд льгот, например может в какие-то дни недели работать на себя. В Ахаггаре икланы очень привязаны к своим хозяевам; они едят из одного котла и вместе переживают все радости и невзгоды. Их дети растут вместе и воспитываются одинаково. Икланы пользуются некоторыми правами, что свидетельствует о гуманном отношении к ним туарегов и делает последним честь; так, у них не положено избавляться от слишком молодого или слишком старого слуги, он находится на полном содержании у своего хозяина.

Икланы передаются по наследству. Они могут иметь собственных животных, но после их смерти скот переходит не к детям, а к хозяину. Все эти законы, определявшие жизнь икланов, были упразднены после провозглашения в 1962 году независимости Алжира.

Имхары, инислимены, имрады имеют абсолютные права на своих икланов. Последние не могут вступить в брак без согласия хозяина. Обычно, когда на одной стоянке есть мужчина и женщина — икланы, их женят; жених получает от хозяина козу, которую отдает в качестве выкупа за жену. Но если акли находит себе жену сам и притом на другой стоянке, он ничего не получает от хозяина и должен сам искать возможность заплатить выкуп за нее, составляющий в этом случае, как правило, десять коз. Икланы, занятые выпасом стад и по роду своих занятий почти не бывающие на стоянках, обычно не женятся. «Устраиваются, как могут», — говорил о них отец де Фуко.

Туареги часто берут себе в качестве наложниц женщин из прислуги. В этом они видят ряд преимуществ. Прежде всего, им не надо платить выкуп; кроме того, они имеют дело с женщиной, которая легче подчиняется их прихотям, чем туарегская женщина, и они, если захотят, могут сменить ее. Дети от таких союзов являются свободными — ибореллитами, но к сословию отца не принадлежат. Отец признает свое родство с ними, однако их общественное положение намного ниже. Тем не менее они имеют право наследовать имущество отца. Туарегские женщины благородного происхождения, которые вступают в связь с икланами, лишаются уважения своих соплеменников; похоже, однако, что подобные случаи были нередки, тем более что, согласно поверью, связи между имхарскими женщинами и икланами якобы не оставляют потомства.

Случалось, что икланы становились благородными, и тогда им разрешалось жениться на женщинах из аристократического класса, хотя такая линия не могла уже дать аменокаля в своем потомстве. Благородными икланы становились за свои подвиги. Так было, например, с икланом по имени Шернаш, бывшим компаньоном Мусы аг Амастана, и с икланом Литни.

Нравы у икланов весьма свободные: в их среде обычны педерастия и другие пороки. Воровство и ложь у них заложены в крови. Например, они имеют привычку пить молоко коз, которых, пасут на выгоне. Поэтому на отдельных стоянках им никогда не дают молока, резонно считая, что они и так его пьют. Чтобы застраховать себя от убытка, хозяева иногда доходили до того, что пастухам своих стад прокалывали обе губы и вешали на рот замок. Сорок лет назад в Ахаггаре еще проживала одна старуха, с которой была проделана подобная операция.

Между хозяевами и икланами существуют довольно простые отношения. Некоторые икланы заслуживают их большого доверия и расположения либо своим умом, либо храбростью в бою, ибо икланы сопровождают своих хозяев во время *реззу*. Мусу аг Амастана, бывшего аменокаля Ахаггара, в походах всегда сопровождал его черный слуга Шернаш, и военные подвиги, совершенные ими вместе, до сих пор представляют собой самые красочные повествования на ночных бдениях на стоянках. Бывший раб Литни, также слуга Мусы, был отпущен на волю, и ему было разрешено жениться на благородной женщине; впоследствии он стал халифом аменокаля.

Акли, если с ним плохо обращались или он рассчитывал на более выгодные условия, мог сменить своего господина. Но поскольку туарег обычно так просто его не отпускал, акли мог прибегнуть к следующей уловке: он отрезал ухо у животного из стада того хозяина, которому

хотел принадлежать, или делал что-нибудь еще в этом роде. Тогда хозяин получал право жизни и смерти над провинившимся рабом. И, согласно обычаю, раб автоматически становился его собственностью. В подобных случаях обе стороны, как правило, предварительно обо всем договаривались.

От икланов в язык *тамашек* пришло много новых слов и выражений — все, естественно, суданского происхождения. Речь у икланов грубая, а язык хозяев они страшно коверкают, превратив его в настоящий жаргон. Икланы хорошо сохранили свой фольклор — в танцах, пантомимах, которые они устраивают среди своих, или же во время общих празднеств и семейных торжеств своих хозяев.

Социальная и политическая эволюция привела к исчезновению института рабовладения; надо сказать, он не носил здесь такого антигуманного характера, как это принято думать. Было бы большой ошибкой проводить немедленное освобождение икланов, это шло бы вразрез с их собственными интересами. Попытки в этом направлении, сделанные в Мали с началом французской оккупации, привели к плачевным результатам. Освобожденные икланы становились деклассированными элементами: они не могли и не хотели заниматься обработкой земли и сразу же столкнулись с невозможностью заработать себе на жизнь.

Упразднение рабства осуществлялось постепенно и в индивидуальном порядке. Оно происходило медленно, но неуклонно и принесло туарегам важные социальные изменения. Подобную эволюцию можно было пронаблюдать у иуллеммеденов, в Адраре (Мали) и особенно в районе Томбукту, где имрадские женщины стали теперь сами толочь просо и выполнять ту домашнюю работу, которую до этого делали только женщины-таклит.

Иклан-эн-эгеф

Освобождение икланов, более или менее явное, происходило у туарегов во все времена. Оно имело много разных причин, но в первую очередь — ту, что никто не хотел кормить лишние рты. Поэтому туареги какое-то количество своих икланов делали полусвободными, на них возлагался уход лишь за стадами хозяина. Они становились в этом случае иклан-эн-эгеф, то есть «пленниками дюн». В Сахеле их часто называют беллах, или бузу.

Кроме того, пленники могли быть освобождены из жалости, из-за желания хозяев поощрить их за какие-то оказанные услуги; и тогда этих людей называли идерфа-нами.

Беллахов не отпускали на волю полностью, хозяин сохранял право распоряжаться ими и их имуществом. Тем не менее они живут свободно, и туареги позволяют им самим добывать себе средства к существованию. Многие из них кроме ухода за стадами хозяев занимаются еще каким-нибудь ремеслом, например собирают дрова, выжигают древесный уголь и продают в поселках; иногда женщины занимаются изготовлением глиняной посуды.

Иклан-эн-эгеф группируются в племена, имеют своего вождя, ведут кочевой образ жизни, живут в палатках, как и туареги, и придерживаются эндогамии, однако остаются в подчинении какого-либо имхарского или имрадского племени. В случае возникновения конфликта они принимают сторону своих хозяев и, вооружившись дротиками, участвуют в сражениях как пехотинцы.

Известно много таких племен у игуарарен и тенгере-гифов — в районе Томбукту, у иуллеммеденов — в районе Гао, у кель-динник (восточных иуллеммеденов) — в районе Тахуа, однако у ахаггаров их нет. В Ахаггаре насчитываются лишь единицы иклан-эн-эгефов.

Идерфаны

Слово *идерфан* происходит от *седерф* («отпускать на волю»), а в более широком смысле это означает «тот, кто не способен больше оказывать услуги». В принципе избавляться от раба преклонного возраста или того, чья продуктивность упала, отпуская его на волю, у туарегов не принято. Однако подобные случаи иногда имеют место, особенно у суданских туарегов. Но отпущение на волю может быть и благородным жестом хозяина. Иногда рабы отпускаются на волю скопом — в знак вознаграждения за какой-нибудь геройский поступок. Никола приводит пример из жизни округа Тахуа, когда целая фракция тамджертов была отпущена на волю после сражения при Изерване (1898 год), где они храбро противостояли кель-ахаггар. Многие идерфаны в таких случаях возвращаются к земледелию. Они часто селятся вместе с оседлыми племенами, заключают с ними брачные союзы и оказывают им небольшие услуги, например стерегут их стада.

Никола приравнивает их к харратинам у кель-ахагар. Но это правомерно лишь частично. Если в земледельческих центрах Ахагара и работают бывшие рабы — харратины, то в большинстве своем это негры из Тидикельта, пришедшие к туарегам добровольно, и их не следует смешивать с идерфанами.

Так же как и иклан-эн-эгефов, идерфанов в Ахаггаре — единицы.

Энадены

Энадены (ед. ч. *энад*) составляют ремесленническую касту туарегов. В Судане (Мали) их называют «гарасса» или «гаргасса» — слово, вероятно, сонгайского происхождения. «Энад» означает «другой», а в более широком смысле — «тот, кто не имеет названия». Это потому, что энадены составляют замкнутую касту, презираемую туарегами (отношение последних к ручному труду хорошо известно).

Энадены изготавливают для туарегов все, что им может понадобиться в хозяйстве: оружие, деревянные предметы домашнего обихода, деревянные стойки для палаток, верблюжьи седла, упряжь. Кроме того, охотно занимаются ремеслом лекаря-брадобрея: с помощью нехитрых инструментов, которые они изготовляют сами, они ловко ставят банки, пускают кровь, делают надрезы и другие мелкие операции, в том числе удаляют зубы. Если они выполняют работу для какого-либо племени, они получают за нее вознаграждение; если они работают на хозяина, последний несет все расходы по их содержанию.

Туареги, открыто презирающие энаденов за их «темное» происхождение и рабскую профессию, тем не менее очень ценят их знания и умение и охотно прибегают к их услугам. В то же время они боятся энаденов, считают, что те обладают сверхъестественной силой, знают колдовство и магию. В их представлении, энадены — властелины огня, они живут в своем особом мире, населенном духами, с которыми могут общаться.

Энаденов, кроме того, презирают еще и потому, что они лишены каких бы то ни было моральных принципов и охотно выполняют роль соглядатаев и предателей, шпиона за икланами и женой хозяина, а также занимаются сводничеством. Подобно шутам времен нашего средневековья, они всюду допускаются, даже на женскую половину.

Иногда энадены принимают участие в *реззу* и при этом имеют репутацию храбрых воинов, однако во время сражения все избегают соседства с ними, ибо существует поверье, что они обладают могущественными талисманами и летящие копья, отскакивая от них, поражают соседей. Туарег никогда не убьет энада, он знает, что это принесет ему несчастье: энад может отомстить за себя даже после смерти.

В сахельских племенах их называют *аг'з* (мн. ч. *аг'зутен*), там они выполняют иногда роль шутоз (гриотов). Среди них довольно редки музыканты и сказители. Тем не менее амежжал тенгерегифов Шebун держал при себе даже нескольких гриотов. Энадены мстят людям, которые, как им кажется, пренебрегают ими, слагая про них сатирические куплеты, на что туареги по большей части реагируют очень болезненно.

Энадены не гнушаются ничем, чтобы заработать немного денег. Однако, будучи расточительными, они спускают их так же легко, как и добывают. У кузнеца, например, всегда есть долги, однако займы ему дают охотно, поскольку знают, что, если понадобится, он всегда сможет расплатиться.

Характер у энаденов, надо отметить, как правило, открытый. Наделенные незаурядным умом, они часто становились доверенными лицами при правителях, которые использовали их как эмиссаров и переводчиков, иногда даже как советчиков. Во время миссии Хурста в 1896 году аменокаль иуллеммеденов Мадиду официально направил на переговоры с французским офицером одного энада.

Живут энадены либо группами на стоянках, либо отдельными палатками, либо даже в одиночку. Обычно они стараются прибиться к какому-нибудь вождю или к племени.

Чуждые расе туарегов, энадены тем не менее составляют часть этой большой семьи людей в покрывалах; жизнь тех и других тесно переплетена. Говорят они на языке *тамашек*, но на специфическом диалекте гене, который понимают они одни, а для других он окутан тайной. Этот диалект неизвестен в Ахаггаре.

Легенда приписывает им общего предка по имени Тамаменет. Все их фракции возникли якобы в Адрар-Ифорасе. Происхождение энаденов — одно из самых неясных. Есть предположение, что они — потомки иудеев, некогда поселившихся в Туате, в оазисе Таментит, от-

куда в конце XV века были изгнаны арабскими марабутами. Вполне можно допустить, что часть иудеев из Таментита, занимавшихся кузнечным и ювелирным ремеслом, бывшим в чести у туарегов, нашла прибежище у последних. Видимо, под их влиянием и появились у туарегов новые художественные традиции. А умение энаденов обращаться с огнем и плавить руду, должно быть, позволило туарегам более широко наладить производство железа, а также использовать инструменты из металла, поскольку до тех пор подручными средствами у пастухов кочевий были только кожа да дерево. Художественное сходство украшений из Таментита с ювелирными изделиями иудеев Северной Африки, с одной стороны, и с украшениями, которые сейчас в ходу у туарегов, — с другой, является несомненным подтверждением существующего мнения об иудейском происхождении части энаденов. Однако и сахельские элементы внесли свою лепту в формирование этой касты. Таким образом, с учетом всей этой причудливой смеси и следует подходить к рассмотрению сложившегося своеобразного искусства туарегов, тяжеловесного по форме и вместе с тем тонкого в деталях.

Энаденов в Ахаггаре очень мало. Это пять-шесть семей, осевших здесь относительно недавно в результате *реззу* со стороны ахаггаров, чьей жертвой они и стали. Большинство из энаденов — уроженцы Адрар-Ифораса, где они находились в подчинении у племени кунта, или даг-эш-шейх. Корни самых старых из известных семей восходят не более чем к трем поколениям. Это кланы эхеллеллу (оставивший потомство), бадахол и мохамед (ныне исчезнувшие) и ратг, чье потомство зафиксировано теперь у таитоков.

Во времена аменокаля Аттиси (1899 год) у энаденов был даже свой вождь из кузнецов по имени Аламин, его роль заключалась в том, чтобы руководить работой, распределять ее, следить за новыми кузнецами, захваченными в плен в Сахеле; выполнял он также и обязанности судьи.

Некогда у энаденов строго соблюдалась эндогамия, но со временем все изменилось. Теперь ремесленники часто берут себе жен из среды харратинов и икланов. С недавних пор многие придерживаются полигамии.

Промысел энаденов — это изготовление ювелирных украшений, замков, ножей, кое-какой деревянной утвари, в основном же они занимаются починкой того, что им приносят.

В Сахеле племена энаденов гораздо многочисленнее. И промыслы там развиты лучше, поскольку сырья у них больше и оно разнообразнее.

Энадены не платят вассального налога. На общественной лестнице они занимают промежуточное положение между имрадами и икланами. Отдельные энадены имеют слуг. Многие из них живут в достатке, которому могут позавидовать имрады и даже имхары.

КОНФЕДЕРАЦИЯ АХАГГАР

Согласно устным преданиям, северные туареги — выходцы из города Эс-Сук (в Адрар-Ифорасе), расположенного на одинаковом расстоянии от Томбукту и Айн-Салаха. Такие же предания существуют у иуллеммеденов и во всех фракциях, живущих в настоящее время в Адраре и по берегам Нигера; эти предания, по их мнению, свидетельствуют об общности происхождения.

Легенда, опирающаяся на арабские источники, относит приход ахаггаров на их нынешние места обитания к XVI веку. Ранее же ахагары селились у аджеров и в Феззани. Ибн Халдун тем не менее доказывает, что народ хоуара поселился на своих местах обитания еще до XV века.

Во всех этих преданиях очень много неясностей, неточностей, во всяком случае, на их основе нельзя воссоздать многовековую историю туарегов.

Более интересными представляются два других предания, записанные отцом де Фуко, которые, несмотря на определенные расхождения с имеющимися сегодня научными данными, пожалуй, могут объяснить генезис тобола ахаггаров. Поэтому мы приведем их полностью: «В относительно недавнее время две мусульманские женщины, принадлежавшие к марокканским берберам, направляясь из Марокко, достигли пальмовой рощи Силета. Одну из них, благородную, звали Ти-н-Хинан, другую, плебейку, вассалку и служанку первой, — Такамой (по другим источникам — Темалек). Пришли вместе с ними другие женщины или мужчины, кто были их мужья, — неизвестно. Известно только, что они застали местность пустынной или почти без обитателей и они спокойно обосновались здесь. Никто не жил на землях, примыкавших к Атакоре, в долинах и пригодных для возделывания местах, и только в горах Таесса, самых недоступных в Ахаггарском массиве, обитали немногочисленные идолопоклонники — изебетен. Пальмовые рощи Силета и Эннедида, фиговые деревья Тита, Терхенанета и т. д. свидетельствовали о том,

что когда-то здесь жило много народу. Об этом говорили оросительные сооружения, которыми теперь они воспользовались, длинные мечи и огромные человеческие кости, иногда находимые в земле, многие доисторические захоронения, разбросанные по всему Ахаггару, колодцы в пустыне вокруг Ахаггара, вырытые неизвестно когда народом, жившим здесь до туарегов (края колодцев, разрушенные трением веревки, сохранили следы починки). Почему опустел этот край? По смутным сведениям, Ахаггар пересекли „сеххаба" („сподвижники Магомета" — так называют первых арабских завоевателей), которые на своем пути опустошили край и уничтожили всех его жителей. Этими жителями и были изебетен, непосредственные предшественники теперешних туарегов Ахаггара.

Итак, Ти-н-Хинан поселилась в Абалессе. У нее была дочь Келла, от которой произошли все кель-рела. У Такамы было две дочери: от одной произошло второстепенное племя ихаданарен; от другой — два племени — даг-рали и аит-лоайен. Ти-н-Хинан отдала пальмовые рощи Силета и Эннедида дочерям Такамы, чьим потомкам они принадлежат и поныне. Очень долго в Ахаггаре жили кель-рела, малочисленная группа даг-рали и аит-лоайен. Верблюдов у них не было, они охотились на муфлонов и занимались разведением коз — своей единственной собственности. Они никогда не покидали Ахаггара, не кочевали, не знали ни Тидикельта, ни Аира, ни Аддара. Постепенно их численность увеличилась. Они возбудили зависть племен кель-ахем-меллен и теджехе-меллет, живших в Тидикельте. У последних, как и у таитоков, ураренов и туарегов Адждера, нет ничего общего ни с Ти-н-Хинан, ни с Такамой, они имеют другое происхождение. Кель-ахем-меллен и теджехе-меллет вторглись в Ахаггар, устремились к рощам Эннедида, где в то время находилась деревня — центр племени даг-рали, захватили ее и сожгли. Собрав все силы, даг-рали внезапно напали на своих обидчиков в Тахарте, в долине Утула, и почти всех их перерезали, захватили верблюдов и именно с той поры начали их разводить. Кель-рела, даг-рали и аит-лоайен, численность которых продолжала расти, стали расселяться за пределами своего края. Позднее — либо по доброй воле, либо насильно — на юго-западе Ахаггара поселилось одно племя из Аира (выходцы из района Ин-Галл) — агух-эн-техле. Спустя несколько поколений они приняли к себе потомков рабыни из племени именан, которые, заключая брачные союзы с теми и другими, в особенности с ахль-аззи из Айн-Салаха, образовали племя икклан-эн-тауссит. Наконец, еще позже они силой принудили десяток племен исеккемарен покинуть плато Тадемаит, где те жили, и поселиться на своей территории, чтобы усилить себя».

Второе предание называет в качестве прародительницы всех туарегов женщину по имени Лемтуна, равно как и всех людей племени илемтеен и некоторых берберских племен, обосновавшихся в Гадамесе. У Лемтуны была сестра, ставшая прародительницей большинства берберских племен Марокко. Изебетен, народ идолопоклонников, говорящий на туарегском языке, был предком самых древних имрадских племен, тогда как благородные пришли из других краев в более поздние времена. Они захватили Ахаггар силой и поставили изебетен, то есть даг-рали и аит-лоайен, в положение полурабов (со временем оно было смягчено). Что касается других племен, то в этом предание совпадает с первым, нем лишь не упоминается о Ти-н-Хинан.

В этом кратком изложении истории конфедерации содержатся отдельные факты мифического характера; например, там никогда не находили длинных мечей, огромных человеческих костей, которые могли быть лишь останками животных класса толстокожих. Встречаются также неточности. Если скелет, эксгумированный в Аба-Лессе, действительно останки Ти-н-Хинан, то ее могильник совсем непохож на мусульманское захоронение и представляется доисламским. Кстати, он датируется V веком. Из всего этого следует, что даг-рали и аит-лоайен считаются после изебетен самыми древними племенами, что кель-рела, согласно второй версии, пришли уже позже в качестве завоевателей и заставили исеккемарен и агух-эн-техле, а также икклан-эн-тауссит поселиться на своей территории в целях собственного усиления.

Далее мы увидим, каким образом следует увязать эти факты с теми, которые собраны нами.

Благородные Ахаггара претендуют на то, что они — шерифского происхождения, то есть являются потомками фесских Идрисидов (по крайней мере так они рассказывали Дювейрье). Подобная претензия может быть справедлива лишь в отношении отдельных семей, действительно заключавших брачные союзы с марабутами, жившими среди них. Предание гласит, что на самом деле арабские шерифы пришли к туарегам уже после исламизации и завоевали у них большой авторитет. Воспользовавшись царившей у туарегов анархией, вызванной постоянным соперничеством кланов, шерифы захватили в свои руки власть и удерживали ее довольно долго. Шерифы образовали племя имананов («султанов») и, беря в жены туарегских женщин

высokородного происхождения, создали новую знать. Их власть прочно держалась благодаря поддержке одного очень крупного племени — иманрассетен, — происшедшего от арабов, выходцев с Востока.

Имананские султаны объединили под своей властью туарегов Ахаггара и Тассилин-Аджера. Однако у туарегов все же пробудились национальные чувства, подогреваемые древними берберскими обычаями, особенно после того, как имананы установили религиозный налог в свою пользу — *гефару*. Впрочем, вполне возможно, причиной послужило то обстоятельство, что султаны попытались вывести имрадов из повиновения имха-рам. По рассказам туарегов, именно из-за вымогательств и поборов со стороны имананов несколько племен поднялись на борьбу за свою независимость, а один благородный туарег из Аджера, по имени Биска (из ураренов), собственноручно убил имананского султана Гому. Это послужило поводом для целой серии войн между племенем урарен, ставшим поборником независимости, и имананами и их союзниками — иманрассетен. В этой борьбе, в которой победы чередовались с поражениями, урарены в конце концов одержали верх. В результате этих событий сюзеренитет имананов был подорван, и преемники Гомы, продолжавшие носить титул аменокаля, путем нескончаемых набегов тщетно пытались восстановить свою власть.

Султан Гома был убит примерно в 1650 году, именно этим временем и датируется завоевание независимости племенами Ахаггара: они воспользовались убийством и борьбой между племенами ураренов и иманрассетен, чтобы избавиться от ига имананов.

По изложенным выше преданиям, переданным отцом де Фуко, знать Ахаггара состояла вначале лишь из одного племени — кель-ахем-меллен, разделившегося на четырнадцать фракций по количеству имевшихся у них пастбищ. Первоначально кель-ахем-меллен жили в Тидикельте, откуда были изгнаны вторгшимися туда арабами. Сейчас от них остались лишь теджехе-н-аг-али, теджехе-н-секкель и кель-ахем-меллен-уа-н-тагерт.

В то время, о котором идет речь, власть в Ахаггаре была сосредоточена в руках исчезнувшего ныне племени теджехе-н-у-сиди. Однако оно быстро ослабло в результате смешанных браков, и силу приобрели нынешние племена кель-рела, таитоки и теджехе-меллет, постепенно поглотившие остатки других фракций. Таким образом, получилось, что из трех оставшихся от кель-ахем-меллен указанных выше ветвей в настоящее время имеется всего несколько человек.

Племена кель-рела, таитоки и теджехе-меллет обладали полной самостоятельностью, однако, наследуя власть, племя кель-рела приобрело больший вес и стало держателем тобола.

В 1755 году, воспользовавшись слабостью Сиди аг эхаммеда эль-Хира, аменокаля Салаха, племена таитоков и теджехе-меллет добились раздела имрадских иемен на три части. Однако, не удовлетворившись полученными значительными преимуществами, таитоки решили завладеть еще и ахаггарским тоболом, что привело к целому ряду междоусобиц между ними и их сородичами из племени кель-рела.

Когда туареги Ахаггара перешли в подчинение Франции, племена таитоков и теджехе-меллет получили от французов статус свободных тоболов, а их вожди — титулы аменокалей при условии признания верховной власти Мусы аг Амастана, аменокаля Ахаггара, которого французы незадолго перед тем назначили на эту должность. Вождь таитоков Азуэль и вождь теджехе-меллет Сер'ир аг Бедда согласились без каких-либо оговорок на такую вассальную зависимость, но затем вышли из повиновения. Политика французов, направленная на усиление власти Мусы аг Амастана, доставила немало хлопот. Еще в 1910 году капитан Ниже, командующий округом Тидикельт—Ахаггар, расценил неповиновение двух имрадских племен — аит-лоайен и кель-ин-тунин — как начало больших, серьезных осложнений. Насколько он оказался прав, стало очевидным через несколько лет, когда в период 1915—1918 годов племена аит-лоайен и кель-ин-тунин первыми подняли восстание. Соперничество между племенами кель-рела и таитоков длилось долго и в дальнейшем привело к кровопролитным столкновениям.

За участие в восстании и за то, что они не оправдали возложенного на них доверия (хотя тут сами французы допустили серьезный психологический просчет), вожди племен таитоков и теджехе-меллет перешли в прямое подчинение аменокаля Мусы аг Амастана и стали носить титулы амраров. Возмущенные этим решением и тем, что власти Алжира так обошлись с ними, хотя они никогда не поднимали оружия против французов, таитоки ушли навсегда на территорию округа Агадес, отказавшись от всех предложений вернуться на плато Ахаггар, и перешли под власть администрации Нигера. Приведем вкратце этапы истории нынешнего населения Ахаггара, соблюдая хронологическую последовательность.

1. Период людей исебетен. Идолопоклонники, говорящие на тамашек или же на совершенно другом наречии. Не имеют ничего общего с туарегами; по мнению одних, являются предками даг-рали, по мнению других — аит-лоайен.

2. Ти-н-Хинан. По преданиям туарегов — мусульманка, судя по захоронению — язычница (если, конечно, это именно ее захоронение находится в Абалессе, что почти доказано). Прибыла из Тафилалета со своей служанкой Такамой (или Такамат), прародительницей племен даг-рали и аит-лоайен. Является родоначальницей племени кель-рела. К какому берберскому племени принадлежала — неизвестно. Могила датируется V веком.

3. Султан Гома (по 1650 год) — последний из имананских султанов, правивший конфедерацией северных туарегов. Интеграция исеккемарен.

4. Сиди аг Мохаммед эль-Хир (по 1750 год) — первый аменокаль ахаггаров и амрар племени кель-рела, женившийся на Келле, правнучке (?) Тахенкот — дочери Ти-н-Хинан.

Раздел имрадских племен (1755 год).

5. Примерно 1805 год. Интеграция агух-эн-техле.

Невозможно установить, когда появились люди хоуа-ра — до или после прихода Ти-н-Хинан, но, видимо, это произошло не позже IX—X веков.

Вехи эти, конечно же, ненадежные, а зачастую и противоречивые, оставляют в тени многие детали. Тем не менее они довольно точно отражают историю племен, воссоздать которую можно только с их помощью.

К тому, что сказано относительно происхождения нынешних племен Ахаггар, уместно добавить, что многие племена, обитающие в настоящее время в Мали и Нигере (иднаны, тенгерегифы и все фракции — выходцы из тадемакетов, кель-фадеи и т. д.), утверждают, что жили в массиве Ахаггар до того, как оказались на своих теперешних пастбищах, что покинули его либо по воле, либо под натиском люден, пришедших туда из северных районов. Это кажется весьма правдоподобным и соответствует миграциям древних ливийцев, но в хрониках кель-ахаггар об этом нет ни малейшего упоминания. Тем не менее, когда говоришь с ахаггарами о таких миграциях, они допускают их возможность. О никто не знает, как это происходило на самом деле, а как эти события относятся к очень далекой эпохе, о которой, по их словам, не упоминается ни в одной арабской хронике.

Тобол кель-рела

Тобол кель-рела — самое значительное племя Ахаггара, его вождь — одновременно аменокаль всей конфедерации.

Племя кель-рела состоит из нескольких благородных кланов, многие из которых представляют собой всего одну-две палатки. Это инемба, ибоглан, икерремойен (не смешивать с вассальным племенем того же названия, живущим в Аире!), теджехе-н-аг-али, теджехе-н-секкель, имеющие право на тобол, и икебиден, улед-эль-гут, улед-амешаун, улед-ибра, утратившие право на тобол по причине смешанных браков.

Знать кель-рела считает своей прародительницей Тин-н-Хинан, пришедшую из Тафилалета со своей служанкой Такамой. Ее люди назывались тогда кель-ахем-меллен, что означало «люди белых палаток» (в отличие другого племени — иссетафинов, или кель-ахен-сеттефет, — «люди черных палаток», предков иуллеммеденов, или, точнее, тадемакетов).

Позднее господствующей стала фракция теджехе-н-у-сиди бывшего аменокаля Сиди, которой были родственны племена кель-рела, таитоков, теджехе-меллет. Кроме того, образовалась другая фракция — фракция икерремойен. Предок этого племени по имени Акерремой происходил из игериссутонов (из Аира) и взял себе в жены благородную женщину из Ахаггара, дочь вождя-тобола. Самым известным их потомком был Муса аг Амастан.

Что касается ибогланов, то их предком был некий Хатит (брат Секкеля — вождя племени теджехе-н-сек-кель), который женился на женщине из кель-рела.

Теджехе-н-аг-али положили начало клану инемба, насчитывающему сегодня всего несколько человек; инемба некогда делились на инемба-кель-тахат и инемба-кель-эмори: эти названия исчезли вместе с последними людьми древнего рода.

Согласно легенде, отличной от записанной отцом де Фуко, у Ти-н-Хинан было семь дочерей. Три из них имели детей, которые якобы и стоят у истоков нынешних племен. Первая из них дала жизнь ибогланам и инемба, вторая — икерремойен и кель-ахем-меллен, третья — кель-рела, таитокам и теджехе-меллет.

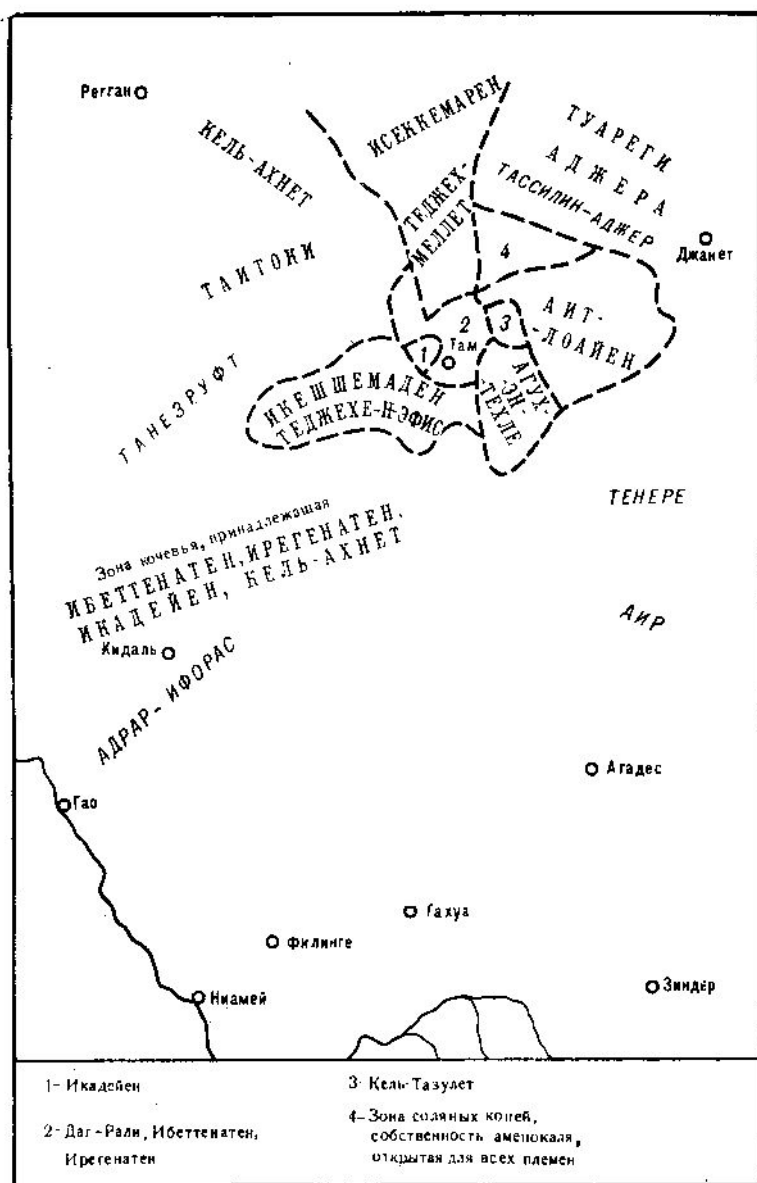
На первый взгляд такой расклад находится в противоречии со сказанным ранее, однако это не так, ибо расхождение происходит лишь оттого, что эти племена ведут свою генеалогию по женской линии, а называются зачастую по имени мужского предка. В этом отношении очень показателен пример с икерремойен.

По другой легенде, приведенной Бенхазерой, Ти-н-Хинан имела трех потомков женского пола, от которых пошли три основных рода, объединенные ныне под одним названием — кель-рела:

- Тинерт («антилопа») — якобы прародительница инемба;
- Тахенкот («газель») — якобы прародительница кель-рела;
- Тамеруэльт («крольчиха») — прародительница ибогланов.

Своим правом на тобол кель-рела (якобы искаженное от «келла») обязаны Келле, правнучке Тахенкот, вышедшей замуж за Сиди аг Мохаммеда эль-Хира.

Дювейрье, в свою очередь, собрал о кель-рела такие сведения: «Это эбна-сид, то есть „сыновья своих отцов“, которые имели прародителем султана эль-Алауа; среди них одни — сыновья Хатиты (Катиты у ибогланов), другие — сыновья эль-Махука, тарги с примесью шерифской крови». Это предание, весьма короткое, говорит о шерифском происхождении кель-рела, на что многие из них и претендуют.

Кочевья племен Ахаггара

Кель-рела хранят в памяти своих аменокалей, начиная от Сиди аг Мохаммеда эль-Хира, но не помнят ни имананских султанов — предшественников Гомы, ни правителей предыдущего

периода, кроме Келлы, правнучки Тахенкот — дочери Ти-н-Хинан.

По-видимому, между 1650 годом, датой смерти Гомы, и примерно 1750 годом, годом смерти Сиди аг Мохаммеда эль-Хира, царила анархия, вызванная разделом имрадских племен и соперничеством из-за титула аменокаля. Это соперничество длилось долго, поскольку лишь в 1775 году таитоки и теджехе-меллет добились нового раздела имрадов.

Вот так выглядела преемственность аменокалей, начиная от Сиди аг Мохаммеда эль-Хира:

- Юнес аг Сиди (ум. около 1790)
- аг Мама аг Сиди (ум. около 1830)
- эль-Хадж Ахмед аг эль-Хадж эль-Бекри (1830—1877)
- Ахитарель аг Мохаммед Биска (1877—1900)
- Аттиси аг Амеллаль, назначенный в то же время, что и:
- Мохаммед аг Урзиг (1900—1905)
- Муса аг Амастан (1905—1920)
- Ахамук аг Ихемма (1920—1941)
- Меслах аг Амайас (1941—1950)
- Баи аг Ахамук (1950—1977)

Сиди аг Мохаммед эль-Хир аг Салах состоял в браке с Келлой, правнучкой Тахенкот — дочери Ти-н-Хинан (приход Ти-н-Хинан в Ахаггар в таком случае имел место в начале XVII века, что мало вероятно). У него было девять детей, из них шесть дочерей, ставших родоначальницами всех нынешних больших кланов, из которых впоследствии избирались все аменокали. Праотец племени теджехе-н-у-сиди, умерший около 1750 года, уступил, по-видимому, всем требованиям таитоков и теджехе-меллет относительно раздела имрадов. Против племени таитоков ему пришлось вести войну; она окончилась его победой, и в результате был заключен мир. В его правление люди кунта ежегодно поставляли ахаг-гарам восемь верблюдов вплоть до французской оккупации. Два его сына взяли в жены женщин из племени таитоков.

Юнес аг Сиди, старший сын Сиди аг Мохаммеда эль-Хира, стал его преемником. Он вступил в брак с женщиной племени таитоков и имел от нее сына, который путем наследования по линии матери стал амраром племени таитоков. Он присоединил к себе племя агух-н-техле.

Аг Мама аг Сиди — брат Юнеса, второй сын Сиди аг Мохаммеда эль-Хира. Как и брат, он вступил в брак с женщиной племени таитоков; его сын Мохаммед впоследствии также стал амраром таитоков. Аг Мама умер в возрасте ста лет.

Эль-Хадж Ахмед аг эль-Хадж эль-Бекри — внук Сиди аг Мохаммеда эль-Хира от его дочери Захры, вышедшей замуж за эль-Хадж эль-Бекри из племени ифорас. Он был племянником предыдущего аменокаля, старшим сыном его старшей сестры. Ему пришлось бороться за власть с племенем таитоков, представитель которого Мохаммед аг Мама, сын предыдущего аменокаля, также хотел получить этот титул. В его правление началась продолжительная война с аджерами, когда ахагары приняли сторону потомков имананского султана. В ходе борьбы он был убит. Его могила находится в Кудье, близ уэда Иламан.

Ахитарель аг Мохаммед Биска — внук Сиди аг Мохаммеда эль-Хира от третьей дочери последнего — Аменены, вышедшей замуж за Мохаммеда Биску из племени теджехе-меллет, двоюродный брат предыдущего аменокаля, старший сын сестры его отца. Он прожил очень бурную жизнь, боролся против аджеров и одержал над ними крупную победу при Угмидане, подвергался нападениям таитоков. При его правлении была вырезана миссия Флаттерса; это убийство вменяется ему в вину. Умер он в 1900 году, оставив одну дочь, которая вышла замуж за Аманаса аг Хальби. Их сын Меслах был аменокалем с 1941 по 1950 годы.

Аттиси аг Амеллаль — племянник Ахитареля, старший сын его второй сестры. Он был назван кандидатом на тобол одновременно со своим двоюродным братом Мохаммедом аг Урзигом, старшим сыном старшей сестры Ахитареля, к которому тобол должен был отойти естественным путем, однако последний не смог отстоять свои права на него ввиду преклонного возраста и пассивности. Аттиси принимал участие в расправе над миссией Флаттерса. При нем долго царила анархия, последствия которой испытали на себе имрады; с приходом французов и выдвижением ими на должность аменокаля Мусы аг Амастана анархии был положен конец.

Муса аг Амастан — двоюродный брат Аттиси, правнук Сиди аг Мохаммеда эль-Хира от его младшей дочери Тар'ауссит и по линии своей прабабки Тигент; родился около 1865 года от матери кель-рела и отца икерремойена. Будучи еще молодым и от природы неглупым, он отговаривал всех от расправы с миссией Флаттерса, хотя, как доподлинно известно, когда она состоялась, принял в ней участие.

Муса был еще совсем молодым, когда умер его отец, поэтому он воспитывался у своего дяди Амдера. Поскольку последний жил в племени ифорас в Адраре, молодой человек познакомился там с марабутом кунта Баи эль-Беккай (его религиозный центр был расположен в Телейе), пользовавшимся большой известностью и оказавшим на Мусу сильное влияние.

Позднее Муса постоянно жил в Адраре, что позволило ему совершать набеги на иуллеммеденов, ифорас, иднанов, кунта, берабиш; последние, чтобы их оставили в покое, согласились в конце концов платить ему дань. Когда таитоки подверглись реззу со стороны кель-таделе, племени из Аира, они обвинили во всем Мусу, и с того момента между ними началась вражда. Во время одного набега иуллеммедены убили его брата, а ему самому пронзили копьем ногу, буквально пригвоздив его к коню. Тогда он поднял против них на реззу кель-таделе, таитоков и ифорас, однако по дороге таитоки захватили стада кель-таделе. Глубоко возмущенный этим, Муса, не колеблясь ни минуты, напал на таитоков, чтобы наказать их, и забрал добычу себе. Ахагары, в свою очередь, возмутились таким поступком и потребовали от Мусы вернуть скот. Тот отказался сделать это и укрылся у Фирхуна, аменокаля иуллеммеденов, где занялся установлением мира между приютившими его иуллеммеденами и ахагарами. Муса добился мира также и с кель-аир, что позволило исекемарен и имрадам ходить с караванами в Мали. Его авторитет в результате сильно возрос. Покинув Адрар-Ифорас, Муса примирился с ахагарами и внимательно следил за всеми событиями, происходившими в племенах.

Ахитарель, видимо, своим преемником назначил Мусу, но из-за царившей в Ахагаре анархии тот отказался взять правление в свои руки и не стал соперничать с Аттиси, который и был избран аменокалем. Когда французы оккупировали Айн-Салах, Муса вел переговоры о подчинении ахагаров с одним из арабов Айн-Са-лаха — кайдом Билу (1903 год). История Мусы тесно связана с историей подчинения туарегов и их завоеванием.

Муса вступил в брак поздно; до 1910 года он сожительствовал с черной женщиной, которая родила ему дочь. Женился он на дочери Ибеди аг Басси-Тихит, из таитоков, вдове знаменитого таитокского вождя Азюэля аг Серады, погибшего во время реззу; она тоже подарила ему дочь. Затем по приглашению генерала Лаперрина он отправился во Францию. Год спустя за свою миротворческую деятельность он был награжден орденом Почетного легиона. После восстания 1916—1918 годов, в ходе которого Муса аг Амастан оказывался порой в очень трудных ситуациях, он по-прежнему радел за установление мира, однако самому ему не пришлось попользоваться плодами своего труда: 20 декабря 1920 года он умер при довольно загадочных обстоятельствах.

Муса никогда не отличался здоровьем (говорили, что был сифилитиком и астматиком). Однажды он почувствовал недомогание и решил, что это результат его падения с лошади. Он слег, а на шестой день, когда уже казалось — ему лучше, он вдруг попросил приготовить себя к смерти. В ту пору он жил на стоянке поблизости от Таманрассета и велел известить обо всем офицера-резидента, но, когда тот прибыл, Муса уже был мертв. Его семья была ошеломлена столь внезапной смертью. Заподозрили одного человека из племени аджкеров, что он отравил аменокаля, когда приезжал на стоянку за двенадцать дней до его смерти; аджера заставили поклясться на Коране, что он не виновен в смерти Мусы, и отпустили.

При кончине Мусы присутствовал Сиди Мохаммед бен Бади Мокадем — марабут из мусульманского учебного заведения (*завийи*) в Телейе, присланный известным религиозным главой племени кунта Баи эль-Беккай. Он объявил, что Баи видел смерть Мусы во сне. Это обстоятельство положило конец «брожению умов» и, кроме того, стало еще одним свидетельством святости главного марабута Телейи.

Спустя несколько дней на созванной *джемаа* новым аменокалем был избран Ахамук аг Ихемма—двоюродный брат Мусы аг Амастана, старший сын его тети по матери. По материнской линии он происходил из инемба. Ахамук находился под большим влиянием своего двоюродного брата и во всем подражал ему. Хотя он сильно уступал Мусе по уму, но тем не менее, став вождем, сумел заставить уважать себя.

Женат он был дважды и имел семерых детей.

Меслах аг Амайас был троюродным братом Ахаму-ка. Он являлся внуком бывшего аменокаля Ахитареля и внучатым племянником Мохаммеда аг Урзига и Аттиси аг Амеллала. Таким образом, ввиду отсутствия потомка мужского пола в ветви Хегьер тобол перешел к ветви Аменнай, третьего сына Сиди аг Мохаммеда эль-Хира.

Рахма, сестра Мусы аг Амастана, которая вышла замуж за Анабу аг Амеллала, брата аменокаля Аттиси, произвела на свет сына, но он не был допущен к власти по причине умственной

неполноценности.

На тобол претендовал Баи аг Ахамук; имхарская молодежь, значительная часть имрадов и влиятельные арабские марабуты хотели видеть его преемником отца, однако его кандидатура была отведена по причине молодости, а также потому, что его избрание не отвечало бы законам наследования власти у туарегов.

Баи аг Ахамук получил бразды правления лишь в 1950 году, после смерти Меслаха аг Амайаса, которому он доводился внучатым племянником.

* * *

Аменокаль взимает с имрадов и ассимилированных вассалов *тиуссу*, или *рхараму*. Некоторые обязаны также платить дань потомкам благородных семей. Так, даг-рали кель-тахат платят ежегодную дань клану инемба-кель-тахат, а аит-лоайен — инемба-кель-эмори. Последние получают 4% с каждого выюка зерна, привозимого из Нигера людьми аит-лоайен. Однако эти их права на взимание налогов постепенно исчезают в связи с угасанием старинных кланов Ахаггара: сейчас некоторые из них насчитывают лишь по несколько человек.

За последнее столетие племя кель-рела в Ахаггаре весьма окрепло. Оно стало могущественным благодаря увеличению своей численности, а наследование власти по материнской линии ускорило этот процесс: поскольку лишь женщины кель-рела могли родить будущего аменокаля, союза с ними настойчиво добивались молодые люди из других благородных племен, обходя своим вниманием невест собственного племени. Приток новой крови укрепил кель-рела и физически, избавив их от вырождения из-за единокровных брачных союзов, слишком близких и часто повторяющихся. Свыше ста лет жизнь кель-рела протекала в непрерывном соперничестве с таитоками, в котором кель-рела постоянно одерживали верх благодаря своему численному превосходству. (Подробное описание этого можно найти в работе М. Бенхазеры.) Кель-рела смогли навязать вассальную зависимость племени ифорас из Адара, и оно ежегодно платило им дань. Это послужило одной из причин того, что в начале нынешнего столетия ифорас согласились подчиниться не французским властям Судана, а Айн-Салаху, так как считали себя связанными язательствами с кель-ахагар и Мусой аг Амастаном.

По данным Бенхазеры, у кель-рела было в 1905 году 55—60 палаток. По переписи 1938 года, у них насчитывалось 312 человек, объединенных вокруг 38 глав сери. В 1949 году, когда понадобилось выявить численность населения для нормированной выдачи продовольствия, вызванной последствиями войны, о кель-рела были получены следующие данные: мужчин — 71, женщин — 80, в возрасте до двадцати лет: мальчиков — 54, девочек — 70, всего — 275 человек белой расы; мужчин — 88, женщин — 109, в возрасте до двадцати лет: мальчиков — 61, девочек — 64, всего — 322 иклана негроидной расы; в итоге — 597 человек. Эти цифры горят о заметном прогрессе по сравнению с 1938 годом.

Тобол кель-рела включал вначале лишь два имрадских племени — даг-рали и агух-эн-техле, а также значительную часть исеккемарен. Позже пришли под их покровительство или слились с ними и другие фракции. Так было с аит-лоайен и релаиддинами.

Имрады называют кель-рела «людьми, которые дорого стоят», имея в виду их постоянные поборы и вымогательства.

Даг-рали

Даг-рали составляют главную фракцию тобола кель-рела; на них всегда опирался аменокаль Ахаггара для укрепления своей власти. Нет сомнений в том, что без них его власть не была бы столь прочной. По этой причине с даг-рали обращаются весьма почтительно. Их вождь пользуется большим влиянием у аменокаля: он входит не только в самое близкое его окружение, но и в число его советчиков.

Первоначально даг-рали составляли вместе с кель-ахнет племя имессилитен; некогда оно было многочисленным, но теперь от него осталось лишь несколько человек, разбросанных по племенам даг-рали, кель-ахнет и аит-лоайен. Они якобы потомки Такамат, служанки Ти-н-Хинан. Произошли даг-рали из четырех фракций: из упомянутой фракции имессилитен, из икешшемаден, связанных с тоболом таитоков, из улад-ир'дал и даг-мертемек. Наконец, среди них есть потомки легендарного племени изебетен, якобы автохтонов Ахаггара. По некоторым легендам, изебетен — предки даг-рали (отец де Фуко); даг-рали, однако, утверждают, что когда они пришли в этот край, то уже застали там изебетен. В настоящее время потомков изебетен насчитывается всего около дюжины.

Ныне даг-рали делятся на: кель-тахат, кель-терхена-нет, кель-таманрассет кель-хирафок и кель-арешшум (соответственно районам проживания).

После сражения у Титз (1902 год), где даг-рали потеряли более ста человек, у них осталось лишь шестьдесят воинов. Перепись 1938 года выявила 1000 человек, из них мужчин — 334, включая икланов, однако эта цифра явно завышена. По переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин—104, женщин—121, добрачного возраста: мальчиков — 80 и девочек — 81, всего — 386 человек; икланов: мужчин—125, женщин—164, мальчиков — 73 и девочек — 64, всего 426. Общая их численность составляла 812 человек.

Такое довольно редкое для туарегов увеличение численности населения свидетельствовало об относительном благополучии и улучшении условий существования с началом французской оккупации, в частности в результате восстановления караванной торговли с Нигером.

Даг-рали кочуют в западной части Кудьи, их абсолютной вотчине, куда не допускается никакая другая фракция. На востоке граница их кочевья проходит по правой кромке уэда Таманрассет, по уэду Интеркаден до Иделеса; на юге — по южной зоне Тахальры до Тин-Дахара; на западе — через Ин-Эккер, а на севере — по линии Ин-Эффер — Хирафок—Иделес.

Даг-рали платят аменокалю дань в виде десяти мешков проса или сорго. Кроме того, каждая семья, направляющаяся с караваном в Нигер, отдает ему небольшой мешок сорго; если растительность на пастбищах обильна, к этому добавляются еще несколько ботта топленого масла и молока от двадцати овец. В случае удачного резузу благородным отдается половина захваченных овец.

Даг-рали — самые богатые люди в Ахаггаре. В 1950 году они имели уже более 1200 коз и более 1000 верблюдов. Наличие вьючных животных позволяет им организовывать много торговых караванов в Нигер и Тидикельт. Они сообща владеют общими стадами, называемыми «эджере-н-бутельма». Когда же пастбища слишком скудны и скот не может прокормиться на них, даг-рали отдают своих верблюдов для выпаса ирегнатенам, которые кочуют с ними по всей сахаро-сахельской территории. Даг-рали внесли свой вклад и в развитие земледелия в оазисах Ахаггара. Сами они владеют участками в Иламане, Терхенанете, Таманрассете, Абалессе, Иглене, Тафарите, Ин-Амгеле, Силете; их возделывают харратины и икланы, приставленные к этому делу. Кроме того, аменокаль отдал им в пользование пальмовые роци в оазисе Силет, прежде принадлежавшие таитокам.

Даг-рали — самые набожные люди в Ахаггаре. Хотя большинство их принадлежит к ордену Тиджанийя, некоторые вступили в орден Сенусийя и орден Кадирийя. Принадлежность эта, похоже, чисто формальная, ибо, за редким исключением, они не соблюдают уставов религиозных орденов. Они совершают лишь ритуальные молитвы и соблюдают пост.

Именно в этом племени особо проявилась миссионерская деятельность отца де Фуко. Обосновавшись в Таманрассете, а затем в своем скромном домике в Ассек-реме, отец де Фуко находился в постоянном контакте с даг-рали. Поначалу они относились к нему настороженно, но вскоре сблизились и больше других пользовались его благодеяниями; так, он посещал их, ухаживал за больными, оказывал всяческую помощь и разные услуги. Он возил во Францию молодого тарги Уксема аг Шикката и сделал его наследником своей скромной недвижимости в Таманрассете (это, однако, не помешало Уксема аг Шиккату некоторое время спустя после смерти своего духовного отца присоединиться к восставшим). Курьезным феноменом, хотя и вполне объяснимым, явилось то, что, следуя примеру отца де Фуко, истинного христианина, даг-рали стали ревностными... мусульманами.

Вождь даг-рали Уксем аг Урар, приземистый и толстый человек средних способностей, но хитрый, как все крестьяне, особенно если дело касалось его интересов (или интересов его родни), не мог не увидеть выгоду, которую можно было извлечь из этой близости. Отец де Фуко замолвил за него слово властям Форта-Моты-лински, в результате чего Уксем аг Урар приобрел вес у французских властей, чем весьма гордился, прекрасно понимая, что обязан этим преподобному отцу. В дальнейшем он стал хорошим помощником в деле умиротворения в Ахаггаре, а во время повстанческого движения 1915 года проявил готовность сотрудничать с французами, и отец де Фуко писал генералу Лаперрину: «Уксем, вождь даг-рали, всем хорош: он не перестает делать успехи; он не только верен на словах, но и вполне доказывает свою верность на деле».

Уксем ничего не предпринимал, не спросив мнения отца де Фуко, и всегда следовал его советам. Последний посоветовал ему возделывать участок в уэде Иламан и использовать для полива воды, стекающие с горы; земельный участок был обработан, и Уксема ради поощрения столь

похвального и достойного подражания дела наградили французским орденом «Мерит агриколь»³. К сожалению, после того как отца де Фуко не стало, участок был заброшен.

Невероятно, но отец де Фуко мечтал увидеть Уксема аг Урара аменокалем (что пошло бы вразрез со всеми социальными законами туарегов).

Что же осталось от всех его трудов? Туареги быстро забывают мертвых. Время от времени Уксем еще вспоминал своего большого друга — белого марабута. Однако, как и следовало ожидать, ни он, ни другие даг-рали не поняли и не оценили всей самоотверженности и всего великодушия этого отшельника Сахары, стоивших ему жизни. Уксем аг Урар умер в 1947 году.

Икешшемаден, упоминавшиеся выше, постоянно селились вблизи даг-рали, с которыми некогда составляли одно племя. При разделе имрадов они стали вассалами таитоков, но не покинули даг-рали, поскольку были связаны с ними многими узами. В 1907 году они попросили придать их тоболу кель-рела.

Агух-эн-техле

Агух-эн-техле — самое значительное после даг-рали имрадское племя Ахаггара. Когда-то они кочевали в крестностях Ин-Галла (в Аире) и эмигрировали в Ахаггар из-за притеснений агадесского султана, под чьей властью находились. Последний придерживался полигамии и каждый год требовал от племени агух-эн-техле молоденькую красивую девушку. Не желая больше терпеть этот обычай, противный их собственным законам, они примерно в 1795 году покинули свой край и пришли под защиту аменокаля Юнеса, сына Сиди аг Мохаммеда эль-Хира. Известна и другая версия, записанная отцом де Фуко: кель-рела принудили их прийти в Ахаггар в целях своего усиления. Эта версия отнюдь не противоречит предыдущей, поскольку вполне могло иметь место совпадение обоих обстоятельств.

До своего прихода на поселение в Ахаггар агух-эн-техле принадлежали к племени теджехе-н-элимен (так его еще называют иногда), или же илименен, по имени их предка Элимена. Одна фракция этого племени осталась в Аире и называется ирелемен или кель-арефса (кель-рапса); обитатели Аира часто называют агух-эн-техле ахаггарами и, следовательно, считают их уроженцами Ахаггара.

Покидая Аир, агух-эн-техле якобы увели верблюдицу, принадлежавшую людям оставшейся фракции. И с тех пор люди Аира требуют вернуть ее, а также... ее потомство за все годы, которое превысило бы теперешнее поголовье верблюдов племени агух-эн-техле! В 1948 году это дело еще рассматривалось командующим округом Агадес!

Известно также, что к моменту раздела имрадов агух-эн-техле являлись частью племени иссандатен. гух-эн-техле достались племени кель-рела, а другая фракция, теджехе-н-эфис, отошла к таитокам. Если эти сведения точны, а раздел имел место около 1750 года, можно предположить, что до своего поселения в Аире они жили в Ахаггаре. Эта гипотеза тем более вероятна, что кель-аир называют своих сородичей кель-арефса ахаггарами.

Агух-эн-техле означает «тростниковые люди». Согласно легенде, во время их бегства из Аира они оказались без пищи и им пришлось питаться тростником. Их вождь был тогда некто Ассекель аг Лоука — человек гигантского роста и с огромными ступнями. Люди, посланные за ними в погоню, увидев его следы, прекратили преследование.

Агух-эн-техле утверждают, что они родом из Мекки, где их далекий предок получил от пророка верблюдицу с условием: пить ее молоко. Однако они убили верблюдицу, тем самым нарушив обет, и вынуждены были бежать оттуда. После долгих странствий они остановились в Аире. Разумеется, это лишь легенда.

Территория агух-эн-техле граничит на западе с территорией даг-рали и простирается от Таманрассета до уэда Урши, от Кудьи до Лфрауина и Тамагина.

Они легко идут на союзы с даг-рали и релаиддина ми. В сражении у Тита (где их потери составили около дюжины человек) они выступили против французов, но в 1904 году покорились им. Во время восстания 1915—1918 годов агух-эн-техле вышли из повиновения, и их женщины даже захватили в Форте-Мотылински тридцать мехари, принадлежавших французской мехаристской компании. В самом же бунте они активного участия не принимали и одними из первых запросили пощады.

---

³ «За сельскохозяйственные заслуги».

В 1905 году насчитывалось 60 агух-эн-техле. По данным переписи 1949 года, у них было имрадов: муж чин—118, женщин—170, моложе двадцати лет: мальчиков — 159 и девочек — 138, всего — 585 человек; икла нов: мужчин — 50, женщин — 60, мальчиков — 19 и девочек — 20, всего — 149 человек; в целом — 734 человека. В 1950 году у агух-эн-техле было около 1000 верблюдов, которые паслись на границе Сахары и Сахеля, а также 1200—1400 коз.

Ежегодно они платят аменокалю дань — 12 мешков проса, 6 горшков масла и продукты, получаемые от десяти коз. В случае захвата добычи они не делятся с аменокалем ни козами, ни овцами. Выплата дани с их стороны часто становится предметом долгих споров, ибо агух-эн-техле делают это с большой неохотой.

Им приписывается основание Таманрассета, вернее, его восстановление, так как считается, что основал его вождь фракции иссенда (иссендатен) по имени Илашен. Возобновление там земледелия относится к концу прошлого века. Однако орошаемые земли являются собственностью племени иманрассетен из конфедерации Аджер. Последние не раз пытались требовать арендную плату (осла или барана в год в зависимости от размера участка), однако агух-эн-техле отдавали ее только в том случае, если владельцы являлись за ней сами.

Агух-эн-техле делятся на кель-агетелла (или кель-рхаухаут), кель-арефса (или кель-эзарунфат) и иссендатен (или кель-тахифет).

С ними проживает одно небольшое племя, пришедшее из Нигера, — элифнен, — насчитывающее 45 человек.

Аит-лоайен

Название аит-лоайен происходит от глагола «элуэй», что в переводе означает «соединить верблюдов индийской связкой». Аит-лоайен — того же происхождения, что даг-рали и кель-ахнет (имессилитен), — от прародительницы Такамат, служанки Ти-н-Хинан. Во время раздела имрадов они были поделены поровну между инемба и теджехе-меллет. Аит-лоайен делятся на ихрайен (ныне исчезнувших), кель-торха, или даг-хуа, и собственно аит-лоайен.

Аит-лоайен платят триуссу клану теджехе-н-аг-али, называемому также кель-ахем-меллен, потомками которого они являются, и группе кель-торха теджехе-меллет. Клан инемба (кель-марли) также имеет право взимать с них налог.

Аит-лоайен были связаны многочисленными браками с имеккерессен конфедерации Аджер, но в результате раздоров и совершенного ими убийства одного из аджеров, тарги Реску аг Яхья, известного во всем Ахаггаре, навсегда отделились от них. Кочуют они в направлении Иделеса, Тин-Тарабина, Темазинта, Аитоклана, Арокама, Серуенута и в Анахефе.

В 1938 году племя аит-лоайен состояло из 50 взрослых мужчин и 102 женщин касты имрад. По данным переписи 1949 года, среди них было имрадов: мужчин — 12, женщин—119, моложе двадцати лет: мальчиков — 121 и девочек — 81, всего — 403 человека; иккланов: мужчин — 28, женщин — 37, мальчиков — 10 и девочек— 13, всего — 88 человек. Общая численность племени на тот период — 491 человек.

Они имеют примерно 350 верблюдов и 1000 коз. Им принадлежат земельные центры в Тин-Тарабине и Аитоклане, необрабатываемые уже в течение многих лет из-за нехватки рабочей силы.

Расправа с миссией Флаттерса произошла именно на их территории, аит-лоайен тоже приняли в ней участие: проводник Сер'ир бен Шейх, приведший экспедицию к засаде в уэде Ихеауэн, — из этого племени. Аит-лоайен участвовали также в сражении у Тита; подчинились в 1907 году. В 1915 году они вышли из повиновения, и на них лежит вина за смерть отца де Фуко в Таманрассете. Против этого племени французы предприняли несколько походов (под руководством сержанта Ремио), что, однако, не помешало аит-лоайен предоставить приют повстанцам Аджера и принять участие вместе с людьми вождя Абеуха аг Кабелли, одного из самых грозных разбойников Тассили, в сражении у Ин-Эккера.

Аит-лоайен — одно из самых неуправляемых племен, его постоянно надо призывать к порядку: как только появляется малейшая возможность, оно тут же готово ускользнуть из-под контроля.

Релоиддины

Релоиддины пришли, по-видимому, из Аира, как и родственное им племя агух-эн-техле.

Релаиддины располагают стоянки возле них, в северо-восточной части Кудьи, и, кочуя, доходят до Тин-Тарабина и Аитоклана.

В 1938 году в племени насчитывалась всего дюжина палаток и дюжина взрослых мужчин. По данным переписи 1949 года, релаиддинов было 40 человек, включая женщин и детей. Это племя, некогда богатое и сильное, владевшее к приходу французов примерно 400 верблюдами и 1500 козами, в 1938 году имело лишь около 20 верблюдов и сотни три коз. Такое обнищание объясняется потерями, понесенными ими в ходе восстания 1915—1918 годов, которые им так и не удалось компенсировать. Они владеют несколькими участками в Тазеруке, Тин-Тарабине, Аитоклане и Серуфе, но эти участки находятся в заброшенном состоянии.

Во время восстания релаиддины были за раскол вместе с агух-эн-техле, однако вскоре попросили пощады, так как их местоположение — между Ахаггаром и Тассили — обрекало их на произвол аджерских реззу.

Релаиддины платят аменокалю ежегодную дань — два вьюка зерна, горшок масла и козу.

К релаиддинам следует причислить небольшую фракцию неизвестного происхождения — кель-абарга (или ибарган), — находящуюся на грани исчезновения. В 1938 году кель-абарга насчитывали дюжину взрослых мужчин. По данным переписи 1949 года, у них было: мужчин — 4, женщин — 5, моложе двадцати лет: мальчиков — 9 и девочек — 8, всего — 26 человек. За ними закрепилась репутация грабителей, постоянно посягающих на чужие кочевья. Кель-абарга располагаются между Тазеруком, Имерерой и Иделесом. Их кочевье было определено в 1750 году, оно обозначено большими камнями, на которых есть знаки тифинага.

Ибеттенатен

Ибеттенатен, называемые также антуссен, не являются, собственно говоря, имрадами. По словам Бенха-зеры, это племя было когда-то благородным и якобы подчинилось племени кель-рела за совершенное одним из ибеттенатен убийство человека из этого племени; с тех пор они платят аменокалю тиуссу.

Ибеттенатен — выходцы из ифорасского племени кель-афелла, племени-тобола Адрара, по материнской линии и из арабов Тидикельта — по отцовской. По мнению отца де Фуко, это, возможно, имрадское племя арабского происхождения.

Они насчитывают примерно тридцать палаток и кочуют в Сахеле, в направлении Бу-Джбии; в зависимости от состояния пастбищ ибеттенатен доходят и до Таударта, и до Ин-Узала в Адрар-Ифорасе.

Еще несколько стоянок из пятнадцати палаток принадлежат кель-фадей в Аире.

В 1938 году ибеттенатен насчитывали 160 человек, из них 62 — мужчины. По переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин — 36, женщин — 39, моложе двадцати лет: мальчиков — 23 и девочек — 31, всего — 129 человек; икланов: мужчин — 11, женщин — 8, моложе двадцати лет: мальчиков — 3 и девочек — 3, всего — 25 человек. Таким образом, общая численность племени составляла 154 человека.

Ибеттенатен — скотоводческое племя, караваны они организуют редко, обрабатываемых участков не имеют. У них очень хорошие пастбища. В 1938 году у них на- (считывалось примерно 800 верблюдов, 1000 баранов и — редкий случай в этой местности — около сотни голов крупного рогатого скота, что объяснялось обилием корма на пастбищах.

Иклан-эн-тауссит

Иклан-эн-тауссит, или кель-коас, являются, по данным отца де Фуко, потомками одной рабыни имананов, которые смешались с людьми ахль-аззи (арабское племя из Айн-Салаха), пришедшими в Ахаггар по собственной воле. Другое предание называет их прародительницей Бараму, рабыню Ти-н-Хинан. «Иклан-эн-тауссит» в переводе означает «слуги племени». Некогда они якобы составляли гвардию имананских султанов и находились под их началом еще в конце прошлого века. Только при французской администрации они стали действительно подчиняться аменокалю Ахаггара. Иклан-эн-тауссит считаются низкого происхождения: в отличие от прочих туарегов они не гнушаются обрабатывать землю, что у туарегов считается зазорным. Они заключают брачные союзы преимущественно с обитателями оазиса Джанет.

Иклан-эн-тауссит делятся на иклан-сеттафен и иклан-меллен.

В 1938 году в их число входило примерно 180 взрослых имрадов, среди них — около 60

мужчин. По данным переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин— 117, женщин—167, моложе двадцати лет: мальчиков—182 и девочек—134, всего — 600 человек; икланов: мужчин— 43, женщин—15, моложе двадцати лет: мальчиков— 25 и девочек — 20, всего—103. Таким образом, племя насчитывало 703 человека. Тем не менее, если судить по более поздним данным, их могло быть и свыше 800, принимая во внимание, что многих не переписали вообще.

Иклан-эн-тауссит имеют примерно 250 верблюдов и 400 коз, которых пасут в Нижнем Ахаггаре, в Тахальре, район Силет — Абалесса, а также в районе Тин-Завате-на, северо-восточнее Аддрара.

Они больше занимаются земледелием, чем скотоводством: возделывают земельные участки в центрах Тиге-неуин, Абалесса, Тиферт, а также ухаживают за небольшой пальмовой рощей в Тибегине, вблизи Силета.

Исеккемарен

Исеккемарен, что в переводе означает «имеющие привычку облокачиваться», стало синонимом слова «перемешанные». Они произошли от отцов-арабов и туарегских матерей.

Исеккемарен делятся на восемь племен: ихеяуэн-ха-да, кель-иммидир, кель-тазулет (кель-аденек), кель-ин-рер, кель-тафедест, кель-и-н-тунни, кель-теруирт, кель-ухет.

Это не вассалы, как ирегнатен или ибетнатен, а «присоединившиеся». По преданию, они пришли из Та-демаита, который им предложили покинуть и усилить племена Ахаггара.

Во время раздела имрадов одни их племена были отданы кель-рела, другие — таитокам и теджехе-меллет. К первым отошли племена ихеяуэн-хада, кель-иммидир, кель-тазулет, кель-тафедест и кель-инрер.

Все они исламизированы в большей степени, чем другие племена. Многие из них бегло говорят по-арабски — и по причине своего происхождения, и из-за постоянных связей с Тидикельтом. Они владеют значительным количеством верблюдов и славятся как скотоводы.

Ихеяуэн-хада

Ихеяуэн-хада, называемые также улед-элиас, ихея-уэн-эн-темунент или же кель-аденек, произошли якобы от арабской женщины, которая была уведена во время набега на Туат, по имени Хада или Ада.

Эти люди кочуют в массиве Тефедест, в направлении Аденека, Абезу, Ин-Такуфи, Эгелугала к Тидессей, а также на сахаро-сахельских пограничных территориях, в окрестностях колодца Тамая.

Ихеяуэн-хада делятся на три фракции: улед-злкае, улед-ассерум и улед-фасси.

В 1938 году среди них насчитывалось 120 кмрадев. По переписи 1949 года, было имрадов: му-кч н — 43, женщин — 86, моложе двадцати лет: мальчиков — 60 и девочек — 61, всего — 253 человека; икланов: мужчин — 22, женщин — 48, мальчиков — 11 девочек — 15, всего — 96 человек. В итоге численность племени составляла 349 человек.

Они имеют до ста верблюдов и около трехсот коз.

Когда-то они обрабатывали небольшие участки в Секайе и Таджемуте, но оставили их из-за: нехватки воды и рабочих рук.

Очень набожные, ихеяуэн-хада частично входят в орден Тиджанийя, а четверо-пятеро из них — адепты ордена Сенусийя. Вот довольно-таки редкий до 1950 года факт: двое верующих ихеяуэн-хада совершили паломничество в Мекку.

Кель-инрер

Кель-инрер обязаны своим названием деревне Инрер (Ин-Рхар) в Тидикельте, где они, вероятно, жили до прихода в Тефедест.

Согласно их устным преданиям, они были завоеваны султаном Гомой и впоследствии, во время раздела имрадов, отданы племени кель-рела.

В 1938 году среди них насчитывалось 150 взрослых имрадов. По данным переписи 1949 года, было имрадов: мужчин — 51, женщин — 50, моложе двадцати лет: мальчиков — 41 и девочек — 34, всего—176 человек; икланов: мужчин — 9, женщин — 25, моложе двадцати лет: мальчиков — 8, девочек — 9. Итого — 227 человек.

Перед войной 1914 года кель-инрер имели около 800 верблюдов, 1500 баранов и коз. В 1949 году поголовье верблюдов упало до 200.

Так же как и ихеяуэн-хада, они в основной массе принадлежат к ордену Тиджанийя.

Во время восстания 1915—1918 годов кель-инрер отказались выступить против французов, за что подверглись резке со стороны кель-аджер.

У них репутация искусных охотников на муфлонов.

Каждый год кель-инрер выплачивают аменокалю дань в размере шести мешков фиников и отдают одного верблюжонка.

Кель-тафедест

Кель-тафедест, или кель-тегатуфе («муравьиные люди»), составляют небольшую, очень бедную фракцию, в которой в 1938 году насчитывалось с полсотни имрадов, из них— 18 женщин. По переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин — 19, женщин — 22, мальчиков— 14 и девочек — 6, то есть 61 человек; икланов: мужчин — 2, женщин — 6, мальчиков — 2 и девочек — 1, то есть 11 человек. Итого численность племени составляла 72 человека.

Кель-тафедест кочуют в направлении Гарет-эн-Дженуна, Ассекрема, Амгида, Адрара-Торха. В 1938 году они имели 300 коз и 30 верблюдов против 600 коз и 200 верблюдов в 1905 году. У них есть участки в Тефе-десте. Они довольно набожные и принадлежат к ордену Тиджанийя. Ежегодно кель-тафедест отдают аменокалю четыре вьюка фиников и одного верблюжонка.

Кель-иммидир

Кель-иммидир, или кель-муйдир, называются также ихеяуэн-н-ти-н-эмма. Они — того же происхождения, и ихеяуэн-хада и кель-тазуле. Делятся на кель-таракхарт и кель-рарис. В 1938 году среди них было около пятидесяти взрослых имрадов. По переписи 1949 года, имрадов: мужчин — 51, женщин — 67, моложе двадцати лет: мальчиков — 25 и девочек — 27, то есть 170 человек; икланов: мужчин — 2, женщин — 6, мальчиков — 2, девочек — 1, то есть 11 человек. Таким образом, общая численность племени составляла 181 человек.

Кель-иммидир кочуют в массиве Иммидир, в направлении Джорафа, Тагнута, и имеют кочевья между Ифетессеном и Ин-Эккером.

Это бедные люди, имеющие всего около 20 верблюдов и 250 коз. Они хорошие торговцы и отличные проводники караванов и, чтобы справиться с нуждой, нанимаются к владельцам верблюдов.

К кель-иммидир следует отнести исселамаден, или теджехе-н-селама (потомство от сестер Селама) — небольшую фракцию, насчитывающую около пятнадцати палаток, которая живет с ними и кочует в направлении Анесерфы, Арака, Ахохора, Тагемута и Тиреджерта.

Кель-тазулет

Кель-тазулет, или даг-эль-меск, располагаются становищами в районе Тазулата и близ Тазерука.

В 1938 году их насчитывалось 225 человек. По данным переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин — 40, женщин — 56, мальчиков — 37 и девочек — 25, то есть 158 человек; икланов: мужчин—15, женщин — 31, мальчиков — 4 и девочек — 7, то есть 57 человек; всего численность племени составляла 215 человек.

Кель-тазулет имеют около 300 верблюдов и более 2000 коз. Засушливость района, где они обитают, вынуждает их, когда в Ахаггаре нет дождей, уходить в Сахель. Они владеют участками в Блумете, Иберберене, Туаккине и в Тазеруке.

Имея контакты с аит-лоайен, они в период восстания последовали за этим племенем и приняли участие в сражениях у Тита и в уезде Иламан.

Кель-тазулет достаточно набожные, они — члены ордена Тиджанийя. В 1949 году среди них было четыре-пять паломников, ходивших в Мекку. Ежегодно они отдают аменокалю в качестве дани три вьюка фиников и трех козлят.

Ирегнатен

Ирегенатен (или, как их называют некоторые авторы, ирадженаген) — ассимилированные вассалы, чье положение несколько выше, чем у имрадов. Название их племени в переводе означает «те, у кого отец одной расы, а мать — другой».

Ирегенатен делятся на две группы:

1) ирегенатен Адрара, или ирегенатен сеттафнин, якобы происшедшие от шерифа Гуарары по имени Аб-дельюмен, чьи два сына — Муима и Иншелан — женились на женщинах из племени ибеттенатен;

2) ирегенатен хаггаренин — якобы выходцы из дер-машака, племени, присоединенного к кунта, и из племени ибеттенатен.

Все они кочуют на севере Адрар-Ифораса, в Тиметрине, и доходят иногда до эрга Шеш. Бывают они также в Ахнете и Тамесне.

Это — очень богатое племя, занимающееся разведением верблюдов. У него более 2300 этих животных, 350 быков и свыше 2350 коз и баранов. Их верблюды высокорослые, обладают превосходным аллюром, однако уступают в выносливости верблюдам иссекемарен.

В 1908 году, по данным Бенхазеры, ирегенатен насчитывали 50—60 мужчин.

По переписи 1938 года, в этом племени было 358 человек, из них 100 — мужчины, которые могли носить оружие. По данным переписи 1949 года, имрадов у них насчитывалось: мужчин—107, женщин — 96, моложе двадцати лет: мальчиков— 145 и девочек — 91, всего — 439 человек; икланов: мужчин — 39, женщин — 65, мальчиков— 37 и девочек — 21, всего—162 человека. Общая численность племени составляла 601 человек.

Ирегенатен выплачивают тиуссу потомству клана инемба и потомкам Си Мохаммеда аг Османа.

Бывая у людей племени кунта в Адраре, они поддерживали отношения с марабутом-повстанцем Абидиной, укrywшимся у кель-ахнет. Они даже были его осведомителями, вот почему люди Адрар-Ифораса долгое время относились к ним настороженно. По этой же причине они никогда не подвергались резке со стороны лю-дей Абидина.

Их женщины большие мастерицы по изготовлению кожаных изделий, в частности сбруи для верблюдов и седельных сумок.

В излучине Нигера тоже живут ирегенатен, но они не имеют родства с ирегенатен Ахаггара.

Тобол таитоков

Таитоки наряду с кель-рела и теджехе-меллет — высокородная знать Ахаггара. Называются они еще кель-атарам или эддунет-уй-н-атарам, то есть «люди с низовья и с запада» (в отличие от кель-рела, или кель-эфелла, что означает «люди с верховья»), поскольку занимают нижнюю и западную части ахаггарского массива, тогда как кель-рела живут в более высокой, центральной его части. В шутку их называют также иторен.

Таитоки имеют родстве с кель-рела через Сакину, двоюродную сестру Келлы, вышедшую замуж за Амера эль-Хаджа, амрара таитоков. По этой причине они иногда заявляют о своей принадлежности к потомству Ти-н-Хинан и претендуют на то, чтобы считаться прямыми потомками третьей дочери Ти-н-Хинан. По данным Дювейрье, часть этого племени — того же происхождения, что и имананские султаны, то есть от бывшей линии Идрисидов; другая — происходит от кель-фадеи из Аира, где эти истоки еще сохранились.

Таитоки, взятые в плен при Хэссн Инифель в 1887 году людьми племени шаамба-муади, заявили французскому капитану Биссюэлю, что не имеют никакого родства с ахаггарами: «Мы -- уроженцы земли, на которой живем, здесь родились наши отцы и наши деды — и это с тех пор, как существует мир, так было испокон веков; наши предки не приходили с чужой стороны. Мы никогда не были в родстве ни с ахаггарами, ни с аджерами, ни с каким-либо другим племенем».

По-видимому, это заявление большой важности не представляет. Капитан Биссюэль специально приводит слова своих информаторов полностью, показывая их невежество, но главным образом их стремление отмежеваться от участников расправы с миссией Флаттерса, поскольку таитоки боялись, как бы французы не стали мстить им. Эта версия тем более неточна, что генеалогия вождей таитоков и знатных лютей этого племени как раз восходит к многочисленным союзам с туарегами кель-рела. В этом и заключается вся противоречивость сведений, ибо именно благодаря этим союзам таитоки могут претендовать на то, чтобы считаться,

как и кель-рела, потомками третьей дочери Ти-н-Хинан.

Таитоки — совершенный тип имхара, перед которым все должны преклоняться: независимые и надменные по характеру, храбрые воины, не терпящие ничьей власти над собой, всегда готовые с оружием в руках отстаивать свою честь, даже если соперник превосходит их числом. Таитокам было очень трудно подчиниться аме-нокалю, признать, даже на словах, господствующее положение кель-рела. После раздела имрадских племен таитоки неоднократно стремились завладеть аменока-латом, вследствие чего у них велись братоубийственные войны с кель-рела. Распри начались из-за имрадских племен, принадлежавших кель-рела и подвергшихся жестокому грабежу со стороны таитоков; понадобилось вооруженное вмешательство сюзеренов. Малочисленные таитоки всегда терпели поражение, однако это не мешало им какое-то время спустя начинать все сначала.

Так обстояло дело до конца прошлого века, пока аменокаль Ахитарель, человек очень миролюбивый, не сумел примирить враждующие племена. Тогдашний вождь таитоков Сиди аг Кераджи приходился по отцу племянником Ахитарелю, то есть по отцу был кель-рела, а по матери имел право на тобол таитоков. Ахитарель постарался поднять авторитет племянника и защитить его от кель-рела, а также от тех кругов таитоков, которых примирение не устраивало. Но когда Сиди почувствовал, что власть ускользает у него из рук, он добровольно отказался от тобола (полагая, что так он будет в большей безопасности в случае возобновления военных действий) и укрылся в Ахагаре, у кель-рела. После смерти Ахитареля междоусобица вспыхнула с новой силой, и кель-рела попросили Сиди покинуть их стоянку. Вернуться к таитокам означало для него быть втянутым в их распри со всеми вытекающими отсюда последствиями, и в частности постоянно подвергаться резу, поскольку у таитоков всюду имелись враги.

Кель-и-н-тунин, имрады таитоков, воспользовались царившей анархией, чтобы избавиться от хозяев. Они причислили себя к урарен, благородному племени аджеров. У них-то и решил обосноваться Сиди. Это произошло как раз в тот момент, когда Азюэль аг Серада, претендент на титул, пытался завладеть тоболом.

Азюэль был типичным представителем таитоков — грубый, с необузданными инстинктами. «Человек, прекрасно владевший саблей, славившийся своими глупыми выходками, к тому же грабитель и предатель» — так отзывался о нем капитан Метуа, бывший начальник округа Тидикельт — Ахагар. Он не только не способствовал, но даже препятствовал тому, чтобы уладить миром дела со своими сородичами из кель-рела. Он вел переговоры и о подчинении таитоков, стремясь, не без задней мысли, конечно, извлечь из этого выгоду, и прежде всего не допустить власти Мусы аг Амастана. Однако, к его великой досаде, держателем тобола стал Сиди аг Кераджи.

Несмотря на запрет на резу, Азюэль, побуждаемый своими разбойничьими наклонностями, совершил в 1905 году крупнейший набег в Земур, но это была игра с огнем: отброшенный берберами, он был убит в очень жестокой схватке в Землет-улд-Декаме. После этого Сиди аг Кераджи был отстранен от предводительства из-за того, что не сумел предотвратить резу, а также по причине преклонного возраста. Его заменил Амри аг Сиди Мохаммед.

В 1887 году, после трагических событий у колодца Инифель, когда шаамба-муади перерезали таитоков, у них осталось лишь сорок человек. В ходе восстания 1915—1918 годов Амри аг Сиди Мохаммед, который вначале не принял в нем участия, присоединился к повстанцам и ушел, увлекаемый своими имрадами кель-и-н-тунин, к Каосене — руководителю восстания. Амри занимался грабежами в Аире, однако он ни разу не поднял оружия против французов. Он был захвачен в плен в Агадесе суданскими отрядами, пришедшими на помощь осажденному там французскому посту. Предводителем таитоков стал Мохаммед аг Мохаммед, который взял себе в жены дочь Мусы аг Амастана.

Малоимущие таитоки, как и большинство имхаров, живут за счет своих имрадов — ирешшумем, кель-ахнет, теджехе-н-эфис, кель-и-н-тунин, юаруарен, икутиссен и икешшемаден. Некогда они еще взимали дань с арабов, кочевавших между Ахнетом и Акабли (с племен сека-ха и мазиль), а также с асуджи и фергумуссен из Ад-рар-Ифораса, теджехе-н-эфис и исокнатен из Аира. Они владели пальмовой рощей в Силете, где работали имрады, однако она была отобрабана у них генералам Лаперрином в наказание за участие в восстании и отдана Мусе аг Амастану.

Дань, выплачиваемая имрадами, распределяется между всеми имхарами. Индивидуального права на нее больше не существует, как это еще имеет место в тоболах у кель-рела и теджехе-меллет.

Таитоки сумели заключить союзы с племенами тарат-меллет, кель-буджбиха, кель-арауан,

таджакант, ариб, кель-таудени с целью получить надежные дороги, которые позволят им осуществлять свои реззу в отдаленных местах и обеспечить себе базы на обратном пути, чтобы быстро переправлять свою добычу в случае преследования. С такой предусмотрительностью разбойничьи акции не готовились никем и никогда.

Вождь племени таитоков носит титул амрара, а не амекокаля. Его назначение происходит по материнской линии, а избрание должно быть одобрено вождями им-радских племен. Однако, начиная с амрара Салаха, титул вождя не раз переходил от отца к сыну. В начале оккупации французы из политических соображений дали титул аменокаля и вождю Сиди аг Кераджи, но после их участия в восстании отняли эту привилегию у тантоков. Власть амрара в племени относительна. Каждый благородный действует по своему усмотрению, и этот дух независимости настолько силен, что в немалой степени способствовал ослаблению племени.

В 1938 году таитоки насчитывали человек тридцать, способных носить оружие; в сражениях у них участвуют даже двенадцатилетние мальчики. Они имели 300—400 верблюдов и 1000 коз.

Таитоки живут в согласии со своими вассалами; последние, гордясь тем, что зовутся таитоками, участвуют во всех делах своих господ. Браки между людьми разных каст здесь не редкость: многие благородные женятся на имрадских женщинах, из-за чего их дети теряют политические права на тобол. Однако все более широкое распространение этого нововведения неизбежно приведет к изменениям и в правах наследования — кончится тем, что матриархат уступит место патриархату. Подобные союзы, весьма редкие в других группировках туарегов, вызваны у таитоков необходимостью, во-первых, сохранять численность племени, постоянно сокращавшуюся из-за военных действий, а во-вторых, способствовать росту привязанности к сюзеренам у имрадов, в частности, у кель-ахнет.

Свою группировку таитоки называют иногда «ар'рерф ахнет» - по названию района, где они, а также их имады, кочуют чаще всего.

После восстания 1915—1918 годов и возвращения Ахаггара к мирной жизни разногласия между таитоками и кель-рела не прекратились, происходили столкновения, часто довольно ожесточенные. Одно из них — в 1930 году, в бордже⁴ Таманрассета — обошлось без кровопролития только благодаря вмешательству находившихся там французов. Имрады и пальмовая роща в Си-лете — вот постоянный повод для выступлений таитоков и причина их распрей с аменокалем. Чувствуя, что здесь французские власти не примут их сторону, таитоки потихоньку перебрались к Нигеру. Окончательно они закрепились в районе Ин-Галл—Тегидда-н-Тёссум, куда раньше приходили лишь изредка, кочуя в направлении Ин-Абангарита, Тамайи и Тазерзаит-Кебира.

Однажды, в 1935 году, несколько палаток таитоков кочевали близ колодца Алауа, в это же время недалеко от них стояли палатки кель-рела и их имрадов агух-эн-техле. Между детьми обеих фракций, среди которых был и тринадцатилетний сын таитокского вождя Мохам-меда аг Мохаммеда, началась ссора. Посыпались взаимные оскорбления, в которых отразилась исконная вражда взрослых. Сын Мохаммеда, получивший удар плетью, сбегал за ружьем отца и стал прицеливаться. Увидев это, один из кель-рела, Икадо аг Сури, метнул в мальчика копье и пронзил его насквозь. Завязалась всеобщая драка. Икядо получил пять ударов такубой, но убил налетевшего на него Бешурена аг Букрейду. Вождь агух-эн-техле Сама аг Мансури получил удар такубой, был ранен и один из имрадов — Акмаклук аг Ажергеду. Чтобы вытащить копье, застрявшее в теле сына вождя, понадобился кузнец, однако несчастный вскоре скончался. За это происшествие власти заставили амрара таитоков Мохаммеда аг Мохаммеда безвыездно находиться в Таманрассете. Оскорбленные этой мерой наказания и посчитав ее несправедливой, таитоки все больше начали сближаться с властями Агадеса. 4 мая 1945 года они добились причисления их к этому округу и с тех пор стали подчиняться администрации Нигера.

Их имрады — юаруарен, кель-ахнет, икутнссен, тед-жехе-н-эфис — остались приписанными к алжирской администрации, поскольку их удерживали там пастбища. А небольшая группа благородных таитоков из клана амри, уже давно жившая обособленно от племени и кочевавшая в районе Абалессы, так и осталась в Ахаг-гаре.

Ирешшумен

---

⁴ Б орд ж, б у р д ж (араб.) — укрепленный военный пост, форт.

Ирешшумен (от Арешшум — названия провинции, находящейся к северу от Кудьи, куда они некогда приходили) называются еще ирадженатен («смешанная кровь»). Это небольшое древнее благородное племя, потерявшее свои права на тобол в результате смешанных браков. Претендовать на привилегии благородных они больше не могут, но свободны от повинностей, распространяющихся на имрадов. Обычно они разбивают стоянки в Ахнете и кочуют со стадами до Аулефа.

Вождем клана был Ибеди аг Басен; он женился на девушке из улед-зенан (арабского племени Аулефа), а его зятя — таитоки Азуэль и Ташу аг Сераду — погибли во время реззу 1905 года. Ирешшумен связаны многочисленными браками с таитоками, а также с кель-ах-нет. Они берут в жены и арабских женщин Туата, чем объясняется другое их название — ирадженатен, или ирегенатен.

Согласно преданию, записанному Дювейрье, иреш-шумен — выходцы из Эс-Сука. Одна часть племени считается потомками Идрисидов, другая происходила от икадейенов. Происхождение от Идрисидов вполне вероятно: многие арабы Аулефа, из чьей среды они часто брали жен, могли похвастать шерифским званием.

В 1938 году их насчитывалось около шестидесяти человек и у них была дюжина палаток.

Кель-ахнет

Кель-ахнет — племя того же происхождения, что и даг-рали, с которым они некогда составляли одну фракцию имессилитен. Разделение произошло при аменокале Сиди аг Мохаммеде эль-Хире, в момент раздела имрадов между благородными племенами. Их отделили таитокам. Кель-ахнет претендуют на берберское происхождение — от Такамат, служанки Ти-н-Хинан. Однако таитоки не знают, откуда они взялись, разве что жили в Ахаггаре задолго до прихода Ти-н-Хинан.

Кель-ахнет первые решили подчиниться французам, и их вождь Баджелуд аг Маклия явился с этим в Айн-Салах в 1902 году. Они сразу же были отобраны у таи-токов и отпущены на волю, но в 1909 году возвращены им.

Кель-ахнет кочуют от Силета до Реггана и Аулефа. Территория их кочевья включает весь Ахнет, Асеград и часть Иммидира. Границами, отделяющими их от исек-кемарен, служат: на северо-востоке — Тиратимин, Тагемут (владение кель-иммидир); на востоке — уэд Арак до Амзира, Мениета (владение кель-иммидир), колодец Ин-Рабир; на юге они кочуют по всей гористой части, включая Ин-Хихау и Нехелет (Шюдо отмечает, что видел там палатки кель-ахнет зимой 1905/06 года), то есть весь район, который примыкает к Танезруфту и ограничен на западе Уалленом, а на севере уэдом Асуф-Меллен.

В засушливые годы они спускаются к Нигеру, в район Ин-Абангарит — Ин-Галл — Тамаяя, устраивают стоянки даже вблизи таитокских в Адрар-Тазерзаите, где ускользают из-под контроля и алжирских и нигерийских властей. В давние времена они эксплуатировали одну себху в уэде Меражен.

В 1905 году у кель-ахнет было 35—40 палаток. По данным переписи 1938 года, их насчитывалось всего 58 человек, из них мужчин — 21. По переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин — 34, женщин — 38, мальчиков — 28 и девочек — 27, то есть 127 человек; икланов: мужчин — 2, женщин — 3; всего — 132 человека.

Довольно воинственные, кель-ахнет сопровождали таитоков в их набегах, и добыча делилась поровну.

Во время восстания 1915—1918 годов кель-ахнет оставались в Ахнете, и в нем принимали участие только отдельные люди, снабжавшие продовольствием (либо добровольно, либо под давлением) повстанцев. Лишь в конце 1917 года под влиянием аджерских элементов они отправились разбойничать в Адрар и Акабли.

Кель-ахнет не слишком набожные, но соблюдают тем не менее малекитские религиозные обряды; часть из них принадлежит к ордену Тиджанийя. Они питают глубокое уважение к марабутам и охотно принимают их на своих стоянках. Это у них укрывался в самом начале французской оккупации смутьян-подстрекатель Абидин из племени кунта из Томбукту, который еще долго боролся против французов в этом последнем из восставших районов.

Теджехе-н-эфис

Теджехе-н-эфис (потомки сестер Эфиса) — племя того же происхождения, что и теджехе-п-элимен.

Раньше они кочевали в Аире, но были вынуждены оставить этот район: они убили султана, заставлявшего их платить слишком большой налог. Их вождь Эфис уговорил их уйти оттуда.

Теджехе-н-эфис составляли с агух-эн-техле одно племя, а при аменокале Сиди аг Мохаммеде эль-Хире (или при его сыне Юнесе, что более вероятно) теджехе-н-элимен якобы пришли просить покровительства у ахагга-ров.

В период столкновений между кель-рела и таитоками теджехе-н-эфис укрылись в приграничной зоне Аира. Впоследствии они в основной своей массе вернулись, хотя с десятков их палаток осталось в Нигере.

В 1905 году у них была дюжина палаток. В 1938 году теджехе-н-эфис насчитывалось 164 человека, в том числе 51 мужчина. По переписи 1949 года, у них было имрадов: мужчин — 34, женщин — 38, мальчиков — 28 и девочек — 27, всего—127 человек; икланов: мужчин — 2, женщин — 3, мальчиков—12 и девочек—1, всего — 18 человек. Итого— 145 человек.

В 1938 году теджехе-н-эфис имели 80 верблюдов и 250 коз. Они — владельцы возделываемых участков в Тигенеуине, Амселе, Абалессе, Тахарте. Они также обрабатывают участки в Таманрассете, которые издавна принадлежали имеккерресен — имрадскому племени Тассилин-Аджера. За это им полагалось платить имеккерресен арендную плату, но те ее никогда не требовали.

Теджехе-н-эфис кочуют в Тахельре (юго-западная часть Кудьи) и перемещаются по линии Амсель—Тиге-неуин — Тамайя. Их кочевья от территории агух-эн-техле отделяет уэд Таманрассет.

Отданные таитокам при разделе имрадов (здесь следует сделать ту же оговорку, что и в отношении агух-эн-техле), они принимали участие во всех делах своих сюзеренов.

Кель-и-н-тунин

Кель-и-н-тунин являются исекемарен. При аменокале Сиди (1755 год) во время раздела имрадов они были отданы таитокам, тогда как кель-ухет и кель-теру-рирт — племени теджехе-меллет. С последними они связаны браками, заключаемыми с недавних пор.

Кель-и-н-тунин обязаны своим названием уэду в массиве Тефедест, близ которого они обычно кочуют.

кель-рела	≡ или ≡	на правой щеке на правой передней части	кель-и-н- тунин	//	на шее
даг-рали		поперек шеи	таитак	≡ или ≡	на правой пе- редней части на щеке
агух-эн-текле	 или Σиφ	на правой передней части на шее, справа	кель-ахнет	⋈	на шее, справа
иклан-эн- тауссит	⋈	на верху правой лямки	теджеке-н- эфис	//	на правой щеке
кель-тазулет	+	на шее, справа	юаруарен	≡≡	на правой щеке
кель-имрер	∧	на правой лямке	икутиссен	// или ⋈	на шее
релацддин	IV	на шее	теджеке- меллет	⌒	на правой щеке
ихеязун-хада	+I	на правой лямке	ирештумен	⋈	
кель-иммидир	±	на правой лямке	кель-ухет	//	на правой лямке
кель-эфедест	—	на правой лямке	икерремойен	┌	
кель-амгид	∧	на правой лямке	инемба	⋈	
аит-лоайен	≡ или ┌	на правой щеке	теджеке-н- аг-али	⌒	
ирвагенатен	или XII или ┌	на шее, справа на правой щеке	теджеке-н- у-сиди	—	
кель-терурит	≡	на шее	ибоглан	┌	
ибеттенатен	±	на правой щеке			

Таблица тавровых меток на верблюдах
у различных племен Ахаггара

В конце прошлого века, воспользовавшись раздорами между таитоками и кель-рела, а также междоусобицей среди самих таитоков, они освободились от их власти и перешли под покровительство урарен. И хотя причислили себя к ним, однако тиуссу им не платили. Таито-ки же, после того как подчинились французам, потребовали их себе обратно, и генерал Лаперрин удовлетворил их просьбу,

Кель-и-н-тунин приняли активное участие в восстании 1915 года, они первые вышли из повиновения, так как находились под непосредственным влиянием аджеров. Укрывшись сначала в Нигере, они выступили против французов, устроив резню против племен, находившихся под французским влиянием. Позднее они приняли участие в сражении у Аин-эль-Хаджаджа (близ Форт-Флаттерса). Возвращаясь в Нигер, они сумели увести за собой, несмотря на противодействие со стороны Мусы аг Амастана, часть таитоков, среди них и вождя Амри.

В 1938 году кель-и-н-тунин насчитывали двадцать палаток. Свои стоянки они разбивают на севере массива Тэфедест и кочуют до Адрар-Ифетессена по отрогам хребта Иммидир.

За ними закрепилась репутация хороших скотоводов (у них около сотни верблюдов и 300 коз) и хороших проводников караванов, курсирующих между базарами Айн-Салаха, Гата и Гадамеса. Кель-и-н-тунин возделывают несколько участков в Иделесе и в земледельческих центрах в Тассили.

Юаруарен

Юаруарен представляют собой небольшое племя, насчитывающее палаток пятнадцать и кочующее с кель-ахнет в Адраре. По одним данным, они — выходцы из Аира, по другим — из Аджера.

По словам Сиди аг Гераджи, одна аджерская (или ифорасская) женщина, захваченная в

плен людьми из Аира, была выкуплена его дядей по материнской линии Амастаном аг Урзигом и выдана замуж за кель-ахнета. От этого союза якобы и произошли юаруарен.

Их стоянки часто располагаются рядом со стоянками племени даг-рали. Между этими двумя фракциями нередко заключаются брачные союзы.

В 1902 году юаруарен добровольно подчинились французам. Во время восстания 1915—1918 годов они повели себя так же, как и таитоки, а поскольку в то время они являлись владельцами небольшой пальмовой рощи в Тибегине, близ Силета, то она была у них отобрадена и отдана Мусе аг Амастану.

По переписи 1949 года, у юаруарен было имрадов: мужчин — 9, женщин — 12, мальчиков — 16 и девочек — 10 в возрасте моложе двадцати лет; икланов: мужчин — 3 и женщин — 4. В итоге их численность составляла 54 человека.

Юаруарен владеют приблизительно 50 верблюдами и сотней коз.

Тиусса, выплачиваемая ими амрару таитоков, состоит из мешка фиников или сорго, десяти килограммов масла и в случае удачного резуу — из половины захваченной добычи.

Икешшемаден

Икешшемаден живут вместе с даг-рали, поэтому их часто причисляют к последним, хотя они принадлежат к тоболу таитоков. Их название переводится как «очень страшные» — от слова «акешшемдт», которое на тамашек означает «некрасивый, плохо одетый человек».

Это совсем маленькое племя: оно насчитывает не более пятнадцати человек.

В 1907 году икешшемаден попросили Мусу аг Амастана взять их под свое покровительство. Они владели частью оазиса Силет, которая в 1916 году была у них отобрадена, однако, имея тесные связи с даг-рали, они постоянно получают доход от своих пальм.

Икутисен

Икутисен называются так по имени одной из прародительниц — Такоттис. Они кочуют возле Тассили.

По переписи 1949 года, среди них насчитывалось имрадов: мужчин — 13, женщин — 24, мальчиков — 26 и девочек — 21, всего — 84; икланов: мужчин — 1, женщин — 7, мальчиков — 5 и девочек — 6, всего — 13 человек. Общая численность племени — 103 человека.

По сведениям Бенхазеры, люди этого племени никогда не участвуют в резуу. Автор не говорит о причинах этого; возможно, они религиозного порядка.

Икадейен

Икадейен (по прозвищу «шет-эор», то есть «сыновья луны») обязаны своим названием прародителю Кади.

Это маленькое племя, насчитывающее около пятнадцати палаток, располагается стоянками в районе Тит — Тигенеуин.

Уроженцы Эс-Сука (Адрар-Ифорас), они смешались с людьми ахль-аззи из Айн-Салаха.

Тобол теджехе-меллет

Теджехе-меллет

«Теджехе-меллет» в переводе означает «белое потомство сестер», их еще называют улед-мессауд. Они образуют третий тобол Ахаггара, наименее значительный.

Согласно одному устному преданию, они являются потомками Ти-н-Хинан от ее дочери Тахенкот и, по-видимому, принадлежат также благодаря брачным союзам к племени теджехе-н-усиди. Согласно другому, они происходят от шаамба из племени улед-мессауд, но это можно предположить лишь при условии, что среди них проживало несколько шаамба. Впрочем, по записям шейха Брахима ульд Сиди, приводимым Дювейрье, «у восьми из них — уг'гугов — в жилах течет кровь шорфа». Но в то же время известно, что они брали в жены женщин из племени кель-и-н-тунин, тогда как женщины теджехе-меллет брали себе в мужья исеккемарен. Таким образом, кровь у этого племени так сильно перемешана, что, как говорят туареги, «уже

невозможно отличить, где шерсть козы, а где верблюда».

Теджехе-меллет добились своего становления как тобол в одно время с таитоками (при аменокале Сиди аг Мохаммеде эль-Хире), когда им были отданы некоторые вассальные племена. Похоже, что с той поры они не играли большой роли в историк Ахаггара, а сейчас и вообще находятся на грани исчезновения.

Согласно данным Дювейрье, они славились тем, что могли улаживать часто натянутые отношения между ахаггарами и кель-аджер. Такую роль им совершенно естественно отвелось географическое положение: территория теджехе-меллет находится между территориями этих двух соперничающих групп.

Когда-то племя теджехе-меллет было свободным то-болом, и только при французской оккупации оно попало под опеку Мусы аг Амастана. Сер'ир аг Бедда всегда противился этому, добиваясь независимости. Поэто-му многие из теджехе-меллет предпочли примкнуть к восстанию вслед за имрадами племени кель-и-н-тунин, чем терпеть главенство Мусы аг Амастана и кель-рела. Та же причина привела к таким же действиям и таито-ков. Теджехе-меллет, подстрекаемые бывшим аменока-лем Аттиси аг Амеллалем, укрывшимся у них, долго поддерживали повстанцев.

Сейчас это — маленькое племя, где насчитывается всего 8 мужчин, 11 женщин, 9 мальчиков и 5 девочек моложе двадцати лет и 3 иклана. Они традиционно кочуют в районах Амгкда, Унана, Эгере и Тирамара. В период засухи они отправляются на север Адрар-Ифора-са. Своей силой теджехе-меллет всегда были обязаны своим вассалам, самым неукротимым из всех. Многие из них, если не все, участвовали в расправе над миссией Флаттерса. Аттиси и его брат Анаба аг Амеллаль, главные герои этой драмы, по отцу принадлежали к племени теджехе-меллет.

Вассалы племени теджехе-меллет не имрады, а исеккемарен, это племена кель-терурирт, кель-ухет; кель-торха составляют исключение: они — имрадская под-фракция аит-лоайен.

Кель-терурирт

Кель-терурирт являются исеккемарен и кочуют на северо-востоке Ахаггара, в районе Тирамара, Тахи-хауата, Унана, Эгере и Гарет-эд-Дженуна.

В 1949 году их насчитывалось всего 62 человека — 20 мужчин, 21 женщина, 10 мальчиков и 11 девочек.

Во время событий 1915 года они выступали вместе с племенами кель-и-н-тунин и кель-ухет.

Кель-ухет

Так же как и кель-терурирт, кель-ухет являются исеккемарен. Они делятся на несколько малых фракций: кель-рарис, даг-камайя и даг-икнан.

В 1938 году у них насчитывалось до сорока палаток (51 человек, из них 23 — мужчины). По переписи 1949 года, было 17 мужчин, 22 женщины, 15 мальчиков и 16 девочек, всего — 70 исеккемарен; икланов — 6 мужчин, 7 женщин и 4 мальчика. Итого — 87 человек.

Они разбивают стоянки в Северном Тефедесте и кочуют до Амгида и Игаргарской долины. Часть их проживает в Аджере и поэтому оказалась не учтенной при переписи, проводившейся в Ахаггаре.

Кель-ухет имеют много верблюдов и ходят с караванами на базары Тидикельта и Гата. Они владеют небольшим участком в Уэте (Тефедест), но годами не возделывают его.

Кель-торха

Кель-торха, или даг-илуаль, — из аит-лоайен и представляют собой небольшую фракцию, находящуюся на грани исчезновения. Хотя живут они с аит-лоайен, принадлежащими к тоболу кель-рела, тиуссу платят племени теджехе-меллет; она составляет один мезуед фиников в год.

* * *

В этих тоболах Ахаггара нет марабутских племен. Ифорас, кочующие в районе Темазинина (Форт-Флаттере), полностью независимы от них. Поддерживая с ахаггарами и кель-аджер дружеские отношения, которым ифорас не придают никакой политической или религиозной окраски, они никогда не посылают к ахагга-рам марабутов. Ифорасский вождь пользуется[^] большим уважением. Он обосновался в небольшой завийе в Тема-зинине, возле которой

захоронены все его предки. Все туареги, будь то ахаггары или аджеры, проходящие мимо этого места, непременно делают там остановку, наносят визит шейху, идут молиться на могиле Си Османа, известного марабутского святого. Эта завийя принадлежит братству Тиджанийя.

Многие марабуты живут на стоянках, но все они — арабского происхождения, среди них нет ни одного ифорас.

Сахарские ифорас административно подчиняются ад-жерскому округу и политически в большей степени являются частью кель-аджер, нежели ахаггаров. Они делятся на три фракции:

— ифорас-уи-н-уккирен (букв. «ифорас с финиками, высушенными незрелыми»), называемые также ифорас-уи-н-даг-элементи;

— ифорас-уи-н-эгдад (букв. «ифорас с птицами»);

— ифорас-уи-н-тобол (букв. «ифорас с тоболом», с барабаном).

Две первые фракции, у которых имеется шерифская наследственность, обычно принимали сторону ураден, тогда как третья отличалась приверженностью иманан-ским султанам.

Дювейрьё поведал нам, что у всех ифорас-уи-н-эттебель были барабаны и они продолжали оставаться придворными музыкантами султанов даже после падения последних; их роль, по словам Дювейрьё, ограничивалась тем, что они просто производили шум. Эти ифорас никогда не были музыкантами в полном смысле этого слова, в заблуждение нас вводит их название, поскольку оно означает «те, кто приставлен к тоболу аменокаля» (точно так же может ввести в заблуждение название племени иклан-эн-тауссит, что означает «слуги племени», тогда как его более широкое определение — «слуги тобола, хранители тобола»).

В 1949 году эти фракции насчитывали примерно 150 человек.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Условия жизни туарегов Ахаггара

Материальная база туарегов Ахаггара основывается на кочевом скотоводстве. Но кроме того, туареги занимаются еще охотой и собирательством.

Туареги обосновались в долинах и на склонах центрального сахарского массива и поэтому как никто страдают от засух; им приходится уходить из выжженных солнцем равнин в места с более благоприятными условиями. С течением времени их ресурсы уменьшаются, и жизнь становится все более трудной. Здесь нередко грабят соседей, как оседлых, так и кочевников, но находящихся в лучших условиях; в основном это происходит по необходимости, для возмещения скудости пастбищ. Впрочем, это неизбежное зло существует во всех скотоводческих зонах. Библия, как говорит Т. Моно, полна свидетельств подобного рода; то же самое можно наблюдать у кочевников Туркестана и Аравии. Правда, следует признать, что туареги довели это занятие до невероятных размеров и сделали его чуть ли не постоянным.

Само построение конфедерации, ее структурный принцип, где имрадские племена расположены вокруг ядра из сюзеренов, тем самым защищая их от ударов извне, уже дают представление о том, что туареги на протяжении веков находились в состоянии войны и реззу.

Бывали, конечно, периоды спокойствия, когда обильные дожди обеспечивали на пастбищах богатый корм, а следовательно, большое количество молока. В такие времена в Судан (теперь Нигер) направлялись многочисленные караваны, чему способствовало наличие большого количества верблюдов у ахаггаров. Они везли туда соль, которой богат их край (единственный их продукт обмена), а возвращались с вьюками проса, выменянного на соль у негров юга. Ездили они и на базары в Тидикельт и Туат, где запасались финиками; кроме того, они взимали плату с караванов, проходивших через их территорию, — плату за предоставляемую им защиту (что отнюдь не мешало им самим совершать нападения на тот же караван, как только он покидал их территорию).

Материальная база у ахаггаров основывалась на следующем: кочевое пастушеское хозяйство плюс охота сбор семян, плюс небольшой доход с караванов, плюс почти постоянный разбой.

Эти шаткие основы существования изменились теперь в сторону мирного пастушеского хозяйства, более рационального использования поголовья верблюдов и соляных копей Амадрора. Однако туареги сильно привязаны к традиционному образу жизни, поэтому хотя многие из них и рады воцарившемуся миру, но есть и такие, кто сожалеет о временах реззу и

охотно вернул бы их при первой же возможности.

Следует еще раз подчеркнуть, что склонность к разбою, которая еще совсем недавно была так характерна для них, обуславливалась чрезвычайной скудностью их края, неимением средств к существованию; кроме того, их положение все больше ухудшалось из-за периодических засух. К тому же разбой, предосудительный в наших глазах, отнюдь не являлся таковым с их точки зрения. Утверждают даже, что слово «имхар», как называют себя благородные туареги, произошло от корня «ахаг», что означает «грабить», а в более широком смысле — «свободный благородный человек».

Жилище

Стоянка

Примитивное скотоводство предполагает кочевой образ жизни. С того момента, как человек им занялся, он стал перемещаться со своими стадами в поисках корма. Поскольку туареги пребывают в постоянной борьбе с засухой, это означает еще и поиски воды.

Но главное все-таки поиски пастбища, ибо, хотя вода так же жизненно необходима для животных и людей, как и пища, за ней все же можно отправиться к колодцу, запастись ею и привезти на место выпаса.

От того, обильно или скудно пастбище, зависят размеры стоянки — *амазара*. В Ахаггаре пастбища так разбросанны, что племена не могут собраться все в одном месте, как это делают бедуины Аравии. Поэтому туареги вынуждены разбредаться небольшими семейными группами, редко насчитывающими пять-шесть палаток. Исключение составляет только стоянка аменокаля: рядом с вождем всегда живут благородные, его халифы, его икланы. Такое группирование несколько искусственно, большие стада там отсутствуют, они находятся на попечении либо имрадов, либо икланов. На стоянке аменокаля остаются только животные, необходимые для ежедневного обеспечения живущих здесь молоком, мясом, а также для доставки воды.

Итак, туареги обычно располагают свои стоянки в местах, где пастбище богато кормом для скота и где близко есть водоем; он может находиться на расстоянии, самое малое, нескольких сотен метров, самое большое — до 5 километров. Впрочем, туареги и не любят (если только не находятся в труднодоступной горной местности) останавливаться слишком близко у колодцев, особенно если те находятся на пути следования караванов, ибо предпочитают как можно меньше общаться с чужаками, так как им нечем кормить всех путников. Люди этих мест хорошо знают, что, хотя их всег да радушно принимают на стоянке, они не должны злоупотреблять этим и находиться там более суток.

В зависимости от времени года животных каждые два-три дня водят на водопой, по дороге они пасутся. Снабжение водой осуществляется с помощью ослов, реже — верблюдов.

Палатки ставятся туарегами обычно на террасах долин, иногда в самих долинах, если только нет низких облаков, предвещающих дождь, а значит, и нет опасности селевого потока в узде.

Время пребывания на одном месте зависит от обилия корма на пастбище. Оно может длиться от десяти дней до месяца, в редких случаях — дольше. Переходы с пастбища на пастбище также зависят от корма и составляют не более 1—3 километров, за исключением тех случаев, когда в результате очень сильной засухи приходится перебираться в более благополучный район. Поскольку климатические условия Ахаггара сильно меняются в зависимости от времени года и высоты, племена, которые кочуют в Кудье, летом предпочитают искать выгоны в горных долинах, а зимой — в низинах, в местах, укрытых от ветра.

В случае продолжительной засухи водоемы, источники, расположенные высоко в горах, обычно пересыхают первыми: тогда люди вынуждены спускаться на равнину, какое бы ни было время года. Но как только наверху начинаются дожди, мехаристы выезжают на разведку: ищут пастбище, определяют его состояние, и туареги переносят туда стоянку, лишь это оказывается возможным.

Иногда в очень благоприятный год, когда после обильных дождей равнины Нижнего Ахаггара ярко зеленеют, там можно увидеть большие скопления палаток. Однако это бывает так редко, что лично я смог наблюдать такое всего один раз за десять лет. А в засушливые годы, когда растительность Кудьи сгорает, туареги даже в зимние месяцы со своими палатками массами устремляются в долины Нижнего Ахаггара, например в Амдед, чтобы использовать пастбища с

гиргиром, растущим в холодное время года. Если засуха длится несколько лет и вся растительность исчезает, принимается решение идти в Сахель; однако, как только над Ахаггаром пройдут дожди, все спешат вернуться в места своего традиционного кочевья.

Поскольку зона кочевья каждого племени строго определена, стоянки устраиваются всегда в одном и том же районе; а поскольку перемещения осуществляются, как правило, в зависимости от состояния пастбищ, то совершенно очевидно, что из года в год (если только не случается катастрофической засухи, вынуждающей принимать экстренные решения) становища довольно-таки регулярно возвращаются в места, которые они занимали в то же самое время в предыдущем году.

Палатка

Палатка — основной вид жилища всех кочевых народов северных степей и пустынь, от степей Западной Азии до Атлантики, где кочевники используют верблюжьи или козьи шкуры.

Туареги, у которых нет длинношерстных верблюдов, используют для палаток кожу в отличие от арабов.

Палатка (*эхан*) представляет собой большой тент (*аокума*), сшитый из 30—40 квадратных кусков кожи; иногда их бывает больше, до 80 кусков, если это палатка вождя или она предназначена для торжеств. Более других ценится шкура муфлона, отличающаяся мягкостью и прочностью. Но поскольку трудно иметь не обходимое количество таких шкур, используются также козьи и телячьи кожи, особенно для боковых стенок. У туарегов-иуллеммеденов, в районе проживания которых муфлоны не водятся, чаще всего используются бычьи кожи. Такую кожу сначала пропитывают маслом, чтобы она стала непромокаемой, а затем подвергают обработке красной охрой, защищающей ее от воздействия солнечных лучей и дождя.

Тент держится на каркасе. Кель-ахаггар имеют два вида палаточных каркасов: один — с центральным столбом и вертикальными опорами, другой — с дугами. Первый вид распространен больше. Этот каркас состоит из центрального шеста, на котором держится деревянная кровля, и шести дополнительных подпорок, расставленных по овалу. Края кожаного тента спускаются до самой земли и закрепляются кольшками или большими камнями. Три больших опорных кола (*изем* и *имадарены*) обозначают входную дверь. Все вместе подпорки и колья называются *акатар*. Вход в палатку не занавешен и всегда обращен к югу.

Кровля с центральным шестом чаще всего ставится летом, когда опасаются дождей: вода по наклонному тенту быстро стекает. В другое время года, особенно зимой, центральный шест заменяют на две опоры с перекладиной, в результате тент оказывается ниже, объем воздуха в палатке уменьшается, и в ней становится теплее.

Высота тента — примерно 1,5—1,6 метра: стоять во весь рост в такой палатке невозможно, хотя она довольно просторна.

Шесты и опоры каркаса делаются из тамариска, в верхней части они грубо обтесаны, украшены выжиганием и разрисованы.

Таковыми палатками пользуются кель-рела, даг-рали и большинство кель-ахаггар.

Другой вид палатки используют агух-эн-техле, да, пожалуй, еще кель-ахнет и кель-инрер. В такой палатке центральный шест, описанный выше, заменен одной или двумя дугами (*агегу*), сделанными из корня *этеля* и соединенными перекладиной; они образуют центральный каркас, а четыре вертикальные подпорки ставятся по две с каждой стороны. Похоже, что этот вид палатки, некогда широко распространенный в Ахаггаре, более древнего происхождения, чем тот, что используется сейчас, и, по-видимому, заимствован у иуллеммеденов. Старики говорят, что в юности видели такие палатки почти на каждой стоянке рядом с палатками на вертикальных опорах.

Палатка, верхняя часть которой образует подобие свода, более удобна для защиты от дождя. Понятным становится их исчезновение, если принять во внимание все возрастающую засушливость Сахары. Второй причиной их исчезновения может быть и тот факт, что трудно добывать большие корни для изготовления дуг, а третьей, которую называют туареги, — что эти большие дуги очень неудобны при транспортировке.

В обоих типах палатки присутствует съемная ограда (*асабер*), сделанная из одной-двух длинных циновок, сплетенных из стеблей злаковых; днем она наматывается на одну из внутренних подпорок, а вечером ставится вплотную к входу, заменяя дверь.

Высоко в горах, а также зимой туареги уменьшают палатку, чтобы в ней было теплее.

Кроме того, они возводят со стороны, противоположной входу палатки, небольшую стенку из камня, которая надежно защищает их от ветра и холода.

В одной палатке живет только одна семья. Мужчины занимают восточную половину, женщины — западную. Мужчина в своем углу держит верблюжье седло, оружие, седельные сумки; женщина вешает у себя на подпорках мешок с одеждой и личными вещами, седло, если оно у нее есть, мешки с запасами продовольствия и с кухонной утварью.

Летом, когда становится особенно жарко, туареги иногда строят хижины из соломы — и в целях экономии кожи, и для большего удобства: ведь днем из-за жары пребывание в кожаной палатке делается невыносимым, ее обитатели ищут укрытия под ближайшими деревьями, если они есть, или прячутся в тени скал.

А зимой для защиты от холода семья аменокаля, на пример, использует ограду из соломы. Такое прикрытие окружает палатку со всех сторон, не прилегая лишь к ее передней стенке, чтобы осталось широкое пространство для приема гостей. Чтобы в ограду не проникал ветер, она снабжена дверью на кожаных петлях.

Пленники никогда палаток не имеют. Они сооружают себе небольшие укрытия из веток и натягивают на них лоскуты кожи или ткани.

Установка палаток лежит целиком на женщинах.

Постель

Постелью туарегам служат одна-две бараньи шкуры, сшитые вместе, реже — ковер (у зажиточных туаре гов), только аменокаль спит на кровати типа хауса, бы тующей у некоторых кель-эуи из Аира. Что касается женщин, то они берут в ближайшем уэде тонкий песок и насыпают его в палатке — это их спальное место.

Мужчина и женщина спят каждый на своей половине, при этом мальчики — с отцом, девочки — с матерью.

Южным туарегам из-за наличия множества колючек, рептилий и разных насекомых приходится спать на кроватях.

Использование колыбелей для малышей — редкое явление у ахаггаров. Бенхазера тем не менее отмечал, что видел детей, спавших в чем-то похожем на гамак (под названием *таулюла*), сделанный из старого покрывала и подвешенный к ветвям дерева или к подпоркам палатки. Я тоже видел у них такой «гамак», который мог служить люлькой. Однако чаще всего детей просто кладут на кусок кожи или одеяло, подложив им под голову тряпье. Иногда над ними устраивают навес — полукруглый каркас из ивовых прутьев, покрытый тканью, чтобы защитить ребенка от солнца, песчаного ветра и мошары.

У кель-аир, тенгерегифов, кель-динник есть колыбели; их подвешивают к верху палатки.

Огонь

Перед каждой палаткой сооружен очаг; его обычно складывают из трех камней. Он предназначается не для приготовления пищи, а служит для обогрева по вечерам, когда садится солнце и люди собираются под прикрытием *асабера*, ставящегося полукругом перед палаткой. Иногда на этих трех камнях готовится чай.

Кухонный очаг устраивается в стороне, обычно в 3—4 метрах от палатки, возле небольшой стенки из камней, защищающей его от ветра и не дающей искрам лететь на палатку.

От туарегов мне не удалось услышать никакого доисламского мифа о происхождении огня. Они рассказывают, что огонь был создан богом и дан им, чтобы они готовили себе на нем пищу. Иблис (сатана) вздумал завладеть секретом его добывания, и бог наказал его, создав муки ада; однако Иблис передал этот секрет кузнецам, и они с тех пор пользуются им для обработки металлов.

Когда-то туареги добывали огонь с помощью трения, используя для этого дощечку из дерева торха (*Callotropis procera*) и заостренную палочку из твердого дерева, обычно акации. Зажав ее между ладонями и вращая быстрыми движениями рук, они терли палочку о дощечку, пока не получалась тлеющая пыль, стряхивали эту пыль на шелковые очесы из плода *Callotropis* и слегка дули, пока они не воспламенялись; на все это уходило менее минуты. Можно было для трения использовать также джерид пальмового дерева. Туареги при случае умеют пользоваться этим способом.

Более распространенный способ — кремень и огниво из стали. Искру высекают на трут из *Callotropis* или на тряпочку, обычно пропитанную квасиами. Каждым мужчина-туарег носит этот

набор в маленьком мешочке у себя на груди.

Теперь они покупают у торговцев спички. Огонь туареги поддерживают постоянно. Когда бывает надо, они приносят угли в обломке старой калеба сы или в черепке от горшка из другой палатки. Иногда они кладут раскаленные угли прямо на ладонь и так несут их, не обжигаясь. Для переноса огня на большие расстояния туареги берут нечто вроде трута из верблюжьего помета, который очень долго тлеет.

В качестве топлива туареги используют стволы или пни сухих деревьев, главным образом акации и *этеля*, корни и стебли некоторых растений (*арамас*, *бендер*, особенно *таза*), но никогда не берут *Callotropis*, называя его дьявольским деревом — из-за издаваемых им глухих звуков во время горения. Если дров нет, они жгут верблюжий или козий помет.

Внутри палатки огонь никогда не разводят, разве только если уж очень холодно. Чтобы согреться, женщины собирают угли в кучку и приседают над ней так, чтобы юбки образовали колокол и не давали уходить теплу.

Для очага туареги никогда не берут камни из базальта, в которых, по их словам, сидят злые духи, ибо они имеют свойство внезапно взрываться под воздействием жара.

Домашняя утварь

Кроме принадлежащих супругам личных предметов, которые каждый держит на своей половине, у туарегов есть еще разная домашняя утварь.

С левой стороны палатки, на двух деревянных кольях, воткнутых в землю латинской буквой *v*, обычно висит бурдюк с водой. Он покрыт куском старой ткани, защищающим его от солнца. Бурдюк этот часто пуст, так как туареги совсем непредусмотрительны. Они пьют воду, если она есть, а если нет, то не двинутся с места до самого полудня, пока икланы не принесут воду из колодца. Здесь часто можно наблюдать картину, когда туареги осаждают просьбами проходящего мимо путника дать им воды, в то время как он сам рассчитывал напиться на их стоянке.

Перед входом у каждой палатки стоит огромная деревянная ступка с пестиком; в ней служанки толкут просо и финики. В палатке или возле кухни-навеса — два-три плоских деревянных блюда овальной формы, предназначенные для пищи, два-три конических сосуда с ушками для питья (они висят на одной из внешних опор палатки); деревянный подойник, сито, плетенное из соломы, для просеивания просяной муки, которое служит также крышкой для блюда; одна-две небольшие циновки из соломы того же назначения и несколько деревянных ложек. На одной из опор палатки, на женской половине, на веревке висит рог муфлона, превращенный в сосуд; в нем держат масло, сбитое за день. Весь же запас масла хранят в кожаных флягах или в специальной емкости из верблюжьей кожи.

В углу палатки — плоский камень и большой овальный валун — жернова, служащие для измельчения зерна и специй, один-два горшка из глины, эмалированные чайники, стаканы для чая. Такова в основном утварь туарегов. Иногда у них можно также увидеть плоский камень, на котором пекут пшеничные лепешки. Следует упомянуть еще о деревянной лопатке (*селлеф*), она имеется у каждой хозяйки и служит для чистки земляного пола.

Когда стоянка снимается с места, все эти предметы грузятся на ослов; на них в таких случаях надевают небольшие вьючные седла (*ароку*). Складывать поклажу, грузить ее и перевозить на ослах — обязанность женщин. Сами они во время переезда садятся на вьюки сверху, только благородные женщины едут на верблюдах. Эти животные используются лишь при долгих переходах.

Склады

Туареги, вынужденные запасаться впрок просом в Нигере, финиками в Тидикельте, не могут перевозить с собой все это при каждом перемещении. И не только потому, что это очень трудно, но раньше было еще и опасно иметь при себе все съестные припасы, ибо их могли отнять во время реэзу, что обрекло бы на голод всю семью. Поэтому каждый имел на стоянке запас продовольствия лишь на несколько недель. Остальное же прятали в расселинах гор, в труднодоступных местах, известных только людям данного племени. Эти тайные хранилища находятся под защитой бога; закон, который здесь никогда не преступается, запрещает людям другой стоянки или племени, если им случится обнаружить припасы, прикасаться к ним.

Интересно отметить в этой связи, что если у туарегов считается нормальным и даже почетным грабить открыто, то человек, укравший потихоньку, достоин презрения, он рискует быть изгнанным своими же, во всяком случае, ему грозит тяжелое наказание.

Кроме таких хранилищ-тайников некоторые племена, владеющие участками в земледельческих центрах, часто держат продовольственные запасы и там; это уже запасы для целого клана. Так, даг-рали имеют свои склады в Кудье, Иламане, Терхенанете, в Абалессе и т. д. и поручают их охрану членам своего племени. Эти центры имеют и собственные тайные склады — тоже в целях защиты от реззу. Я видел такого рода тайники в Тите, Блумете, есть они также в Тазеруке и Иделесе. Это погребка, вырытые среди скал, скрытые от посторонних глаз; таким способом запасы защищены от людей и от грызунов.

Склады в скалах — частое явление у берберов. Можно встретить их и в Марокко, и в Оресе у шауйя. Этот обычай характерен для народов всех средиземноморских стран, и в частности для Сирии и Палестины, где он известен с библейских времен.

А настоящие склады в количестве трех или четырех были только у аменокаля Ахамука. Они построены из камня, скрепленного глиной (по суданскому способу), и стоят на вершине скалистого гребня, на правом берегу уэда Абалесса, вблизи того места, где чаще всего располагалась его стоянка. Там собиралось запасов провизии в виде проса и пшеницы иногда на целый год.

Пища

Можно утверждать, что туареги, так же как и многие скотоводческие народы, живут за счет молока и молочных продуктов. Действительно, они занимают большое место в их рационе, но совершенно ясно, что этого недостаточно. Может быть, когда-то давно так оно и было, как, например, у татар Туркестана, питавшихся исключительно молоком кобылиц, однако питательные его свойства гораздо выше, чем у молока верблюдиц. Что же касается туарегов, то они никогда не получали молока в достатке (за очень редким исключением), что вынуждало их находить какое-то существенное дополнение. Тем не менее я наблюдал немало случаев, когда туареги питались почти исключительно молоком, например пастухи, охранявшие стада верблюдов на севере Ифораса, почти полностью отрезанные от своих племен. Они довольствовались верблюжьим молоком, добавляя в него лишь немного собранных семян дикорастущих злаков.

Туареги употребляют в пищу в основном сорго *Sorghum cernuum*, то есть его разновидность, выращиваемую в земледельческих центрах и в Сахеле. Оно так прочно вошло в их жизнь, что даже в сахельских племенах, где обилие коровьего молока, казалось бы, позволяет туарегам питаться исключительно молочной пищей, просо — такой же основной продукт питания, как и в сахарских племенах. И так повелось издавна, это отмечали многие арабские путешественники, среди них эль-Бекри и Ибн Баттута.

Кель-ахаггар потребляют и пшеницу, однако предпочитают просо, которое, по их словам, «меньше горячит». Лишь (и в основном) во время переходов и на караванном пути они едят испеченные на углях пшеничные лепешки (тагелла) простого и быстрого приготовления, особенно в периоды, когда масло становится роскошью. Кускус — лакомое блюдо, приготовляемое по торжественным случаям. В течение последних лет благодаря общению с арабами оно стало употребляться чаще, и туарегские женщины, раньше и не слыхавшие о нем, успешно его готовят.

Любопытно, что туареги, принадлежащие по своей культуре к средиземноморской цивилизации, которую называют еще «пшеничной цивилизацией», не сохранили пшеницу в качестве основного питания, подобно другим народностям Северной Африки. А ведь вкусовые привычки как раз больше всего привязывают человека к родным местам, и он обычно сохраняет их и при миграциях. Туареги же, сами не будучи земледельцами, этой привязанности не испытали.

Пшеница культивируется в Мали — вплоть до района Томбукту, в Аире и чуть севернее Нигерии. Там этим сравнительно недавним новшеством обязаны арабам, не отказавшимся от своей традиционной пищи.

Просо — пища благоприобретенная, связанная с массовым переселением туарегов на юг, где новые условия существования оказали на них большее влияние, чем прежние в Северной Африке.

Важную роль в питании кель-ахаггар играют также финики. Ежегодно каждый глава семьи снаряжает небольшой караван в Туат или Тидикельт, чтобы привезти оттуда два-три выюка

сушеных фиников (невысокого качества), которые туареги толкут в ступе и едят с верблюжьим молоком.

Можно подсчитать примерную потребность туарегов в пище, если знать, сколько продукта производится на возделываемых землях Ахаггара и сколько его ввозится. В благоприятный год местная продукция составляет всего четверть необходимого количества и может быть оценена в 150 тонн. Сюда следует добавить зерно, которое, однако, нельзя безоговорочно принимать во внимание при расчете потребления, так как зерно вплоть до 1940 года почти полностью вывозилось в Тидикельт, а теперь потребляется в основном оседлым населением Таманрассета. Из этого следует, что потребность в ввозе составляет до 4000 вьюков проса в год; если учесть, что каждый вьюк весит 150 килограммов, то это будет 600 тонн, которые закупаются или обмениваются, как правило, в Дамергу или в районе Тахуа. Ежегодная потребность в финиках составляет 400 вьюков. Эти цифры относятся к 1940 году, когда движение караванов в Нигер активно поощрялось.

Из всего сказанного выше следует, что потребление продуктов на душу населения в год составляет примерно один вьюк проса и одна десятая часть вьюка фиников, что приблизительно соответствует 187 килограммам проса и 16 килограммам фиников (аналогичный подсчет для сахарских арабов дал 180 килограммов зерна и 75 килограммов фиников). Однако не следует заблуждаться на сей счет: полученные данные приходятся на годы если не изобилия, то по крайней мере относительного благополучия. На самом деле средняя норма бывает значительно ниже, так как ахаггары не всегда располагают продуктом для обмена. В иные годы эти цифры уменьшаются на добрую треть, а иногда и наполовину.

В общем и целом туареги недоедают. Каждый житель скуп и бережливо расходует то, что имеет. Особой щедростью туареги не отличаются, однако тому, у кого вообще ничего нет, помогают. Существует своего рода дух общины, и на каждой стоянке практикуется аecho вроде общего котла.

По мере возможности туареги пополняют свой рацион тем, что им удастся собрать. После дождей служанки и имрадские женщины собирают семена некоторых растений, произрастающих в долинах Ахаггара. Это семена *афакко* (*Panicum turgidum F.*), *уллула* (*Aristida pungens D.*), *тауума* (*Aizoon canariense*). В дождливые годы на песчаных почвах растет сахарский трюфель (по-арабски «терфес»), но это не выше Акаракара, то есть 1700 метров над уровнем моря. Все это очень ненадежные источники питания. Совсем иначе обстоит дело в Сахеле, где каждый год икланы заготавливают семена дикорастущих злаков целыми мешками, в частности зерна *крам-крама* (*Cenchrus achinatus*).

Собирают в Ахаггаре и дикие ягоды, такие, как *зизифу* (*ююба*) (*Zizyphus lotus*), *теборак* (*Balanites aegyptiaca*) и другие, которые туареги собирают в голодные годы, однако питательной ценности они не имеют.

Голод часто дает о себе знать, но, с тех пор как караваны стали ходить беспрепятственно, а администрация начала оказывать помощь, он свирепствует здесь меньше. Раньше же, когда племена подолгу находились в состоянии войны, голод был частым явлением. Тогда туареги накидывались на такие виды дикорастущих, которые в обычное время считались несъедобными: семена горькой тыквы, стручки *Acacia tortillis*, молодые побеги тахле (*Turpha elephantina*), листья танекфита (*Eruca aurea*), арамака (*Atriplex ps.*), корни различных видов заразихи (*Orobanch sp.*, *Cistanche sp.*) (кель-ахаггар различают целых шесть их разновидностей) и еще на многое другое с весьма сомнительными питательными свойствами. Короче, ели все, лишь бы заглушить чувство голода.

Иногда голод становился столь непереносимым, что туареги собирали старые кости, дробили их, растирали в муку и готовили из нее похлебку. Пышным цветом расцветал в такое время разбой: туареги грабили друг друга, чтобы выжить. Теперь такие времена прошли.

Молоко туареги получают от верблюдиц, коз и овец. Употребляют его натуральным, разбавленным водой или кислым.

Пить натуральное молоко здесь считается роскошью, это позволительно лишь молодым матерям, детям к больным. Взрослые туареги пьют молоко обычно утром и вечером, после дойки, во время полуденной трапезы они пьют сыворотку, которая остается после того, как собьют молоко. Лишь верблюжье молоко употребляется в натуральном виде; оно никогда не идет в переработку ни для получения масла (за исключением случаев, когда это необходимо женщинам для их туалета), ни для изготовления сыра; в годы, когда его бывает много, его дают козлятам, собакам, вьючным верблюдам.

Молоко может добавляться в блюда из проса и служить подливой или же смешиваться с мукой, толчеными финиками. Когда туареги совершают длительные переходы, они грузят на верблюдов бурдюки, наполненные молоком. В дороге оно быстро свертывается, и сыворотка, кисловатая на вкус, хорошо утоляет жажду. Однако молоко ценится в основном за получаемые из него масло и сыр.

Масло (*уди*) получают путем сбивания молока в небольшом кожаном бурдюке (*аги-уэр*): держа бурдюк на коленях, женщины раскачивают его из стороны в сторону. Готовое масло держат в роге муфлона. Если количество изготовленного масла превышает дневную норму потребления, то излишки помещают в флягу из кожи, где оно в жару обычно находится в жидком или вязком состоянии, а зимой, чтобы достать масло оттуда, его приходится подогревать. Иногда, прежде чем поместить масло в большие резервуары, про запас, женщины, чтобы оно лучше сохранилось, кипятят его. Маслом, как правило, поливают кашу из *бешены* или пшеничные лепешки. Туареги никогда на нем не жарят.

В годы, когда пастбища изобилуют кормами и животные дают много молока, туареги делают из него сыр — *тикамарин*. Для этого они сбивают молоко, отжимают творог с помощью небольших плетеных циновок, затем высушивают его в маленьких ситах, которые кладут на ветки деревьев или внутрь каменных загоронок наподобие загонов для козлят. Разумеется, изготовление сыра в самом Ахаггаре — редкость, чаще всего он производится, когда ахаггары кочуют в Нигере. Каждый год после пребывания в сахельской зоне они привозят с собой большие запасы сухого, как дерево, сыра — частично своего изготовления, частично закупленного у южных племен. Это служит немалым подспорьем туарегам в еде. Сухой сыр толкут в ступе, размельчают, растирают в муку и добавляют в пищу, будь то каша из *бешены* или похлебка из муки *бешены* и фиников.

* * *

Логично было бы предположить, что значительное место в рационе туарегов занимает мясо. Однако это не так. Здесь весьма уместно вспомнить одну из наших старинных пословиц о том, что сапожник всегда ходит без сапог!

Эта поговорка вполне применима к скотоводам, которые, пожалуй, самые скромные потребители мяса, какие только бывают. Пастух держит скот для того, чтобы получать от него продукты и либо потреблять их, либо продавать, чтобы обеспечить себя другими продуктами или же приобрести одежду. А сам он употребляет мясо в пищу весьма умеренно, ибо убой скота приносит ущерб его капиталу.

Итак, туареги Ахаггара забивают животных лишь в исключительных случаях — на семейные торжества, религиозные праздники или же когда пастбища настолько скудеют, что возникает необходимость уменьшить поголовье стада для предотвращения падежа скота. Это не означает, однако, что туареги не любят мясо. Когда они совершали резку на стоянку противника, они отнюдь не отказывались от соблазна «проредить» там мелкий скот и наедались так, что даже заболели.

Дикие животные служат слабым подспорьем в питании туарегов. Каждый год туареги убивают какое-то количество газелей и муфлонов, мясо которых частично употребляют в пищу в свежем виде, остальное же вялят и откладывают про запас.

Их имрады ловят ящериц-стеллионов (*Uromastix acanthinurus*), тушканчиков, гунди (*Ctenodactylus sp.*), даманов, зайцев, иногда даже шакалов. К мясному рациону туарегов можно также отнести кузнечиков (*Shistocerca gregaria*); они их поджаривают на углях, затем сушат и растирают в порошок. Все сахарские кочевники — большие любители этих кузнечиков. Полагают, что в самой глубокой древности они были основной пищей у ряда племен Северной Африки, откуда и возникло их название — *акридофаги*. Насамоны, о которых писал Геродот, приготавливали кузнечиков (акрид) точно таким же способом, как это делают туареги.

В Ахаггаре, главным образом в Тассилин-Аджерере, есть несколько водоемов, где водится рыба, но имхары и имрады ее не едят; лишь исеккемарен ловят в них усачей, а иногда и сомов.

Так же обстоит дело и с курами, которых разводят в деревнях негры. Мясо их, а также яйца считаются нечистыми. Такой же запрет лежит на всех птицах. Исключение представляет страус: имрады едят определенные части этой птицы, а ее яйца пекут в золе или делают из них омлет.

Такие запреты, рассматриваемые иногда как древние табу, возникли, возможно, просто из физического отвращения. В результате общения туарегов с арабами они все больше стираются — даже у имхаров, которые объясняют их ныне как проявление бывшего невежества. Так, какой-нибудь вождь, несколько лет назад наотрез отказывавшийся есть курицу, теперь вполне приемлет

ее. Новые привычки не являются пока еще повсеместными, однако в ближайшие годы они непременно распространятся повсюду.

* * *

До французской оккупации туареги Ахаггара принимали пищу всего один раз в день — вечером, когда подоят скот. В течение дня они довольствовались лишь небольшим количеством молока.

Национальным блюдом кель-ахаггар, как и их сородичей из других конфедераций, является *асинк* — просяная каша, сваренная на воде и заправленная маслом или сывороткой. Это блюдо в большой чести у туарегов, особенно зимой и вообще весь холодный период года. Во время сильной жары ахаггары предпочитают напиток из воды или сыворотки, в который бросают щепоть просяной муки, иногда с добавлением туда сухого сыра и толченых фиников. Это блюдо называется *алакох*.

Пшеница потребляется ахаггарами обычно в виде лепешек (*тагелла*), испеченных в золе; их кладут в миску, режут на куски и поливают маслом. В тесто подмешивается мука из *тауита*, если она есть, и тогда получается исключительно вкусное блюдо — одно из любимейших туарегами. Иногда они готовят соус из сушеных томатов, тыквы, лука, красного перца, запасы которых делаются в земледельческих центрах.

Финики употребляются в пищу после того, как их растолкут в ступе и смешают с водой, так чтобы получилась густая масса. Это блюдо часто подается с молоком.

Земледельческие центры поставляют туарегам фрукты — виноград, персики, абрикосы, фиго, которые они тлят в сыром или сушеном виде.

Мясо туареги варят или запекают в золе. В пищу идет мясо верблюжонка, козы, барана, быка, а также мясо газелей, антилоп, муфлонов. Некогда мясо верблюда совсем не употреблялось в пищу: животным давали околеть от старости или болезни, их никогда не забивали. Однако под влиянием арабов и ввиду возросшей потребности в мясе, вызванной постоянным ростом населения в Таманрассете, туареги стали приводить своих животных на скотобойню, но сами они мало употребляют верблюжатину.

Когда кель-ахаггар режут барана, они запикивают все его внутренности в желудок, прокладывая между ними разогретые камни и, завязав желудок с обоих концов, кладут его в выемку, сделанную в горячей золе. Подобный способ приготовления, наиболее часто используемый охотниками на крупную дичь, называется *абатуль*, что как раз и означает «выемка».

Туареги не едят *мешуи* и готовят это блюдо в исключительных случаях — когда принимают у себя арабов или других гостей. Когда им надо зажарить целого барана, они разрезают его на две части и в таком виде кладут в золу (не переворачивая во время приготовления, считается, что иначе это принесет несчастье).

Когда забивают животное, голову и вырезку со спины всегда отдают женщинам, внутренности, ноги, шея, хвост достаются икланам.

К большим торжествам — религиозным праздникам, свадьбам, приемам знатных гостей — режут молодых верблюжат и запекают их в золе целиком. Это блюдо подается с крупнозернистым кускусом.

* * *

Еду готовят служанки неподалеку от палатки хозяев.

Мужчины принимают пищу отдельно и получают еду первыми. Затем едят женщины и дети, а оставшееся достается икланам. Во время еды туареги пользуются ложками. Употребление ложки присуще только им, поскольку их соседи — арабы и африканцы — едят руками. Этот обычай привился, должно быть, из-за ношения мужчинами покрывала; они не снимают его и во время еды, и оно не дает им отправлять пищу в рот рукой, как это делают арабы. Туареги слегка приподнимают нижний край покрывала и просовывают под него ложку; только когда они находятся среди мужчин, которых очень хорошо знают, и рядом нет женщин, они осмеливаются приспустить свое покрывало и обнажить рот, но тотчас же снова закрывают его.

Питьем для туарегов служат только вода (даже если она подозрительна на вид и загрязнена) и молоко.

С начала этого века туареги приучились пить зеленый чай, переняв это у арабов; они ароматизируют его мятой и некоторыми другими душистыми растениями, произрастающими в Ахаггаре, например *шихом* (*Artemisia herba alba*) или кожурой *табаракаты* и *селуфы*. Кофе, когда-то широко распространенный у них, употребляется ныне в основном как медикаментозное средство, чтобы унять сильный кашель или боли в желудке.

В качестве возбуждающего средства туареги употребляют только табак, который и жуют и нюхают. Курить — не в их обычае, и если иные молодые люди, имеющие контакт с европейцами, не прочь «стрельнуть» сигаретку, то делают они это просто из подражания. Однако Дювейрье писал, что туареги — как мужчины, так и женщины — курят; но поскольку с тех пор этот факт так и не был зафиксирован у кель-аджер, то, возможно, он обнаружил эту привычку у арабизированных людей Гата или феззанских племен. До него Барт отмечал, что все жители Нигера очень любят курить. «Редко когда, — писал он, — они расстаются со своими красивыми маленькими глиняными трубками; все они, и рума и туареги, закрывают рот, даже когда курят, так что из-под шали, кутающей их лицо, торчит только одна изящная головка трубки». В племени кель-эс-сук Барт видел даже курящих женщин и записал: «Не без удивления увидел я, что трубка постоянно переходит от них к мужчинам и обратно».

Майор Кове, в свою очередь, описывая одежду туарегов, утверждал, что мужчины носят в карманах своих просторных рубах трубку и *табак*.

Эти свидетельства, исходящие от столь авторитетных путешественников, вызывают недоумение, ибо сам я никогда не встречал курящих туарегов, не видел ни одной женщины на стоянках племени кель-эс-сук (которые посещал довольно часто) с трубкой во рту. Возможно, прежде было иначе.

Зато туареги очень любят жевать табак, и до такой степени, что у некоторых туарегских женщин в результате сильно деформируется нижняя губа (из-за постоянной привычки закладывать табачную жвачку между нижней губой и десной). Отсюда и не слишком приятная их привычка поминутно сплевывать в песок.

Употребляемый ими табак поступает из Туата, так как в Ахаггаре он не культивируется. Листья и стебли табака тонко измельчаются и смешиваются с несколькими кристалликами соды, чтобы снять с него горечь, или с пеплом злака *мрокбы*, дающим тот же эффект.

Нигерийские туареги используют либо табак из Туата, если могут достать его, либо табак, выращенный оседлыми людьми Нигера или доставляемый караванами из Дамергу.

Нюхательный табак очень ценится пожилыми людьми. Он измельчается перед употреблением в порошок и смешивается с небольшим количеством вещества, которое туареги соскабливают с хвоста верблюдицы и которое состоит из урины и спрессованной мелкой пыли.

Многие нигерийские туареги усвоили привычку жевать орех кола, являющийся стимулятором и широко употребляемый неграми. Некоторые ахагары предаются этому занятию, когда бывают в Нигере, но не пристрастились к нему и никогда не употребляют дома.

* * *

Как мы убедились, туареги раньше не употребляли в пищу ни кур, ни яиц, ни рыбы, ни рептилий, то есть таких животных, которые летают, плавают или ползают. Подобное воздержание наблюдается у фульбе, тоже скотоводов. Поэтому тут даже напрашивается вопрос: не идет ли здесь речь о некоем табу, общем для пастухов-хамитов? Туареги соблюдают также и другие запреты в отношении пищи. Как мусульмане, например, они должны употреблять в пищу только мясо животных, забитых в соответствии с определенным ритуалом. Они должны воздерживаться от употребления свинины и мяса бородавочника, а также спиртных напитков. Существуют также доисламские запреты, к которым можно, вероятно, отнести запрет на употребление мяса птиц, а также мяса варана, поскольку легенда утверждает, что этот ящер приходится туарегам дядей по отцовской линии.

У ряда племен не разрешается ставить на огонь только что надоенное верблюжье молоко, поскольку считается, что тем самым можно навлечь болезнь на животное или у него пропадет молоко.

* * *

Собственно говоря, каких-то определенных запретов в отношении друг друга у туарегов нет, и если мужчины и женщины едят отдельно, то это скорее обычай, нежели запрет. Женившись, молодой человек не должен есть вместе с родителями жены, а сын, как только становится взрослым, не может есть в присутствии отца. Здесь дело скорее всего в своеобразном выражении почтения, чем в запрете, а также, возможно, в пережитках, идущих от древних обычаев религиозного характера.

Скотоводство

Как уже говорилось в начале книги, ахагарские имхары прежде занимались больше

грабежом, чем скотоводством, поручив скот своим имрадам. Однако отсюда не следует, что они не скотоводы и что этот род занятий не является их социальной базой. В силу обстоятельств скотоводство у туарегов после французской оккупации сильно оживилось, ибо с прекращением постоянных набегов скотоводство стало для них насущной необходимостью.

Их родственники из Сахеля, обладающие более богатыми пастбищами, — умелые скотоводы, они добиваются больших успехов в разведении и выращивании скота. Скотоводство у сахельских туарегов находится на том уровне, на котором оно, вероятно, находилось некогда во всей Сахаре, когда наступление пустыни было не столь угрожающим, как сейчас. Первое место среди домашнего скота занимает здесь бык, затем идут овца, коза, лошадь (ранее использовавшаяся как верховое животное и у сахарских туарегов), верблюды (вероятно, последнее по времени появления в Сахаре животное) и, наконец, осел. А у туарегов Ахаггара имеются верблюды, козы, овцы и ослы, а также небольшое количество лошадей.

Верблюд

Речь, конечно, идет о дромадере. Выше мы познакомились с мнениями относительно его появления в Сахаре. Произошло ли это за несколько лет до или одно-два столетия спустя после начала христианской эры, неизвестно, но совершенно очевидно, что предки туарегов способствовали его распространению. С самого своего прихода на земли, расположенные к востоку от дельты Нила, ливийцы-гараманты и другие народности, должно быть, поняли всю пользу от верблюдов и сразу стали разводить их. Верблюд очень быстро вытеснил лошадь, чье существование в изменившихся климатических условиях стало весьма проблематичным. В настоящее время население Сахары, которому и без того приходится трудно, без верблюда оказалось бы в еще более худшем положении. Нет необходимости подробно останавливаться на этом факте. Т. Моно, назвавший одну из своих книг о Сахаре «Да здравствует верблюд и козья шкура!», написал так не ради юмора, а в лапидарной форме выразил этой фразой самую суть, поскольку без этого животного нельзя было бы преодолевать пустынные пространства; оазисы в этом случае оказались бы изолированными островками, а их жители не смогли бы выжить без дополнительных средств извне.

Нет сомнений в том, что это животное играет большую роль у туарегов — и не только экономическую, но и военную. Верблюд для них незаменим: он служит эталоном при обмене, и приданым за благородной же невестой, мерой-эталонем при караванных переходах. Кроме того, он — символ богатства. В 1950 году кель ахаггар имели примерно десять тысяч верблюдов.

Разводимые в Ахаггаре верблюды известны повсеместно. Эти животные очень выносливы, неприхотливы, умеют ходить по каменистым горным дорогам, способны неделями идти по гранитным регам Танезруфта — испытание, которого не могли бы выдержать верблюды сахельской породы. Тем не менее, хотя ахаггары разводят животных в массиве, пасут они их чаще всего в Тамесне — по той простой причине, что верблюдов, несмотря на их адаптацию к пастбищам и почвам Сахары, труднее поддерживать, чем других животных, когда пастбища оскудевают, а это происходит, как правило, каждые четыре года из пяти.

Туареги селекционируют верблюдов с самого раннего возраста, отбирая одних для верховой езды, других под вьючную поклажу — в зависимости от габаритов и некоторых других качеств и свойств. Верблюдов-мехари кастрируют. Кастрация производится в возрасте пяти лет: животному вспарывают мошонку, отрезают яички, и рана постепенно затягивается. В случае, если животное заболевает, рану присыпают песком, смешанным с верблюжьим пометом, и ставят животное над подожженным верблюжьим пометом так, чтобы на рану попадал дым. Таким образом, верблюд для верховой езды — отнюдь не особая порода, как это нередко приходится слышать.

Верблюд подвергается тщательной дрессировке с вух лет. Его приучают вставать и ложиться, не издавая крика. Делается это для того, чтобы не привлечь внимания противника, если понадобится во время реззу устроить ночью засаду у его становища. Верблюдицы дают от 3 до 5 литров молока в день. Имхары пьют его больше, чем имрады, а поскольку у них и верблюдов намного больше, это избавляет их от содержания многочисленных стад мелкого скота.

У каждого верблюда есть своя кличка; она дается в зависимости от масти, вида, характера животного. Каждое племя метит свой скот особым клеймом (*эхуэль*); владельцы больших стад верблюдов ставят, кроме того, и второе клеймо (*азезью*). Метки делаются каленым железом на какой-нибудь части тела животного: на шее, морде или ляжке.

Верблюды наносят огромный вред деревьям, обгладывая молодые деревца. Так, в Кудье деревьям разновидности *Olea* был нанесен большой урон.

Овца

Овцеводство имеет в Ахаггаре второстепенное значение, поскольку там для него нет достаточного обилия травы; зато оно занимает важное место в скотоводстве Сахеля.

Овца—очень своеобразное животное с короткой шерстью, большим хвостом, длинными ногами, отсюда ее латинское название — *Ovis longipes*. Это животное еще с древности было хорошо известно в Северной Африке: древнеегипетский бог Амон изображается в облике барана. Изображение барана можно видеть и на великолепных наскальных рисунках на юге Орана и Алжира. Однако место, где была одомашнена овца, неизвестно. Ранее всего ее существование было зафиксировано в Египте, где она фигурирует на наскальных рисунках периода пастухов. Специалисты называют ее «туарегской овцой».

В Ахаггаре овец разводят исключительно для того, чтобы готовить блюда из баранины во время религиозных праздников и семейных торжеств. Овечья шкура используется как ковер на пол или покрывало; кожа служит для изготовления упряжи.

Баранов кастрируют в возрасте трех-шести месяцев. Операция производится тем же способом, что и у верблюдов. Если требуется, чтобы баран не мог оплодотворять овец лишь какое-то время, ему на уровне подбрюшья туго бинтуют мошонку и перевязывают конец полового члена.

Коза

Коза — животное, преимущественно распространенное в горах; она очень неприхотлива, одинаково хорошо переносит как холод, так и жару, довольствуется самыми скудными пастбищами. Естественно поэтому, что ахаггары разводят этих животных в больших количествах, чем других.

Коза, культивируемая в Ахаггаре, низкорослая, с длинной черной шерстью. В Сахеле козы различной масти (белой, черной, рыжей), с более короткой шерстью, более длинными ногами; на юге их иногда скрещивают с карликовыми козами.

Происхождение козы еще менее ясно, чем барана. Это животное, широко распространенное на всем земном шаре, было, по-видимому, одомашнено во многих местах одновременно; не исключено, что порода, выращиваемая ныне в Ахаггаре, африканского происхождения. Ее останки обнаружены в неолитическом слое, а изображения фигурируют на древних сахарских наскальных рисунках «периода буйвола».

В настоящее время в Ахаггаре между козами и деревьями ведется прямо-таки борьба не на жизнь, а на смерть. Благодаря своей ловкости коза легко достает нижние ветки, удастся ей объесть и верхние ветки деревьев, растущих на каменистых склонах холмов (*Olea*, например), где утесы служат козе хорошей опорой. Туареги сами ускоряют развязку драмы, когда в период нехватки кормов на пастбище срубают для подкормки животных основные ветви. Так уничтожаются великолепные купы деревьев. В довольно скором времени от такого дерева, как *Acacia sp.*, останется одно воспоминание. Французская администрация ничего не сделала для того, чтобы уберечь деревья, тогда как достаточно было лишь объявить на несколько лет запретной зоной некоторые долины, с учетом, конечно, интересов пастухов. Подобные меры, принятые в окрестностях Гундама (Мали), дали хорошие результаты.

Длительная засуха, сжигающая всю растительность, создает для коз большие трудности. Отелов в стадах становится меньше, затем начинается падеж скота, так что нередко от всего поголовья остается лишь пятая часть. Для восстановления стада нужны годы, и то при условии, если пройдут благодатные дожди. При этом ахаггары, беззаботные по характеру и фаталисты по натуре, даже не пытаются ускорить воспроизводство поголовья путем закупки коз в Адраре или Аире; они предоставляют своим ослабевшим стадам возможность самим восстановить поголовье, на что уходят многие годы.

При избыточной рождаемости животных туареги сокращают их поголовье; хорошо зная средние ресурсы края, они содержат лишь количество животных, необходимое для удовлетворения потребностей семьи в молоке (10—12 животных на человека). Излишки забивают или продают в Таманрассете, иногда в Айн-Салахе.

Козлы, как и бараны, могут быть кастрированы, однако чаще всего их забивают.

У ахаггарских коз очень жирное молоко, из которого получается отличное масло. Их мясо, немного жестковатое, употребляется в вареном виде. Козья шкура ценится высоко и используется для изготовления седельных сумок, иногда тентов для палаток, а чаще всего — бурдюков.

Осел

У туарегов Ахаггара много ослов. Собственно говоря, они их не разводят, не ухаживают за ними, а дают им свободно размножаться. Осел у туарегов не имеет никакой товарной стоимости. Их дарят тем, у кого их нет, одалживают, чтобы привезти на них воду, в этом случае одолживший осла чем-нибудь одаривает хозяина. Многие кочевники не знают точно, сколько у них ослов; ненужных в хозяйстве они бросают в горах, где животные дичают. Молодняк, родившийся на воле, человека к себе уже не подпускает. Таких животных приходится снова ловить и приручать. Миф о существовании диких ослов появился благодаря именно этим ослам, живущим на свободе. В этой связи Е. Ф. Готьс рассказывает случай с генералом Лаперрином, который, полагая, что встретил в Ахаггаре диких ослов, приказал своим гумьерам⁵ охотиться на них. Каково же было его удивление, когда он увидел, что одно из убитых животных кастрировано! Если ныне в Ахаггаре нет диких ослов, то можно почти с уверенностью сказать, что прежде они там водились. Изображения ослов встречаются на наскальных гравюрах уэда Джерат, рисунках Тин-Веджеджа, Тассилин-Аджеря. Один текст у Плиния и романская мозаика в Иппоне свидетельствуют о том, что они водились и в Северной Африке. Дикие ослы водятся до сих пор в Эфиопии.

В Ахаггаре осел чувствует себя вольготно. Возможно, одомашнен он был именно здесь. В легендах Ахаггара запечатлены воспоминания о первых обитателях края — изебетен, которые имели только ослов и коз.

При переходах туареги используют ослов для перевозки багажа, ездят на них верхом. Слуги возят на ослах воду, вешая на них тяжелые бурдюки и закрепляя их на спине и под брюхом. С некоторых пор ослов используют в земледельческих центрах, там, где приходится доставать воду из колодцев при помощи ворота.

Самцов иногда кастрируют. Эта операция производится так же, как и у верблюдов, только рану прижигают каленым железом.

Туареги не умеют определять возраст ослов. Чтобы узнать, стар осел или нет, туареги выворачивают ему ухо: если ухо выпрямится, значит, животное еще полно сил, если нет — оно уже старое и ни на что не годно.

Мясо осла в пищу не употребляют, разве только в период продолжительного голода. Шкура осла тоже никак не используется. Молоко ослицы применяется как средство от кашля.

Когда-то кель-ахаггар вывозили значительное количество ослов в Тидикельт и особенно в Дамергу и Аир. В 1930 году вождь племени агух-эн-техле Сама аг Мансури продал в Дамергу стадо в 150 голов. Теперь такая торговля прекратилась. В настоящее время широко используют ослов кель-аир, а особенно кель-эуи. Вереницы их ослов, насчитывающие до нескольких сотен голов, ходят из Агадеса в Дамергу, откуда возвращаются навьюченными просом.

Лошадь

Лошадь — нетипичное животное для Сахары. В 1929 году в Ахаггаре было всего четыре лошади, и все в собственности аменокаля. В 1940 году лошадей насчитывалось двадцать голов, и принадлежали они членам семьи аменокаля и нескольким знатным марабутам.

В 1950 году многие владельцы вынуждены были расстаться со своими лошадьми, так как нечем стало их кормить. Действительно, держать лошадей в Ахаггаре — большая роскошь, поскольку ячменя там почти нет, его не хватает даже людям. Зато много лошадей у туарегов Сахеля — в Аире (породы багзан) и у иуллеммеденов и туарегов поречья (породы барб).

Зебу

В Ахаггаре не разводят зебу. В 1929 году аменокаль Ахамук, поощряемый французской администрацией, завел небольшое стадо зебу; его пригнали из Нигера и пасли у водоема Утул. И

---

⁵ Солдат гума — арабского отряда.

хотя 1929—1930 годы были довольно благоприятными, животные так исхудали, что не могли держаться на ногах, и их пришлось отправить на бойню.

Небольшое количество зебу держат в земледельческих центрах, где их используют для подъема воды из колодцев; владелец участка предоставляет их арендатору. Зебу кормят ботвой или пасут на пастбище, где они питаются тростником дисс, растущим в изобилии в богатых влагой долинах Ахаггара. Однако этого корма для них недостаточно. Когда животное окончательно выбивается из сил, его по возможности заменяют другим. Но зебу не обладают выносливостью и поэтому очень быстро становятся непригодными в хозяйстве.

Собака

У туарегов большое количество собак, которые охраняют стоянки или сопровождают их на охоту. Здесь существует три вида собак: борзая, хорошо известная как охотничья — *оска* (мн. ч. *аскати*); длинношерстная собака *эберхох* (мн. ч. *иберрах*), напоминающая кабийскую породу, она достаточно широко распространена, и третья — *аками* (мн. ч. *икумай*) — по-видимому, помесь двух первых.

Кель-ахаггар держат собак впроголодь, ухаживают только за охотничьими, которыми очень дорожат. Собаки у туарегов совсем дикие, они часто грызутся между собой и, как говорил отец де Фуко, хорошо выполняют только одну функцию — кусают людей.

Кошка

Раньше в Ахаггаре кошек не было. Их завезли хар-ратины Айн-Салаха. Теперь их можно видеть на многих стоянках в окрестностях Таманрассета, у кель-рела, даг-рали. Туареги ценят их за то, что кошки уничтожают грызунов и змей.

* * *

Что касается стоянок туарегов, то, как уже отмечалось, их устройство и перемещение полностью зависят от наличия пастбищ. Мелкий скот (козы, овцы, ослы) всегда содержится при стоянке и покидает Ахаггар лишь в исключительных случаях: его нуждами и диктуются все перемещения туарегов. По-иному дело обстоит с верблюдами, которых зачастую отправляют на пастбища, находящиеся вдали от палаток хозяев, под присмотр лишь нескольких пастухов. Большую часть времени основное поголовье верблюдов проводит в Са-хеле, километрах в 800 от стоянки их владельцев. Пастухи разбивают там стоянки и пасут скот всех, кто остался в Ахаггаре.

Итак, существует кочевничество и перегон скота.

В Ахаггаре кочевье происходит в границах территории племени, не носит большого размаха и не имеет ничего общего с кочевьем племен Алжирского Телля, пасущих овец, или пастухов верблюдов в Мавритании.

Перегон же скота, напротив, осуществляется на большие расстояния.

Туареги, таким образом, являются мелкомасштабными кочевниками и крупномасштабными перегонщиками. По поводу перегона скота заметим, что сейчас у туарегов наблюдается тенденция по мере возможности совмещать его с движением своих караванов, идущих от соляных копей Амадрора к Дамергу.

Правила кочевья и перегона стад

Территории кочевья племен определяются аменока-леи, которому принадлежит земля, и какая-то часть *ти-уссы* идет в уплату именно за право на пастбище, тоже предоставляемое аменокалем.

Каждое племя получает в безраздельное пользование определенный участок; доступ всякого другого племени на него запрещен. Чужое племя может пасти там скот только с разрешения амрара племени; правом же прохода через эту территорию обладает каждый.

Эти правила могут быть нарушены на время продолжительной засухи или обильных дождей. Если вследствие засухи корма на пастбищах начинает не хватать, между вождями различных племен заключается такое соглашение: один из них разрешает соседнему племени пасти скот на своей территории при условии, что оно не причинит никакого ущерба, не будет портить деревья и охотиться.

Когда в каком-либо районе пройдут обильные дожди, амрар объявляет его запретной

зоной — *ганент*. Никто не имеет права входа туда, даже люди племени, которому принадлежит эта территория. Мера эта вызвана тем, чтобы защитить от животных молодые побеги, появившиеся на деревьях после дождя, дать травам вырасти до семенной спелости. Через несколько недель участок объявляется открытым для всех — без исключения, но при сохранении запрета на порчу деревьев и на охоту. Когда животные нечаянно забредают на территорию соседнего племени, они возвращаются владельцу бел каких-либо санкций. Однако в том случае, если какое-то стадо застанут на земле, объявленной ганент, с его владельца взимается штраф в размере одной головы скота: берут козу — если это стадо коз, овцу — если это отара овец, верблюда — если это стадо верблюдов.

За ветку дерева, срубленную на территории одного племени членом другого, также взимается штраф в виде козы или барана, однако это правило практически никогда не соблюдается, так как туареги уделяют мало внимания охране деревьев.

Охота, рыбная ловля

Охота

Места, где обитают туареги, благоприятствуют охоте, и, как почти у всех пастухов, этот род занятий дает им дополнительный продукт для пополнения своих пищевых ресурсов. Ахагарам, правда, повезло меньше, чем их сахельским соплеменникам, поскольку в них нет такого обилия дичи.

В далеком прошлом охота в Сахаре была в большом почете. Об этом свидетельствуют многие наскальные гравюры и рисунки, где воспроизведены сцены охоты, которые сами по себе содержат сведения об уровне цивилизации древних людей, их занятиях, а также о характере фауны, сильно изменившейся с тех пор.

В наши дни фауна в результате прогрессирующего иссушения территории почти всех районов Сахары оскудела: численность отдельных животных, на которых раньше успешно охотились, сократилась до нескольких экземпляров. Антилопа-аддак встречается теперь очень редко, лишь случайно можно ее увидеть в эрге Амгид или в эрге, разделяющем Ахагар и Тамесну. Что касается антилопы-орикс, этого степного животного, то ахагарам удается встретить ее только в Тамесне или по дороге в Дамергу. В этих же местах попадаете и газель-мохр (*gazella dama*), некогда водившаяся в горах в больших количествах, а ныне оставшаяся лишь в нескольких экземплярах (в частности, в районе Силета) и *gazella rufifrons*. Туареги охотятся также на зайцев и шакалов.

Все туареги — охотники. В племенах с более архаическим укладом жизни охота распространена больше; особенно это относится к исеккемарен, живущим в Иммидире и Тефедесте, и к племенам, которых к охоте побуждает обилие дичи, тем, что кочуют на севере Ад-рар-Ифораса или на границе с Нигером. В Кудье водятся муфлоны, поэтому даг-рали и агух-энтхле активно занимаются охотой, причем древние способы уступают место охоте с ружьем.

В общем и целом активно охотой занимаются в основном икланы, обладающие хорошо развитыми охотничьими навыками. Тот факт, что среди икланов много охотников, объясняется, возможно, их происхождением, а кроме того, наличием у них заинтересованности в охоте, позволяющей им улучшить свое материальное положение.

Самый распространенный вид охоты — охота с гончими собаками. Она ведется на муфлонов и газелей. Для этого организуются группы в два-четыре человека, имеющие от двух до дюжины собак. Охота проводится в три этапа: сначала идет выслеживание животного на кормежке или в укрытии, затем преследование, пока собаки не настигнут и не загонят его, и, наконец, убий животного.

На охоте туареги проявляют свои удивительные качества: тонкое чутье, глубокое знание повадок преследуемого животного, физическую выносливость. Муфлон — животное, отличающееся смелостью и хитростью; оно дорого отдает свою жизнь: между ним и собаками иногда происходят прямо-таки эпические сражения; час то ударом своих рогов муфлон убивает или тяжело ранит собак. После того как собаки загонят животное, к делу приступают люди, вооруженные копьями; они стараются всадить их в тело муфлона. Охота на газелей происходит проще: здесь достаточно лишь спустить собак, остальное они все сделают сами; если им удастся догнать газель, то они быстро расправляются с ней. Точно так же происходит охота на антилопу-орикс.

Подобный способ охоты, при котором ее спортивный характер дает животному шанс выжить и не создает угрозы уничтожения вида, практикуется все реже и реже.

Псовая охота, весьма распространенная в сахельских племенах, практикуется на пограничных сахаро-малийских землях ибетенатен, которые охотятся на антилопу-орикс, преследуя ее на верблюдах, чаще летом, когда раскаленный песок быстро доводит животное до изнеможения и оно не может больше бежать.

Очень широкое распространение имеет охота с помощью капканов. Ахаггары используют три их вида: капкан с радиальными шипами, вращающийся капкан с силком, капкан с пружиной.

Капкан с радиальными шипами весьма точно описан у Г. Монтандона. Известный еще древним египтянам, этот капкан был распространен во всей Центральной и Тропической Африке. Он состоит из обруча, сплетенного из какого-нибудь растения, и прикрепленных к нему, сходящихся в центре довольно упругих стеблей злаковых. Это сооружение кладут на ямку диаметром чуть меньше капкана, прикрывают сверху соломой, посыпают раскрошенным ослиным пометом и песком. Иногда сверху еще кладется силок, конец которого привязывается к пню. Капкан устанавливается всегда под деревом, чаще всего колючим; сюда обычно приходят газели объедать нижние ветки. Животное, передвигаясь вокруг дерева, рано или поздно наступает на капкан, он, как колодка, захватывает ногу, не позволяя ему уйти далеко. В местах, изобилующих этими дикими животными, охотники ставят сразу от 30 до 40 таких капканов и за день отлавливают довольно много газелей.

Внутренности животного охотники съедают тут же, а мясо вялят.

Вращающийся капкан представляет собой более сложную конструкцию: натяжное устройство, сделанное из сухожилия антилопы-орикс, закрученного с помощью палки, один конец которой остро отточен, крепится на кусок рога этого же животного; небольшой деревянный диск, обтянутый кожей, крепится на второй палке, немного длиннее первой, которая вставляется между натяжным устройством и дугой, тогда как заостренный конец палки фиксируется отверстием в бусине или колечком на кожаном диске; на этом диске помещается лассо, и его конец прикрепляется к заостренной палке.

Этот капкан ставится обычно на тропе, по которой ходят газели, или под деревьями и слегка присыпается песком. Когда нога животного попадает на кожаный диск, под ее тяжестью высвобождается заостренная палка и бьет по ноге так, что перебивает ему ногу, и, кроме того, на ноге животного затягивается лассо.

Капкан с пружиной походит на капкан английского типа. Обычно считают, что у туарегов — его плохая копия, тогда как на самом деле именно английская модель произошла от этой известной в Иране и на всем Ближнем Востоке еще с античных времен. Приспособление с приманкой, имеющее в английском капкане вид маятника, здесь сделано из туго натянутой кожи, где закреплена стеклянная бусина, в дырку которой просунуты концы силков. Таким капканом можно поймать и газель, однако в основном он предназначен для ловли шакалов и зайцев. Впрочем, в него случайно могут попасть и другие животные, такие, как ежи, хищные птицы, голуби и т. п.

В Тассилин-Аджер, на террасах уэда, встречаются небольшие сооружения из камней в виде загона, размером 80—90 сантиметров в длину, 40 в ширину и 50 в высоту. Это ловушки для шакалов. Дверцей служит плита, скользящая по выдолбленным в камнях пазам. Система срабатывает на манер подъемного окна: когда шакал, зайдя внутрь, хватается за приманку, плита падает — и зверь оказывается в западне.

В земледельческих центрах харратины ловят также грызунов. Для этого они строят из камня небольшие западни или роют маленькие воронки.

Среди ахаггаров встречаются такие охотники, которые выслеживают газель или муфлона, дожидаясь, когда животное заснет в своем укрытии, а затем подкрадываются и убивают его.

Существуют охотничьи угодья, принадлежащие какому-нибудь одному человеку. В Кудье, например, никто не имеет права охотиться на горе Тахат без разрешения ее владельца — потомка древнего племени изебетен. То же самое и в отношении гор Исекрем, Иламан, Таесса и т. д. Если же кто-нибудь все-таки станет охотиться в этих горах и убьет животное, он обязан отдать владельцу шкуру, а также голову и половину туши.

Как-то в руки туарегов попало большое количество скорострельных ружей. Они воспользовались ими и произвели серьезные опустошения среди диких животных. К счастью, французская администрация быстро изъяла у них оружие. Однако у туарегов все же остались несколько итальянских винтовок и небольшой запас патронов к ним. Особенно пострадали газели

и муфлоны. За одну лишь зиму 1949/50 года в Кудье было убито из ружей и доставлено в Таманрассет более 200 муфлонов. В таких размерах этих животных раньше никогда не добывали. Составить же представление о том, какое количество животных ахагары убивают в течение года традиционными способами, довольно трудно. Исследование, проведенное мною в 1939 году по стоянкам, дало цифру 300, без учета животных, убитых на территориях, граничащих с Сахелем. Таким образом, охота играет весьма незначительную роль в хозяйстве ахагаров.

К началу французской оккупации в Ахагаре еще водились страусы. Записи, сделанные отцом де Фуко, свидетельствуют о том, что на эту птицу некогда охотились и страусовое перо доставлялось на базар в Айн-Салах.

Рыбная ловля

Рыбные водоемы редки в Ахагаре; выше уже говорилось, по каким причинам туареги не употребляют в пищу рыбу. Тем не менее некоторые племена исеккемарен, в частности кочующие в районе Амгида, рыбу любят. Они ловят ее, когда падает уровень воды. Несколько человек заходят в воду и, толкая перед собой фашину, сплетенную из ветвей деревьев и стеблей злаков, перегораживают водоем и гонят рыбу к берегу. Так они пересекают весь водоем, и рыба оказывается в западне. Рыбины выкидывают на берег и тут же собирают. Когда после паводка уэд высыхает, на песке часто остается рыба: ее собирают прямо руками и вялят. Я видел целую корзину такой рыбы на стоянке племени кель-ухет, близ Амгида.

В племени даг-рали мне рассказывали, как там ловят рыбу. Делается это с помощью бечевки с кусочком мяса на конце. В Исеккеразене, где в прудах водятся усачи, люди племени даг-рали и агух-эн-техле при мне ели только что наловленную мною рыбу.

В Тассилин-Аджер, и в частности в земледельческом центре в Ихерире, существует еще один способ ловли рыбы: в земле делают небольшие углубления и соединяют их канавками с водоемом, где водится рыба. Когда туда случайно заплывает рыбина, ее легко ловят руками.

Как мы видим, ловля рыбы в хозяйстве у туарегов Сахары играет незначительную роль.

Земледелие

Туареги Ахагара — прежде всего пастухи и поэтому совсем не проявляли интереса к земледелию. Кроме того, обработка земли предполагает оседлый образ жизни и ручной труд, что считается у них унижительным. Они не занимаются выращиванием даже сезонных культур, как, например, пастухи арабы или берберы, пользующиеся сохой, или ряд кланов пастухов-фульбе сахельской степи, которые в период дождей ставят палатки на краю какой-нибудь низины и засевают ее. Однако на родине туарегов существует определенное число земледельческих центров и есть земли, которые могли бы стать таковыми и даже успешно развиваться при условии, конечно, во-первых, личной заинтересованности самих туарегов и, во-вторых, отмены устаревшего полуфеодального законодательства по отношению к чернокожему населению. Короче говоря, они работают на участках лишь постольку, поскольку это нужно им для прокорма.

Большая часть земледельческих центров Ахагара возникла не более ста лет назад под воздействием арабских элементов, осевших в стране. Лишь оазисы Силет и Тибегин более древние и датируются эпохой имананских султанов. Последние привели из Туата марабутов, научивших туарегов сооружать ирригационные системы — фоггары. По крайней мере такова версия туарегов. Впрочем, из описаний «Триумфа» Корнелия Бальба мы знаем, что Абалесса уже существовала в его время, а само это название означает не что иное, как «возделанная земля». К тому же во многих земледельческих центрах (таких, как Иделес, Тит, Абалесса, Ин-Амеджель, Тарахуахут, Таманрассет, Эссали-Секин, Тахарт, Херафеф и др.) обнаружены следы древних поселений: орудия неолитического периода, черепки глиняной посуды, доисламские могильники; они встречаются во всех возделываемых зонах и напоминают предметы и вещи нынешних земледельцев. Таким образом, если то, что говорят туареги, верно и если их хронология достаточно точно фиксирует дату возникновения отдельных центров, то можно с уверенностью сказать, что многие из них активно использовались еще в глубокой древности и что в позднейшее время имело место в основном их повторное освоение. Финиковая пальма фигурирует уже на наскальных рисунках «периода колесницы».

К моменту прихода французов в Ахагар здесь в эксплуатации находилось около сорока земледельческих центров.

Право землепользования принадлежит тому, кто первым обработал участок или, точнее, тому, кто первый способствовал либо сам, либо через посредников его освоению. Земля же, как таковая, принадлежит аменокалю, но он сдает ее в аренду, за что ежегодно получает с урожая налог (меск) из расчета 4 гессы зерна, то есть примерно 10 килограммов, с участка. Хозяевами земли могут стать и имхары и имрады, даже энадены, но только не икланы — они сами собственность указанных выше.

Эти участки возделывают не сами хозяева, а икланы, приставленные к этой работе, а также ибореллиты и харратины (ед. ч. *хартани*), чернокожие-вольнотпущенники, пришедшие из Туата и Тидикельта и арендующие участки по контракту. Среди имхаров только иклан-эн-тауссит сами обрабатывают в Силете несколько участков.

Происхождение владельцев некоторых центров земледелия таково.

Иделес освоили люди ахль-аззи подфракции ахель-тит, которые привели с собой харратинов;

Тазерук — ахль-аззи и икланы, отпущенные на волю туарегами;

Абалессу — икланы таитоков и харратины;

Амсель — ибореллиты, происшедшие от матери из племени кель-адрар и отца из племени теджехе-н-эфис; икланы таитоков и аменокаля Меслаха;

Хирафок — исеккемарен племени кель-тефедест и икланы жены аменокаля Меслаха;

Ин-Амеджель — харратины, икланы племени кель-рела, арабы из Айн-Салаха;

Тит — несколько икадейенов, ахль-аззи, харратины, икланы;

Эннедид — икланы таитоков и кель-рела, перешедшие в зависимость к даг-рали;

Силет — иклан-эн-тауссит, однако создан этот центр был, по-видимому, сохабами — первыми распространителями ислама в Ахаггаре, построившими ксар, согласно преданию, еще до прихода Ги-н-Хинан, что мало вероятно;

Тин-Эменсар — шериф Бен Абдалла с икланами неизвестного происхождения.

Контракт на аренду участка между хозяином и земледельцем заключается на следующих условиях: хозяин предоставляет земледельцу два выюка проса в год на его пропитание, а также семена, мотыгу и оплачивает рытье колодцев или ирригационных каналов; если таковые уже имеются, то земледельцу вменяется в обязанность содержать их в порядке. Последний засеивает участок, поливает его, собирает урожай, мелет зерно и оставляет себе пятую часть урожая. Кроме того, он имеет право сажать и выращивать для себя зерно и овощи на берегах ирригационных каналов. В период между созреванием и сбором урожая земледелец может брать для своих нужд столько зерна, сколько ему надо, но не должен делать никаких запасов.

Земледельческие центры располагаются на террасах долин, если те достаточно широки и имеют древние наносы почвы.

Оросительная система фоггар в Ахаггаре (на *тамашек* — *эфели*, мн. ч. *ифелин*) не имеет ничего общего с системами, применяемыми в Тидикельте или Туате, где вода собирается на значительном удалении от участков — в таких геологических слоях, которые удерживают воду. Фоггары роют в наносных почвах уэда, окруженного обрабатываемыми участками. Вода скапливается в этих наносных почвах и ее поднимают на уровень чуть выше участков, так, чтобы обеспечивался ее естественный сток. Уровень воды постоянно меняется; поскольку ее объем зависит от выпадения осадков, более или менее длительное отсутствие дождей ведет к уменьшению подачи воды. В случае длительной засухи земледельческие центры покидаются, иногда даже на несколько лет. Такое часто случалось в прошлом, особенно в центрах, расположенных на большой высоте.

Подземная часть фоггары состоит из нескольких колодцев глубиной от 2 до 4 метров, находящихся на расстоянии 4—5 метров друг от друга и связанных между собой системой подземных каналов; наземная часть — это канал, прорытый на уровне уэда, а затем поднятый на более высокий уровень. Фоггары ведут в распределительные резервуары (*маджем*), которые через канавы (*сегия*) подают воду к орошаемым участкам.

Для того чтобы создать новую фоггару, в верховье уэда находят воду и роют колодец. Как только доходят до воды, копают другие колодцы и строят подземную галерею, идущую от верховья к низовью. Если же надо починить фоггару, обвалившуюся и разрушенную в результате паводка, действуют в обратном направлении — от низовья к верховью.

Некоторые поля поливаются не с помощью фоггары, а водой из колодцев, снабженных воротом, для чего используются животные (зебу или ослы), а иногда и люди, или же из весьма редких здесь колодцев с журавлем, если вода находится неглубоко.

Возделываемые участки тянутся вдоль всего уэда, по обеим его сторонам, но они всегда небольшой ширины. Земледельцы живут обычно поблизости от своих участков в соломенных или тростниковых хижинах либо в глиняных мазанках. Случается, что земля истощается, тогда земледелец возделывает рядом другой участок, а к первому может вернуться через несколько лет.

В горах на высоте 1500—1800 метров над уровнем моря насчитывается пять земледельческих центров, но большая их часть расположена на уровне 1200—, 1500 метров, некоторые и ниже, такие, как Ин-Амеджелль (1030 метров) и Силет (750 метров). Отдельные центры представляют собой небольшие пальмовые рощи, например Силет и Тибеджин, насчитывающие по 10000 пальм, Иделес (250), Иглен, Тахарт и Абалесса.

Земли Ахаггара своим плодородием частично обязаны содержащемуся в них большому проценту элементов вулканического происхождения. Климат тоже благоприятствует здесь земледелию, ибо обилие солнечных дней позволяет получать два-три урожая в год. Поэтому

В Ахаггаре, по данным Шюдо, сбор зерна в десять раз превышает засев, тогда как в Тите и Тидикельте — только в восемь-девять раз, а бешены — в 60—80 раз, против 40 в Сахеле. Результаты были бы еще выше, если бы земледельцы имели в достаточном количестве воду и удобрения.

Земледельцы Ахаггара не используют плуг, и не потому, что не знают его: его использованию мешает посев гнездовым способом. Единственное орудие, которым пользуются туареги, — мотыга, если не считать еще серпа.

Просо, пшеница, ячмень — основные культуры в Ахаггаре. Кроме них туареги выращивают морковь, репу, лук, чеснок, перец, фасоль, бобы, чечевицу, баклажаны, дыни местных сортов, арбузы, различные тыквенные, томаты и т. д.; в небольшом количестве — маис.

В центрах, расположенных на средней высоте, пшеницу и ячмень сеют в декабре, а урожай собирают в мае; когда жатва заканчивается, сеют просо, которое собирают в начале октября. В центрах, находящихся на севере массива (Хирафок, Иделес) или на большой высоте, как, например, Тазерук, урожай поспевает позднее, чем в Таманрассете. Из овощей выращивают только лук, томаты, круглые тыквы, которые полностью принадлежат земледельцам, а не хозяевам участка, и поэтому они сами потребляют их или же продают (туареги едят их лишь во время пребывания в земледельческих центрах). Такие порядки были установлены старинными туарегскими законами, но отменены после провозглашения независимости Алжира.

Садоводство в Ахаггаре развито слабо из-за того, что не сами земледельцы хозяева садов: они не заинтересованы в новых посадках, поскольку не уверены, что воспользуются плодами своего труда. А жаль: многие деревья прекрасно приживаются в Ахаггаре — абрикосовые, персиковые, фиговые, а кроме того, виноград (его лозы достигают значительных размеров, особенно в Тите); апельсиновые, миндальные, гранатовые деревья, посаженные в Таманрассете, дали удивительные результаты; их выращивание могло бы быть широко распространено, так же как и оливковых деревьев.

Совершенно очевидно, что существующие пальмовые рощи можно было бы обновить и даже увеличить в разумных пределах. В этой связи очень поучительна история пальмовой рощи Абалессы. В 1888 году, по словам опрошенных капитаном Биссюэлем таитоков, в Абалессе совсем не было финиковых пальм. Отец де Фуко, который жил в Абалессе в 1904 году, во время обследования, проводившегося Лаперрином, насчитал их 40 штук. В 1908 году Бенхазера утверждал, что там их масса, но 1 представленной им фотографии это были еще молодые деревья. В 1922 году Буркарт насчитал в том же месте 40 пальм и 12 фиговых деревьев; за ними ухаживало 75 харратингов. В 1938 году отец Горэ упоминал о 117 плодоносящих пальмах из общего количества 271, которые дали тогда 6000 килограммов фиников.

В 1950 году уже насчитывалось более 300 плодоносящих финиковых пальм. Если учесть, что такой прогресс являлся результатом лишь инициативы местных жителей достигнут без внедрения селекционных видов, то можно себе представить, какие результаты получились бы, если бы этим занялась администрация и стал культивироваться сорт *бурс*, вывезенный из Айн-Салаха или Эль-Гома. Конечно, получаемые здесь финики не первого сорта, но ведь и нельзя ожидать большего в центрах, расположенных на высоте свыше 1200 метров над уровнем моря. Более того, в Ахаггаре не пренебрегают никаким подспорьем. В Силете, Тибегине из-за отсутствия ухода выродилось почти 10 000 пальм. Это произошло потому, что их законный владелец—аменокаль ничего не делал для поддержания пальмовой рощи в надлежащем порядке, а также потому, что французская администрация не пожелала изменить устаревшие законы туарегов. Инерция, лень, рутинность — главные враги прогресса в Ахаггаре, в то время как весьма

значительный прирост населения ставит все более остро проблему питания.

Разумеется, недостаточно только посеять и убрать урожай, выращиваемые культуры здесь в любой момент могут быть подвержены губительному воздействию климата.

Дожди — благоприятный фактор, если они идут вовремя; к сожалению, чаще всего они выпадают зимой и летом, то есть в период, когда замедляется рост растений. Если осадки достаточно обильны, в почве скапливается нужный растениям запас воды на несколько месяцев, но в то же время они не должны быть слишком сильными, так как, если они вызовут разлив уэдов, это повлечет за собой разрушение фоггар. На их восстановление потребуется несколько месяцев, а за это время выращиваемые культуры из-за отсутствия полива могут засохнуть на корню, и урожай полностью погибнет.

Холод также может оказать негативное воздействие. Правда, зимний сорт пшеницы не погибает от холода, но ее рост замедляется. Гораздо страшнее холод для садов: если холод наступает после начала цветения деревьев, которое бывает иногда в январе, то это чревато полным нарушением опыления. К счастью, цветение в садоводческих центрах, таких, как Тазерук (единственный центр, действительно заслуживающий этого названия), проходит довольно поздно, и здесь можно опасаться только внезапных заморозков.

Сильный ветер, начинающий дуть весной, также может повредить фруктовым деревьям: он срывает цветы и зеленые, а иногда даже и зрелые плоды. Горячие летние ветры — также большая угроза для урожая; борются с ними при помощи обильного полива, кстати, в это время уменьшается подача воды в фоггары — из-за нагрева почвы, интенсивного испарения и песчаных заносов.

Таким образом, урожайность выращиваемых в Ахаг-гаре культур сильно отличается год от года. Излишнее обилие или недостаток воды приводят к тому, что по сравнению с нормальными условиями размеры посевных площадей колеблются в соотношении 1 : 4 в разные годы. Некоторые земледельческие центры после длительной засухи приходится оставлять насовсем. Несколько десятилетий назад так случилось с центрами Тит, Аито-клан, Тахар, Адар-Мулин и другими.

Размеры посевных площадей, как уже говорилось, меняются год от года. В 1909 году Шюдо оценивал их в 188 гектаров. В 1940 году посевные площади составили 555 гектаров. Последняя цифра приходится на благоприятный год, в исключительных случаях она может быть выше, но бывает и вдвое меньше. Если туареги-кочевники могут запастись продовольствием в Сахеле, то совсем иначе обстоит дело у земледельцев из центров, которые страдают от недорода.

Население земледельческих центров, насчитывавшее в 1909 году 697 человек, в 1916 году — 1310, в 1938 году составляло 2280 человек — из-за большого притока в Таманрассет людей из других мест. В 1950 году население это достигло 4093 человек. Что касается этой цифры, здесь надо учесть тот факт, что в Таманрассете кроме европейцев и военных проживает еще 1600 человек, из которых лишь менее 300 занимается непосредственно земледелием. Таким образом, в 1950 году земледелием занималось 2793 человека, включая женщин и детей. Такое весьма значительное по сравнению с 1909 годом увеличение числа земледельцев объясняется французским присутствием, финансовой поддержкой, оказанной туарегам, а также мерами, принятыми туарегами по интенсификации земледелия, поскольку реззу перестали быть основой их существования.

Прирост населения в земледельческих центрах со времени французского присутствия дан в таблице I.

Таблица I

	1904 год ¹	1909 год ³	1911год ⁴	1938 год ⁵	1950 год ⁶
Таманрассет		42	150	686	1600
Абалесса	40 семей	64	272	250	547
Ин-Амеджель	40 семей	120	180	206	297
Иглен	—	19	168		—
Иделес	20 семей	45	70	160	231
Тазерук	240 человек	83	150	148	
Тит	40 семей	50	75	98	238
Тархаухаут	—	90	140	91	66
Амсель	—	—	90	66	73

Тахифет	—	—	—	39	35
Тигенеуин	—	—	25	23	22
Мертутек	4 — 5 семей	—	—	60	38
Хирафок	2 семьи	—	—	80	195
Иламан	—	10	—	0	0
Тиферт	—	12	—	—	155
Тин-Тарабин	20 семей ²	41	15	0	0
Тагрембаит	—	—	—	—	19
Тллан-Теидит	—	—	—	—	18
Аглиль	0	—	—	0	24
Ин-Аджу	—	—	—	—	21
Ин-Азру	—	—	—	—	17
Утул	—	—	—	0	58
Эннедид	0	—	—	—	46
Тахарт	—	—	—	0	41
Аитоклан	—	—	—	0	25
Ин-Даладж	—	—	—	—	191
Эффок	—	—	—	—	13
Тин-Аменсар	10 — 15	50	36	0	60
Эссали-Секин	—	5	—	—	—

1 Данные отца де Фуко. Цифры приблизительные.

2 Данные Гилхо Лохана.

3 Данные Мотылински.

4 Данные Вуано, приводимые у Шюдо.

5 и 6 Данные архива почтового ведомства Таманрассета.

Приведенные данные отражают довольно значительные изменения, происшедшие в отдельных центрах. Они были временно оставлены, но после благоприятного периода дождей земледельцы вернулись в них. Кроме того, из таблицы видно, что некоторые земледельцы переехали из одних центров в другие, например из Тар-хаухаута в Таманрассет — в результате перемены местонахождения французского поста. Произошел отток населения из таких изолированных центров, как Иламан, Терхенанет и другие, в ближайшие к Абалессе центры Иглен и Тиферт. Они стали местом притяжения в силу того, что, как и все крупные поселения, предоставляли больше возможностей для занятости и развлечения людей.

В 1939 году туареги навсегда покинули такие довольно крупные центры, как Тит и другие, а также более мелкие — Утул, Тиферт, Аитоклан, Талан-Теидит. Количество земледельческих центров постоянно меняется. В 1938 году их насчитывалось 400, и они обслуживались 80 фоггарами. В начале 1950 года эта цифра возросла, но наступившая затем засуха вынудила большое число земледельцев покинуть свои участки. Во время нашего приезда в Хирафок в марте месяце мы застали там только около двадцати человек, в то время как по официальным спискам значилось 195.

Демографическое состояние земледельческих центров вполне удовлетворительное, следовательно, они в дальнейшем могут нормально развиваться при наличии необходимого для их эксплуатации количества рабочих рук. Об этом свидетельствуют официальные данные переписи 1949—1950 годов, приведенные в таблице II.

Несмотря на такой довольно значительный по сравнению с 1938 годом прирост земледельцев и наличие большого процента непродуктивного населения в Таман-рассете, в 1950 году были тем не менее оставлены такие земледельческие центры, как Аделек, Амчах, Абезу, Блумет, Дехин, Адар-Мулин, Илафок, Ухет, Суайка, Тин-Тарабин, Туакин, Тебирбирт, Терхенанет, Иламан, Агаг, Изаган и т. д.

Когда земледельческие центры будут обеспечены большим количеством воды с помощью искусственного полива, будут устранены разрушения фоггар при паводках, жизнь земледельцев там станет вполне нормальной. (Эти данные относятся к 1955 году.)

Таблица II

	Мужчины	Женщины	Мальчики	Девочки	Всего
Таманрассет	504	447	334	315	1600
Ин-Амеджель	76	82	81	58	297
Тиферт	31	38	45	41	135
Иделес	76	69	47	39	231
Хирафок	34	37	73	51	195
Тагрембаит	5	5	6	3	19
Амсель	20	20	19	14	73
Талан-Теидит	5	7	5	1	18
Абалесса	111	125	156	155	547
Тит	63	70	59	47	238
Аглиль	10	6	1	7	24
Ин-Аджу	7	3	6	5	21
Силет	3	2	3	5	17
Ин-Азру	4	1	7	5	17
Утул	17	12	7	12	58
Эннедид	7	10	20	9	46
Тигенеуин	7	4	6	5	22
Тахар	8	9	14	10	41
Аитоклан	4	9	4	8	25
Ин-Даладж	45	41	60	45	191
Тархаухаут	11	13	26	16	66
Тахифет	9	8	9	9	35
Эффок	4	5	1	3	13
Тин-Аменсар	11	9	7	11	38
Эссали-Секин					
Мертутек					

Гигиена и врачевание

Чистота и уход за телом

Вполне логично предположить, что в местах, где вода — редкость, простые смертные не слишком придерживаются правил гигиены. Вынужденные жить в пустыне, вдали от водоемов, туареги совсем утратили привычку мыться.

Хотя Коран велит правоверным совершать перед каждой молитвой омовения, в нем предусмотрено отступление от этого правила для жителей пустыни: они могут заменить воду песком. В результате ритуальное омовение стало лишь имитацией такового: сначала верующие прикладывают ладони к песку, затем делают жест, похожий на умывание. Туареги навсегда усвоили этот обычай и не пользуются для омовения водой, даже когда находятся близ источника. Мытье для них неприятная процедура, они утверждают, что если будут ежедневно умываться, то заболели: мытье вызывает у них шелушение кожи; высокая сухость воздуха действительно приводит к тому, что кожный покров иссушается. Чтобы избежать этого, туареги постоянно мажут себя чем-нибудь жирным — маслом, животными жирами; некоторые женщины пользуются для этого ослиным молоком или маслом, сбитым из верблюжьего молока.

Главная забота туарегов — уберечь открытые части-тела от палящих лучей солнца, и весь их уход за собой подчинен только этой цели.

Туареги носят одежды из ткани, выкрашенной в цвет индиго. Такая ткань сильно линяет, и кожа становится синей. Туареги не только не смывают эту краску, а, наоборот, даже специально натирают себе лицо и руки куском новой ткани, чтобы, как они считают, защитить кожу от солнца.

Зато полость рта является у туарегов объектом тщательного ухода. После каждого приема пищи они обильно полощут рот водой и чистят зубы с помощью специального прутика, один конец которого изжеван так, что образует кисточку. Для этого используются ветки *ирака* (*Salvadora persica*) или же *джерид* пальм.

Особое внимание туарегские женщины и мужчины уделяют своей прическе, чем, кстати, славятся и жители Ливии. Молодые люди бреют голову, оставляя лишь продольную полосу волос или одну прядь на макушке. Взрослые мужчины носят длинные волосы, заплетенные тщательно и очень искусно в косички; спереди выбривается небольшой участок головы. Причесывают туарегов, как правило, сестры или их подруги, получающие за это в награду щепотку табаку. Прически меняются в зависимости от района: большее или меньшее число косичек либо спадает сзади, либо свисает по обе стороны головы, либо поднято кверху. Иногда мужчины укладывают прядь волос поперек — поверх покрывала, это выглядит весьма эффектно. Когда волосы у мужчин начинают сесть, они бреются наголо.

Женщины также заплетают волосы во множество косичек, которые спадают на виски. У женщин принято причесывать друг друга. Эта работа, требующая долгих часов и терпения, выполняется один-два раза в месяц. Сначала волосы расчесывают гребнем, при этом их посыпают песком или золой — для удаления жира; затем уничтожают вшей, ибо туарегская прическа, как правило, служит приютом для целого сонма этих насекомых. Потом «парикмахерша» специальным ножичком отделяет от волос пряди и, смачивая их водой и маслом, заплетает либо в три-четыре косы, спадающие по обе стороны лица, либо во множество тоненьких косичек. Волосы смазываются маслом для того, чтобы предохранить их от воздействия сухого, горячего воздуха, который делает их ломкими.

Туареги-мужчины отращивают бороду, но почти всегда бреют усы или стригут их очень коротко, чтобы те не мешали под покрывалом, закрывающим нижнюю часть лица.

И мужчины и женщины бреют лобок.

После того как туареги постригутся или побреются, волосы зарываются в землю, чтобы тот, кто держит зло на них, не отнес волосы колдуну, который может сделать из них грозный талисман, навлекающий беду.

Туарегские мужчины и женщины подводят глаза кохлем (сернистой сурьмой), они красят не только брови, но и веки, что делается в лечебных целях: кохль обладает защитными свойствами от болезней глаз, в частности от офтальмии, которой здесь подвержены многие.

У туарегов ценятся длинные и тонкие кисти рук, какие бывают у людей, не занимающихся грубой работой. Специально за руками они не ухаживают, лишь довольно коротко стригут ногти. Обрезки ногтей туареги; тоже закапывают, чтобы ими никто не мог завладеть с целью колдовства.

Менструации

Во время менструаций туарегские женщины не предпринимают никаких гигиенических мер. Весь этот период женщина считается нечистой и не должна совершать молитв. После менструации женщины моются у колодца и там же стирают свои юбки.

Татуировка, румяна

В отличие от многих других берберских народов (шауийя, кабилы и т. д.) туареги не делают татуировок. Способом татуирования некоторые женщины синят себе десны, а иногда и губы, однако этот обычай распространен лишь у племен, живущих в районе Томбукту.

Употребление косметики, напротив, практикуется у туарегских женщин очень широко. Они накладывают себе на лицо охру, тем самым защищая кожу от солнца, а также из эстетических соображений, кроме того, они обводят контуры губ и красят губы краской индиго. На щеки и лоб часто наносят слой темной охры, глаза же подводят черным углем — так женщины якобы защищаются от демонических сил, когда, например, идут в палатку роженицы, ибо считается, что

там полно злых духов.

По случаю торжеств женщины разрисовывают лицо белыми и охряными точками над основанием носа, на щеках и на подбородке. Это, по-видимому, делается для красоты.

У всех туарегов, как у мужчин, так и у женщин, на лбу и на висках имеется два-три рубца в виде прямых линий. Краска индиго с покрывала, попадая туда, создает впечатление татуировки. Эти надрезы делаются туарегам еще в младенческом возрасте с медико-магической целью: считается, что они предохраняют от головной боли и судорог и что после такого обряда дети будут крепкими и начнут раньше ходить.

Терапия, хирургия

Познания туарегов в области терапии и хирургии не слишком богаты. Все болезни у них делятся на две категории: те, что происходят от видимой причины, и ее легко установить, и те, источник которых необъясним. Первые лечатся соответствующими медикаментозными средствами, вторые — с помощью магических приемов.

Терапевтические методы в основном содержат приемы знахарства, они часто эмпирические и при небольшом наборе средств применяются для лечения многих болезней. Это, в частности, кровопускание и прижигание. С помощью кровопускания лекарь уменьшает прилив крови к больному месту; с помощью прижигания снимает боль, уменьшая также прилив крови.

В больших количествах здесь используются местные лекарственные растения, наиболее известны мочегонные и слабительные. Туареги хорошо знают фармакопею, заимствованную ими у суданских негров. Это рецепты использования корней, листьев, семян различных ят лекарственных растений, которые растут в Сахеле и в лечебную силу которых туареги верят. Поэтому, когда они ведут свои караваны на юг, они обязательно закупают лекарственные растения в больших количествах— как для собственных нужд, так и для перепродажи у себя дома или в Айн-Салахе. Туареги хорошо знают и используют и арабские лекарственные растения.

В Ахаггаре редко встречаются серьезные заболевания. Этому благоприятствуют относительно здоровая местность и сухой климат, горный воздух и жаркое солнце, которое пресекает распространение многих микробов. Вот почему здесь не отмечено случаев брюшного тифа и многих других болезней; малярия, столь частая в оазисах, здесь встречается лишь в отдельных земледельческих центрах, в частности в Тахифете. В этом отношении ахаггарам очень повезло, так как при недостаточном соблюдении правил гигиены им не удалось бы справиться с подобными заболеваниями.

Кочевники Ахаггара умирают, как правило, только от старости или в результате насильственной смерти. Иногда случаются здесь и эпидемии, но это бывает редко благодаря изолированности стоянок. Такие эпидемии приносятся всегда караванами или людьми, возвращающимися с юга, из городских центров. Например, эпидемия оспы, довольно часто возникающая в Сахеле, производит иногда большие опустошения в туарегских племенах; тиф, передаваемый через вшей, тоже может скопить целое племя в течение нескольких дней. Однако в Ахаггаре эти болезни довольно редки. Когда с юга возвращается заразный больной, весть об этом распространяется задолго до его прибытия, и больной сразу изолируется. Некоторые эпидемии (например, легочный и желудочный грипп) проникли в Ахаггар лет тридцать-сорок назад и наносят племенам большой урон. Вполне возможно, что эпидемии болезней, никогда ранее не отмечавшихся, стали более частыми в результате смешанности и скученности нынешнего населения в Таманрассете. Так произошло с гриппом, пришедшим с севера.

Туареги сознают возможность заражения во время эпидемии, однако не считают это причиной заболевания: по их мнению, болезнь вызывается злыми духами. Многие туареги, будучи правоверными мусульманами, говорят, что не верят в злых духов, но большая часть талисманов, которые они носят с собой, предназначена именно для того, чтобы уберечь их от нечистой силы и болезней. За талисманами туареги обращаются к марабутам или людям, известным своими познаниями в области оккультизма,— что-то вроде колдунов, *амекеллеу*. Многие марабуты (чтобы не сказать все) спекулируют на суеверии туарегов, наживаются на этом.

Когда туареги узнают, что в одном из них поселился злой дух, они окружают его и поднимают страшный шум, сопровождаемый ударами тамтама, — так они изгоняют из него духа.

Точно так же поступают и с верблюдами, подверженными нервным заболеваниям.

Несколько лет назад в Ахаггаре жила одна женщина благородного происхождения,

страдавшая эпилепсией; у нее были галлюцинации, она утверждала, что одержима злым духом, который находится в ней. Каждый раз, когда у нее начинался припадок, люди стоянки сбегались смотреть на ставшее привычным зрелище. Однажды ей пришлось в голову изгнать из себя демона, и, чтобы дать возможность ему выйти, она рассекла себе горло; рана оказалась столь глубока, что жизнь женщины была на волоске. Она была спасена лишь благодаря стараниям санитаря-переводчика с французского поста в Таманрассете, который зашил ей рану простой белой ниткой! Однако, едва женщина оправилась, припадки у нее возобновились, и она полоснула себе по горлу второй — и последний — раз.

Хирургия в племени кель-ахагар так же элементарна, как и терапия. И терапия и хирургия у них — достояние всех: каждый туарег обладает существующими в этих областях познаниями и навыками и способен вылечить себя и выходить своего ближнего. Тем не менее репутацию лучших «врачей» имеют энадены, скорее всего потому, что они сами изготавливают некоторые хирургические инструменты, а кроме того, благодаря их способности ко всякому ручному труду рука у них тверже.

В их набор инструментов входят зубные щипцы, скарификатор, банки, нож для удаления миндалин, которыми они довольно ловко оперируют. Энаденов совершенно справедливо сравнивают с нашими лекарями-брадобреями былых времен.

Из-за своей воинственной и беспокойной жизни туареги подвержены несчастным случаям. Раны они присыпают сахаром или закрывают повязкой с мелко измельченными листьями *Zizyphus lotus* или растертой смолой *Balsamodron africanum*. Иногда рану заливают маслом, а при заражении накладывают на нее повязку, смоченную маслом, смешанным с золой *аферегака* (*Chrozophora brocchiana*). Зола эта не всегда эффективна, рана иногда долго не затягивается. Мне приходилось видеть такие загноившиеся раны, что требовалось срочное хирургическое вмешательство. В некоторых случаях используются также примочки из верблюжьего помета и масла. К счастью, туареги все чаще обращаются к настоящим врачам.

Переломы у них лечатся так же, как и у европейцев. На сломанную выправленную конечность накладывается слой теста с небольшой прокладкой из козьей шерсти, затем все это фиксируется с помощью шины из деревянных дощечек, положенных на баранью шкуру и закрепленных кожаными ремешками.

Я никогда не встречал туарегов с ампутированными конечностями и не знаю, умеют ли они делать подобные операции.

Операцию обрезания у мальчиков производит марабут с помощью небольшого острого ножа. Ранку смазывают маслом.

Туарегам известен прием промывания кишечника; они делают его с помощью своеобразной клизмы. Последняя представляет собой полую баранью кость, один конец которой скруглен и отшлифован, а другой вставлен в небольшой бурдюк из козьей шкуры, куда и наливается жидкость. Во время процедуры бурдюк сдавливают, и вся жидкость поступает в кишечник. При этом голова пациента находится внизу, а ноги привязаны повыше к дереву. Раствор для промывания кишечника состоит обычно из воды, масла, растертых листьев *эфассо*. Когда необходимо сделать небольшое промывание, используется другое приспособление: наконечник с надетой на него воронкой из мягкой кожи. Если подобную процедуру надо сделать младенцу, мать набирает жидкость в рот, прижимает губы к анусу ребенка и с силой вдывает ее внутрь.

Костюм, украшения

Одежда

Портрет туарега сейчас всем хорошо известен. Задрапированный в длинную темную рубаху, стянутую в поясе, с покрывалом на голове в форме шлема, величественный и вместе с тем таинственный, возвышается он на своем тонконогом мехари, к седлу которого приторочен широкий щит из шкуры антилопы, столь же знаменитый, как и его хозяин.

Туареги, даже бедные, одетые в лохмотья, всегда, при любых обстоятельствах сохраняют гордую и полную достоинства осанку.

Мужской костюм одинаков во всех туарегских конфедерациях. Он состоит из: 1) просторных шаровар с широкими, с напуском штанинами, собранными в лодыжке и свободно спадающими на стопы; шаровары держатся на талии с помощью кожаного шнура; 2) длинной,

очень широкой *гандуры*, сделанной из прямоугольного куска ткани, сложенного и сшитого по четырем углам; *гандура* доходит до икры и свободно спадает, на чаще всего подвязывается в талии поясом; 3) покрывала, скрывающего лицо; остаются видны только глаза и лоб. Такова обычная одежда туарегов.

В их праздничный наряд входит несколько надетых друг па друга *гандур*: внизу — белая, сверху — синяя, цвета индиго, у богатых людей есть еще и третья полосок хлопчатобумажной ткани, привезенной из Сахс ля, где основной тон обычно фиолетовый, а грудь и плечи покрывает большая, тонкой работы вышивка; у этой *гандуры* на левой стороне, на груди, имеется широкий и глубокий карман. Бедра обматывают широкими полосками ткани, белыми и красными или синими, образующими пояс и скрещивающимися на груди в виде портупей; большие шелковые шнуры с красными или зелеными кистями довершают этот костюм, придающий туарегам нарядный вид.

Вот уже несколько лет, как туареги стали носить обычные рубашки с длинными рукавами; они надевают их прямо на голое тело.

Бурнус встречается у туарегов очень редко — лишь у немногих вождей. Обычно его заменяет длинное покрывало из туатской шерсти (*доккали*), в которое они закутываются, или же *хаик* — покрывало из тонкой шерсти, накидываемое на плечи.

Вся одежда (за исключением *гандуры* из хлопчатобумажных полос) — из европейской ткани, густо окрашенной в индиго, придающее ткани блеск. Называется она *шега* или *мальти*. Это излюбленная ткань туарегов обоого пола, но менее обеспеченные люди вынуждены довольствоваться обычной белой тканью.

Мужские покрывала изготавливаются в Нигерии, в деревне Кура, близ города Кано. Они плетутся из множества (от девяти до восемнадцати) узких полотняных полос; цены на эти покрывала очень высоки, зависят от количества полосок и могут равняться стоимости трех-пяти коз. На языке народа хауса они называются *тукурди*, это название переняли и туареги. *Тукурди* издавна лежат в основе всех торговых сношений. Покрывала бывают также из белого или синего полотна.

Интересно происхождение обычая, по которому туареги носят эти покрывала. Однако, когда у туарегов спрашивают об этом, они неизменно отвечают, что не знают, а лишь следуют обычаям предков. На этот счет высказывались разные предположения. Назывались соображения гигиены, необходимость защищать дыхательные пути от песчаного ветра и жары. Однако почему-то этот обычай не принят у женщин; кроме того, туареги не снимают покрывала и в хорошую погоду. Причина, таким образом, кроется не в этом. Предполагалось также, что это делается с целью скрыть лицо от врагов, но и этот аргумент, по-видимому, лишен основания, ибо покрывало несколько не мешает туарегам узнавать друг друга. И наконец, несколько легенд, не очень лестных для туарегов, распространяют арабы. Одна из них такова: когда-то после одного сражения, в котором мужчины-туареги оказались недостаточно храбрыми, их женщины будто бы заявили им: «Отныне покрывало будете носить вы, а мы будем ходить с открытым лицом». Другая легенда гласит, что однажды женщины одного берберского племени, когда их мужья отсутствовали, изменили им. Те, чтобы отомстить женам, отрезали им носы. Для сокрытия своего бесчестья женщины и ввели обычай носить покрывало, который затем перешел и к их потомству. А нынешние туареги якобы и произошли из этого племени.

Все эти объяснения — лишь плод фантазии, равно как и выдвигаемая некоторыми гипотеза, что в этом покрывале следует видеть своеобразную трансформацию шлема крестоносцев Людовика Святого, чьими потомками якобы являются туареги.

В действительности же дело здесь, по-видимому, в каком-то древнем табу на рот. Может быть, легенда о безголовых людях (блемисах) Помпония Мелы и родилась именно из этого обычая носить покрывало? Тем не менее античные авторы, греческие и римские, никогда а нем не упоминали. Кроме того, и ливийцы на древнеегипетских памятниках всегда изображались с открытым? лицом. И по меньшей мере странно, что такой исключительный обычай, если бы он уже существовал тогда, никак не был отмечен.

Изучая наскальные рисунки массива Тассили, профессор Э. Ф. Готье обнаружил, что некоторые человеческие фигурки на них имеют вместо головы лишь палочку: он усмотрел в этом табу на голову, то есть происхождение покрывала у туарегов. Однако более поздние изыскания показали, что это лишь случайность: просто головы людей на этих рисунках были нарисованы другой краской, чем само тело, и, поскольку материал этот оказался менее стойким (древесный уголь или белила), они просто-напросто стерлись со временем! Разгадка, таким образом, кроется и

не здесь.

Впервые о покрывале упоминает Коррип, но имеет ли он в виду покрывало, которое носилось на манер туарегского? А вот у первых арабских авторов, рассказавших о сахарских народностях, отмечено ношение именно такого покрывала. По словам Ибн Халдуна (XIV век), все жители Сахары — и Мавритании, и марокканского юга, и Центральной Сахары — носили его. Вследствие же происшедшей интенсивной исламизации племен Мавритании последние от ношения покрывала отказались, и основными его обладателями остались туареги.

У туарегов считается неприличным показать рот: покрывало — та часть костюма, с которой они никогда не расстаются. Чтобы достать воду из колодца, туарег может снять *гандуру*, высоко закатать шаровары, но покрывало останется на голове. Высокородный мужчина никогда не снимет покрывала в присутствии женщины, это считается очень неприличным. Благородные женщины Ахаггара, состоящие в браке более двадцати лет, гордятся тем, что ни разу не видели рта своего мужа. Этот своеобразный знак уважения мужчина оказывает и родственникам — отцу, матери, дядям, тетям, старшим двоюродным братьям и сестрам, то есть каждому, чей возраст дает основание для почтительного отношения. Никогда не показывать рот, даже во время еды, — таково абсолютное правило, нарушаемое только людьми «изшего сословия или мужчиной-туарегом, когда он находится в компании мужчин-сверстников, с которыми вместе вырос. Если случится, что покрывало нечаянно упадет с лица мужчины, то он тотчас же быстро водворит его на место, но самым первым его движением будет закрыть рот рукой.

Почему? Здесь нам придется признать свою полную неосведомленность. Готье объясняет это так: через рот осуществляется дыхание, дающее жизнь, поэтому туареги именно здесь считают необходимым защитить себя от проникновения внутрь злых духов, разной грязи и т. п. Несомненно, что источник возникновения данного ритуального обычая следует искать в этом направлении. Правда, его не соблюдают женщины, отчего убедительность такой трактовки делается весьма уязвимой. Во всяком случае, причинная связь забыта, и ношение покрывала превратилось в ритуал проявления уважения и почтительности.

Покрывало, эта маска для рта, стало ныне убором и настолько превратилось в предмет щегольства, что заставляет забыть о существовании какого-то первоначального его назначения.

Это покрывало (*литам* — по-арабски, *тагельмуст* — на языке *тамашек*) вручается отцом сыну, когда тот достигает зрелости. В этот же день он получает меч и становится мужчиной-воином. Скромная церемония в связи с этим событием носит семейный характер; юноша, надев свои новые одежды, наносит визиты жителям стоянки, женщинам и девушкам, которые дарят ему маленькие подарки, табак. С этого дня он имеет право присутствовать на *ахале*, ухаживать за девушками, но самое главное — должен вести себя отныне как подобает взрослому мужчине.

Манера носить покрывало различна в разных племенах; некоторые же сообразно своему вкусу следуют существующей моде. Так, в 40—50-х годах молодые люди Ахаггара переняли моду носить покрывало у людей племени кель-феруан из Аира, за что подверглись суровому осуждению старейшин своего племени. Однако кроме общепринятой моды есть еще и особый фасон, какой-нибудь штрих, который придает покрывалу особую элегантность. По манере носить *литам* можно судить о характере его владельца (почти как у нас, когда надетая особым образом каскетка или шляпа позволяет сделать аналогичное наблюдение). Есть манера сдержанная и стыдливая, принятая, когда приходят на стоянку, где есть женщины; манера щегольская и изысканная, когда идут на любовное свидание; гордая манера воина, сознающего свое достоинство; своеобразная манера амрида или слуги-бахвала. Есть также манера непринужденная, легкая по стилю, характеризующая юношу как жизнерадостного и славного малого, или же неряшливая, выдающая человека неуравновешенного, легко возбудимого. Покрывалом можно выразить и различные чувства. Например, покрывало надвигается низко на глаза перед женщинами и уважаемыми людьми, в то время как, поднятое высоко на лоб, оно говорит о фамильярности. Чтобы вдоволь посмеяться понравившейся шутке, туарег поднимает повыше на нос нижнюю часть покрывала, а в минуту раздражения затянет ее, как ремешок, под подбородком, чтобы скрыть свой гнев.

Праздничная одежда, надеваемая по случаю религиозных или семейных торжеств, дополняется многочисленными тюрбанами из белого муслина и разноцветными шелковыми и хлопчатобумажными лентами; высокий праздничный головной убор позволяет прикрепить к верхнему его краю множество ленточек из хлопчатобумажной ткани и переплести их — получается что-то наподобие хвоста у шлема. Макушка при этом не закрывается, и через прозрачную белую ткань убора видны заплетенные в мелкие косицы волосы. При бракосоче-

таниях и других торжественных обстоятельствах когда-то существовал обычай надевать *такумбут* — нечто вроде большой *шеши* из сукна, украшенной множеством помпонов и покрытой серебряными накладками. Теперь этот головной убор почти исчез: во всем Ахаггаре найдется лишь один или два.

Дополнением к костюму туарега служат сандалии. Ахаггары носят сандалии двух видов: *ирратимен* — широкие сандалии с закругленными мысом и пяткой, из бычьей кожи с простыми ремешками из красной кожи, скрещивающимися на подъеме стопы; *имеркеден* — сандалии прямоугольной формы, сделанные из кусочков козлиной кожи, нашитых один на другой, с ремешками, огибающими пятку и завязывающимися узлом на подъеме. В обоих случаях ремешок продевается между большим и вторым пальцами ноги.

Ирратимен чаще всего носят люди с достатком. Такие сандалии особенно ценятся в песчаных районах, так как их большая несущая поверхность не дает ногам проваливаться в песок. Эти сандалии, изготавливаемые ремесленниками народа хауса из Агадеса и Дамергу, заимствованы у них ахаггарами недавно и вопреки широко распространенному мнению не являются туарегскими. Впрочем, это не единственное заимствование людей. Ахаггара у людей Аира и ремесленников хауса.

Исконно ахаггарские сандалии — это *имеркеден*; их носят до сих пор и в основном жители гор, потому что они хорошо приспособлены для ходьбы по гористым тропам, по скользким утесам; они лучше держатся на ноге, чем *ирратимен*. Их носят простые люди, икланы, не имеющие возможности приобрести сандалии, изготовленные ремесленниками-хауса; зато все они умеют делать очень удобные *имеркеден* из старых кусков козлиной кожи, всегда имеющихся под рукой.

Зимой для защиты от холода мужчины носят нечто вроде кожаных носков (*абухеген*), которые надеваются вместе с *ирратимен*. Кроме того, в Таманрассете можно встретить приехавших туда вождей, обутих в арабские *собофы*. (для защиты от холода), а также в европейскую обувь.

Если мужской костюм не меняется или меняется (в зависимости от района) очень мало, то совсем по-иному состоит дело с женской одеждой. Наряд женщин Ахаггара характерен только для этой местности: женщины Аира и иуллеммедены одеваются по моде, присущей только им.

В отличие от арабов туарегские женщины не носят шаровар, вместо этого они наматывают вокруг бедер кусок белого полотна в виде юбки. Сверху ахаггарские женщины носят *гандуру* из белой ткани, такую же, как у мужчин, но сшитую по бокам. Богатые женщины надевают на нее вторую *гандуру* цвета индиго. На плечи наброшено покрывало из полотна цвета индиго или из тонкой шерсти, а то и из шелка, к которому прикрепляется большой ключ из меди с чеканкой, не дающий ветру сорвать покрывало. В Аире *гандура* заменена маленькой болеро, или, точнее, очень короткой блузкой. В племенах иуллеммеденов женщины ходят обычно с обнаженным торсом или довольствуются прямоугольным куском ткани, свободно наброшенным на плечи.

Женщины не закрывают лица покрывалом, как это делают мужчины, а носят небольшую мантилью (*акерки*), сделанную из одного-двух *тукурди*, которой прикрывают голову и часть лица, когда прячут его от чужих. Во время переездов женщины Ахаггара надевают на себя большие соломенные шляпы с широкими полями (*теле*, что значит «тень»), чтобы укрыться от палящего солнца.

Обуваются ахаггарские женщины, как и мужчины, в *ирратимен* или же те, кто живет в горах, — в *имеркеден*. В Сахеле во время сезона дождей они заменяют ирратимен из кожи на очень легкие деревянные ирратимен, напоминающие сабо.

Зимой женщины, так же как и мужчины, кутаются в *доккали* — двухметровый кусок шерстяной ткани из Туата.

Одежда из полотна существует в обиходе туарегов-издревле: кусочки льняной и шерстяной ткани был найдены еще в доисламских могильниках. Кроме того, ливийцы на изображениях, встречающихся на египетских монументах, одеты в широкие расшитые плащи. Вместе с тем у них в ходу была и одежда из кожи, в следы этого есть еще и сейчас у племен в некоторых районах. Например, икланы Ахаггара и отдельные исек-кемарен носят туники из кожи, отделанные бахромой (*тибетик*). Имрадские и особенно икланские мальчики-ходят иногда в штанишках из кожи газели (*аргаг*), а женщины носят зимние накидки из козлиной кожи, отороченные мехом (*тегельмин*). В Аире девочки носят кожаные фартучки; у иуллеммеденов и тенгерегифов жены икланов носят короткие юбки из кожи (*убу*); длинные кожаные закрытые платья носят женщины того же сословия в племени кель-эс-сук из района Ансонго. Очень точно

им соответствует платье ливийской женщины, описанное Геродотом.

Украшения, драгоценности

Щегольство — неотъемлемая черта туарегов Ахаггара, и это тем более удивительно, что живут они в столь примитивных условиях. Их тяга к украшениям, стремление и желание нарядиться представляют внешнюю» сторону их жизненной концепции, где любовь к роскоши и удовольствиям смешана с военной театральностью⁶. Они больше заботятся об одежде, чем о желудке, и готовы всем пожертвовать ради того, чтобы щегольнуть, готовы лишиться себя пищи, части своего-состояния — и все это для того, чтобы обзавестись богатой одеждой, разноцветными лентами (для головного убора), чехлами к амулетам, которые они носят скорее ради красоты, чем из религиозных побуждений.

Женщины подвержены той же болезни и не знают ни сна ни отдыха, пока не достанут столько драгоценностей, чтобы выглядеть нарядно и достойно.

У мужчин не так уж много украшений. Некоторые любят перстни из серебра (золото у туарегов совсем не ценится), простые кольца, гладкие или слегка витые, обычно массивные и грубо обработанные. На одной или на обеих руках, повыше локтя, они носят браслеты (*ахбег*) из змеевика, сланца или мягкого известняка.

В сахельских районах, где нет этих камней, браслеты часто вырезают из акации. Дювейрь писал, что браслет этот служит оружием, на самом же деле он является лишь украшением: браслет настолько хрупок, что, если его сильно сжать, он сломается, и человек, который его носит, может серьезно пораниться.

В настоящее время туареги — единственные среди африканских народностей, кто носит такие каменные браслеты, за исключением отдельных групп людей, контактирующих с ними и подражающих им. Подобные браслеты были в большом обиходе во времена неолита: их обломки нередко находят в слое, датированном этой эпохой. Древние образцы сделаны из кости и сланца и поэтому, как правило, довольно легки, что не позволяет предположить их боевое назначение, а свидетельствует о декоративном характере.

Туареги Ахаггара могут делать браслеты сами: в торах есть немало мест, где добывается камень, используемый для этих целей. Однако чаще они покупают браслеты на рынках Агадеса, куда их поставляют ремесленники Аира. На рынках Гао и Томбукту можно часто встретить изделия из известняка типа мрамора, который добывается близ Хомбори.

Браслет из камня не может рассматриваться как оружие, он скорее носит магический характер: делает руку сильнее. На многие браслеты туарегов нанесены надписи на *тифинаг* — любовные девизы или призывы к верности.

Своего рода украшением можно считать и множество чехольчиков, которые туареги носят на груди и на шее. Это нарядные (разрисованные, вышитые или украшенные тиснением) кожаные мешочки, в коих хранятся самые разнообразные маленькие предметы. Так, существуют чехольчики для зеркала, иголок, бритвы, ножниц, зубочистки и т. д. и сумочки-кошельки, куда туареги кладут самое ценное — деньги, кремень и огниво, табак.

На груди, руках и головном уборе туарегов, как правило, висит множество амулетов, их футляры сделаны из кожи или металла; однако этот обычай, первоначально религиозный, теперь носит характер декоративности, так как во многих из них уже ничего не хранится.

Женская бижутерия гораздо богаче и разнообразнее. Она вся из серебра, на туарегах никогда не увидишь украшений из золота. Они считают, что золото приносит несчастье, что этот металл насылает порчу на людей. Неприязнь, которую они испытывают к золоту, граничит с табу. Один очевидец рассказывал, что вождь туарегов Акиль из Томбукту, получив налог золотом, не касался его руками, а когда ему пришлось делить его, использовал палочку. Женщины носят на пальцах много массивных круглых перстней с полостями, внутрь которых помещают камушки, позванивающие, как погремешки; некоторые перстни сделаны наподобие медальона, где женщины держат благовония. Богатые женщины носят по два, три, даже четыре перстня на каждой руке, кольца надевают даже на мизинец.

Запястья украшают серебряные браслеты, сделанные из треугольников, полых внутри и украшенных насечкой. У женщин имеются еще довольно широкие браслеты из черного рога, а также браслеты сахельского производства, сделанные из разноцветного бисера, нашитого на кожу.

---

⁶ См.: Пути развития театрального искусства стран Африки. М., 1983.— *Примеч. ред.*

В Мали и Нигере женщины чрезвычайно ценят браслеты из стекла голубовато-бирюзового цвета, изготавливаемые в Нигерии; некоторые женщины Ахаггара тоже носят такие браслеты.

На шее женщины обычно носят ожерелье: крупная овальная бусина из слоновой кости в обрамлении бус из голубого и черного стекла, перемежающихся с серебряными шестиугольниками. По одним данным, эта бусина — из кости какого-то животного из Нигера, по другим — из бивня носорога или слона. Во всяком случае, это украшение (*амереуен*) очень ценно, оно — большая редкость и передается по наследству от матери к дочери.

Кроме ожерелья женщины носят на груди серебряные кулоны. В основном они в форме ромба, небольшие по размеру, с красным бисером в центре. Ряд маленьких пластинок из того же металла образует подвеску кулона. Ромб обрамлен бусинами из серебра с шестиугольным куполом и красными или голубыми стеклянными бусами. Другой кулон — треугольной формы — большего размера. Он представляет собой плоский медальон, украшенный чеканкой из повторяющихся треугольников и с выступающими в центре и по углам кабошонами; он имеет подвеску из маленьких треугольных пластинок, образующих шестиугольники, или же из трех треугольников меньшего размера, также украшенных пластинками.

Стиль всех этих украшений прост и присущ именно туарегам. Своими узорами в виде треугольника они внешне напоминают берберские североафриканские украшения кабиллов, шауя, марокканцев, однако внутренние декоративные мотивы и техника исполнения узоров свидетельствуют о большой самобытности туарегских украшений.

Крест в узоре, называемый агадесским, столь часто встречающийся у кель-аир и кель-гресс, распространился в Ахаггаре сравнительно недавно.

Туарегские женщины Ахаггара носят не серьги, а большие, массивные кольца из серебра, которые висят по обе стороны лица на уровне уха на кожаном шнурке, свисающем с темени. Очень часто можно увидеть у них на голове небольшие кулоны, гармонирующие с нагрудным кулоном, которые прикрепляются на головном уборе или на косах. Обычно они свисают на висках и на средней косе, спадающей на спину.

Иногда на украшениях женщин из окрестностей Таманрассета видны мотивы треугольника, свойственные Айн-Салаху.

Женщины, так же как и мужчины, носят на груди амулеты и кожаные чехольчики, где хранят ножницы, зеркальца, иголки, карандаши для бровей, зубочистки, а также кошелечек с табаком в одном из его отделений.

Мужчины и женщины всегда имеют при себе небольшой пинцет для удаления заноз (ирремдан), который носят на шее. Женские пинцеты изготавливаются из меди в форме двойного треугольника и превратились уже в украшение, поскольку отличаются тщательностью отделки. Мужской пинцет более прост, его дополняют небольшое шило и перочинный нож; получается маленький портативный набор хирургических инструментов.

Туареги носят свои украшения и драгоценности только по праздникам, а так они хранятся у них в кожаных сумках, запирающихся на довольно любопытные замки треугольной формы с изящной гравировкой. Внутри замок имеет один или два язычка и запирается большим ключом, который туареги всегда носят с собой.

Искусство и ремесло туарегов Ахаггара

Туареги ведут примитивную жизнь кочевников и пастухов, которая отнюдь не способствует развитию ни ремесел, ни искусства, как такового. Все направлено лишь на удовлетворение насущных потребностей, то есть на то, чтобы иметь жилище, постель, одежду (седла, сбрую), домашнюю утварь (сосуды и разные миски — как для личного пользования, так и для ухода за животными, а также для хранения молочных продуктов). Фактура предметов обихода зависит в значительной степени от имеющихся подручных средств, а они здесь весьма скудны. В распоряжении кочевников Центральной Сахары находятся только дерево, стебли дикорастущих злаков и шкуры домашних и диких животных. Такой ассортимент материалов, впрочем, типичен не только для туарегов Сахары, но и для всех пастушеских народов степных и пустынных зон, будь то бедуины Аравии или кочевники-коневоды Центральной Азии. Все кочевые народы, которые занимаются пастушеством, удовлетворяют свои нужды более или менее сходным образом. Подойник, деревянная миска похожи во всех районах от Эфиопии до побережья Атлантики, и вполне вероятно, что, расширив круг исследований, можно было бы обнаружить это сходство и в Южной Африке, и в Азии.

Все предметы обихода так просты, что могут быть изготовлены любым туарегом, при этом мужчины выполняют преимущественно работу по дереву и изготавливают упряжь, женщины же занимаются обработкой кожи и плетением, а в последнее время и ткачеством.

А вот работа с железом и вообще с металлами им незнакома; сегодня ею занимаются люди из касты эна-денов, то есть ремесленники и кузнецы, которые влились в туарегское общество, но считаются чужими, что соответствует действительности. Их появление, впрочем, очень изменило жизнь туарегов. В наши дни туареги, если возникает необходимость изготовить такие предметы, как опоры для палаток, блюда, подойники и т. д., обращаются к энаденам или же покупают эти предметы в Нигере, где они дешевле.

Существует свидетельство того, что в Ахаггаре когда-то работа по дереву была женской; женщины, принадлежащие к высшей знати, ради собственного удовольствия с помощью тесла изготавливают деревянные миски, воронки, лопатки для подметания и т. п. Они оставляют их себе или дарят женам своих имрадов, которых очень трогают подобные подарки. Я видел на ахаггарских стоянках множество такой утвари (отдельным предметам было до ста лет и более), сделанной руками знатных, благородных женщин («таменокалин»), их имена благоговейно хранят в памяти, а сделанные ими предметы берегут и боготворят. Это тем более примечательно, что хорошо известно, какое презрение туареги питают к ручному труду.

Из дерева изготавливают сосуды для хранения пищи, подойники, миски, ступки, пестики, колья, опоры и поперечины для палаток, поперечины и планки для седел (что касается самих седел, то их делают энадены).

В Ахаггаре растет не более пяти-шести пород деревьев, годных для обработки; основные — тамариск и тальха. Деревянные изделия очень просты по форме и менее разнообразны, чем в сахельских племенах.

Огромную роль в хозяйстве играет кожа. Известно, что раньше кроме главного объекта изготовления — тента для палатки — из кожи шилась вся одежда, мужская и женская. Эту работу выполняют все женщины из благородной касты имрадов. Все они умеют дубить кожи, выделывать их, мять, шить, украшать, в том числе и вышивкой. Трудно найти еще народ, владеющий этим искусством на столь высоком уровне. Они шьют большой тент для палатки, седельные сумки разнообразных форм с великолепной отделкой, верблюжьей уздечки, бесчисленное множество чехольчиков для хранения мелких предметов, бурдюки для воды и масла, подголовники, шнурки для амулетов, сандалии имерке-ден и т. д. Для выполнения всех этих работ в их распоряжении находятся лишь маленький ножик, который точат о камень, шило и несколько деревянных гладил. Плетение у туарегов развито не сильно по той простой причине, что для этого здесь недостаточно растительного материала. Лишь стеблям дикорастущего злака *Panicum turgidum* нашлось применение благодаря изобретательности туарегских женщин; они плетут из этих жестких стеблей большие циновки-щиты, которыми окружают палатку, циновки-постели и циновки-крышки для мисок. Стебли соединяются маленькими полосками кожи. Это сочетание стеблей и кожи — одна из самых удачных находок — позволяет делать орнамент из геометрических узоров, и в то же время достигается высокая прочность. Плетеные веялки приобретаются в основном на юге или изготавливаются женщинами-харратинками из земледельческих центров; для них используют тростник *дисс* и пальмовые листья; последними пользуются и туарегские женщины, делая себе шляпы с широкими полями для защиты от солнца, а также кошельки для хранения мелких предметов.

Прядением занимаются все туарегские женщины; прядут любую шерсть: и козью, и верблюжью, и муфлоновую, вычесываемую у животных с колен и шеи. Из козьей шерсти делают седельные подпруги, очень прочные веревки для крепления вьючного багажа, палаток, бурдюков и т. д. Из шерсти муфлона плетут веревки, которыми мужчины привязывают попоны к спине своих мехари, и поводки для охотничьих собак. Из верблюжьей шерсти, довольно редкой, поскольку эти животные в Ахаггаре короткошерстные, плетут короткие веревки для верблюжьих пут и защитные сетки для вымени верблюдиц в период кормления.

Ткачество у туарегских женщин ограничивается изготовлением сумок из козьей, реже верблюжьей шерсти. Техника его весьма примитивна, и ремеслом это назвать нельзя; впрочем, ткачество постепенно исчезает в Ахаггаре, лишь несколько благородных женщин еще занимаются этим делом; в сахельских же племенах его уже еет.

К этим ремеслам можно прибавить еще резьбу по камню при изготовлении наручных браслетов. Некогда в Асексеме, Херахарте, Тин-Алулаге, Тин-Биланбиле разрабатывались залежи змеевика или сланца. Ныне техника обработки, применяемая в эпоху неолита, почти не

используется. Сланцы обрабатывались ножом и пемзой и обтесывались теслом. На юге Силета, на берегах уэда Таманрассет, существовало одно месторождение сланца, где при помощи специального сверла из него изготавливались браслеты.

Обработка металлов — железа, серебра, меди — народится исключительно в руках энаденов. Этих металлов, за исключением железа, нет ни в Ахаггаре, ни в его окрестностях. В некоторых скалах вулканического происхождения встречается железная руда, но ее содержится там так мало, что усилия по ее добыче были бы неадекватны добытому количеству железа. Кузнецам была известна техника выплавки металла; не имея для этого специального приспособления, они использовали одновременно несколько кузнечных мехов. Они рыли в земле яму, закладывали туда древесный уголь и руду и с помощью двух мехов, расположенных по бокам, раздували огонь; у основания такого очага делался желоб, по которому оттуда стекал расплавленный металл и попадал в небольшое углубление, где и остывал.

В основном железо, медь и серебро привозили караваны, шедшие с севера или из Сахеля.

Теперь необходимое железо можно добыть на свалках, устраиваемых европейцами: это остатки старых автомобилей, рессоры от машин, листовое железо, консервные банки и т. д.

Серебро получают из монет. До появления французских монет у туарегов имели хождение турецкие деньги, особенно серебряные талеры Марии-Терезии; они долгое время служили основной монетой во всей Центральной Африке. Талер Марии-Терезии был завезен в Африку в начале XIX века моряками и торговцами, посещавшими Гвинейский залив. Как и железный брусок, он стал основой торговых обменов и имел стабильный курс в Западной Африке и Эфиопии.

Обнаружив, что население Центральной Африки отдает предпочтение этой монете, англичане и итальянцы тоже стали ее чеканить; вот почему на рынке в Кано еще и сейчас можно встретить совсем новые монеты: помеченные 1777 годом. Они все еще в почете у местного населения и ценятся выше других монет.

Алюминий, недавно появившийся в районе Нигер, используется ремесленниками Ахаггара лишь для отделки оружия, изготавливаемого на продажу туристам: так как он не нашел признания у местных жителей; только женщины-харратинки делают из него больше серьги, так как цены на серебряные изделия им не по карману. Одно время алюминиевые трубки и расчалки из подбитых самолетов находили применение у туарегов в качестве подпорок в палатках.

Из серебра делают кулоны, подвески к головному убору, браслеты, перстни, серьги, амулеты и т. д., причем цена этих изделий зависит только от стоимости затраченного металла.

Медь в настоящее время добывают из патронных гильз. Она используется при изготовлении большого количества наиважнейших и самых ходовых вещей: седельных атрибутов, уздечек для верблюдов, замысловатых замков, пинцетов для вытаскивания заноз, ножей для волос и т. д. Этот металл легче поддается обработке, чем серебро: на изделиях из меди нередко делается чеканка, гравировка, насечка узоров оловом, техника которой напоминает дамасскую. Различные железные предметы, ножички, *монгаши* (набор, включающий лезвие, пинцет и шило) имеют насечку медью.

Медь и серебро плавятся в небольших углублениях в земле, выложенных обожженной глиной; высокая температура достигается с помощью горна (с двумя или одним мехом) такой конструкции, которая распространена у всех сахарских кочевников. Изделия из этих металлов обрабатываются на наковальнях.

Энадены Ахаггара делают оружие лишь в исключительных случаях, в основном же они занимаются его починкой. Клинки для палашей большей частью привозятся из Европы и монтируются ремесленниками; тем не менее есть немало палашей и местного производства, особенно у иуллеммеденов, но низкого качества.

Цельнометаллические копья обычно изготавливаются ремесленниками племени кель-грес из района Тессауа, где находятся железорудная шахта и доменные печи. Кинжалы делают везде, самые знаменитые — ремесленников Агадеса, часто использующих при их изготовлении клинки старых мечей. Раньше кель-ахаггар покупали такие кинжалы в основном в Айн-Салахе и в Гате.

Настоящий обзор технологии производства у туарегов кель-ахаггар говорит о скудости ремесел. Кроме обработки кожи, изготовления изделий из дерева и плетения здесь трудно говорить о каком-то присущем им искусстве. Ведь, за некоторым исключением, все мотивы на изделиях из металла заимствованы у сахельских племен, а все модели драгоценных украшений взяты из Аира, Адрар-Ифораса, и это объясняется тем фактом, что все кузнецы — уроженцы Адрар-Ифораса.

Согласно преданию, кель-ахаггар не имели своих; кузнецов до правления султана Гомы, которому их подарил султан Марокко. В правление аменокаля Ахитареля во время одного сражения было убито очень много кузнецов, в результате у Ахитареля осталось всего два-три ремесленника, способных лишь чинить оружие. Тогда он решил предпринять *реззу* против людей племени кунта клана даг-эш-шейх, где их было много. Взятых в плен кузнецов Ахитарель доставил в Ахаггар, они стали работать под присмотром кузнеца Алами-на. Именно от них и произошли теперешние кузнецы Ахаггара.

Что же касается происхождения самих кузнецов из даг-эш-шейх, то очень похоже, что многие из них — потомки иудеев Таментита, изгнанных из Туата в 1495 году, которые смешались с черными рабами. Они и положили начало всем ремесленникам, живущим сегодня в сахельских племенах.

В Аире есть и другая ветвь кузнецов, — видимо, триполитанского происхождения.

Любопытно, что декоративные мотивы сахельских туарегов, особенно на изделиях из кожи, очень близки узорам на марокканских украшениях из серебра с эмалью. Весьма вероятно, что ремесленники, происшедшие от иудеев Таментита, распространили эти мотивы у туарегов.

Вкусы туарегов устойчивы и неизменны на протяжении веков. В свидетельствах столетней давности упоминаются те же предметы, той же формы, тех же размеров, той же расцветки. Их изготовители лишь скрупулезно копировали образцы, не внося никаких (или совсем мало) изменений. Верно также и то, что знад — это не художник, а рабочий-ремесленник, способный работать более или менее прилежно. Только один-два из них позаимствовали мотивы у смежных художественных промыслов для изготовления некоторых предметов, пользующихся спросом лишь у туристов. Большим спросом у туарегов пользуются глиняные сосуды. В Ахаггаре их делают проживающие в земледельческих центрах женщины-негритянки, женщины-харратинки! Или отпущенные на свободу рабы.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Теперь проследим все этапы жизни туарегов.

Тиуит (рождение ребенка)

Брачные узы, как правило, подкрепляются рождением ребенка, которое не заставляет себя долго ждать. Для молодой пары считается неприличным не иметь детей, а бесплодие одного из супругов служит серьезной причиной для развода.

Беременная женщина окружена уважением, но от домашней работы не освобождается. Когда наступает время родов, женщину отправляют на стоянку ее родителей. Лишь в случае чрезвычайных обстоятельств жена рождает на стоянке мужа.

Роженицу помещают в специально поставленную для этого палатку. При ней обычно находится повитуха, которая массирует ей живот и следит за положением плода; если положение плода неправильное, она заставляет женщину кататься по полу. Никаких вагинальных обследований не производится. Если роды оказываются сложными, повитуха может призвать на помощь марабута. Тот остается снаружи палатки, дает советы, но лично вмешиваться не может, так как не допускается к роженице.

Во время родов женщина обычно садится, прислонившись спиной к центральной опоре палатки и согнув ноги в коленях. Ребенок падает на заранее насыпанную «подстилку» из тонкого песка. Повитуха тотчас перерезает пуповину, моет ребенка в теплой воде и, ущипнув, заставляет его закричать, чтобы убедиться в том, что он живой. Затем ребенка берет мать, впрыскивает ему в ноздри немного своего молока, тянет за нос, чтобы он стал более длинным и тонким, руками сжимает его голову, стремясь придать ей удлиненную форму. Обычай этот, несомненно, идет от традиции деформировать череп, уже не существующей ни у туарегов, ни у египтян.

Отец, узнав о рождении ребенка, сразу же режет барана и посылает мясо жене: баранина предназначается для питания ее и повитухи. Роженица пьет много мясного бульона. Молодая мать иногда встает через два-три дня после родов.

Рождение мальчика воспринимается с большей радостью, чем появление на свет девочки, поскольку он со временем станет воином и укрепит военную мощь племени. В этом случае все мужчины и женщины спешат поздравить молодую мать; когда рождается девочка, то навещать

ее приходят лишь женщины. Готовясь к такому визиту, туарегские женщины, как правило, красят желтой охрой подглазья и обводят ею рот, чтобы, как считают туареги, отогнать злых духов, которые всегда витают в палатке, где появился новорожденный. На седьмой день после рождения ребенка женщина возвращается на стоянку мужа в сопровождении родственниц и братьев, если они у нее есть. Тогда-то отец в первый раз и видит своего ребенка.

Наречение

Выбор имени младенцу происходит с помощью вытягивания соломинки; у кого оказалась короткая соломинка, тот и дает ему имя. В племенах Аира, если из-за выбора имени возникает спор, все участвующие в нем приносят козленка, назвав его выбранным для ребенка именем, которое держат в тайне. Молодая мать выбирает того козленка, который ей больше понравится, и животное закалывают; данным ему именем нарекают ребенка. Затем устраивается угощение для всех людей стоянки, приглашают и марабуту; если к нему обращались за помощью, то марабуту делают еще и подарок. В тот же день новорожденному стригут волосы, а марабут вешает ему на шею амулет.

Имена, которые даются детям, довольно разнообразны и причудливы. В этом отношении у туарегов наблюдаются обычаи, сходные с обычаями американских индейцев; например, родители при выборе имени обращают внимание на какие-нибудь случайные обстоятельства, сопутствовавшие рождению ребенка. Я знал девочку по имени Тедигрес (что означает «град»), названную так потому, что в момент ее появления на свет шел град. Название какого-нибудь животного тоже может послужить именем, например: Анаба (пантера), Абеги (шакал), Акотей (тушканчик), Тинерт (антилопа), Тахенкот (газель) и т. д.

Под влиянием арабов туареги переняли многие имена, заимствованные из Библии и арабизированные. Это Муса — от Моисея, Юнее — от Иона, Фирхун — от фараон и т. п.

У туарегов существуют также очень древние имена, значения и происхождения которых уже никто не помнит: Ахамук (мужск.), Амасган (мужск.), Иклу (мужск.), Шеку (женск.), Тингелуст (женск.). Последнее происходит, возможно, от латинского «ангелюс».

К имени ребенка, кроме того, добавляется имя отца. У туарегов нет фамилий, и брак не влечет никаких изменений в именах супругов. Если, например, отца зовут Мохаммед, то его сын получает имя Анаб аг (сын) Мохаммед, а дочь — Шеку улт (дочь) Мохаммед.

В Ахаггаре, как свидетельствует отец де Фуко, часто употребляются прозвища. «Человек получает прозвище из-за какого-нибудь физического недостатка или происшедшего с ним случая, а порой и вообще неизвестно почему. Иногда прозвище недолговечно, его знают только близкие, и оно быстро забывается, но чаще оно так пристает к человеку, что его настоящего имени уже никто не помнит».

Зачатие и кормление

В зачатии туареги усматривают исключительно волю божью, но в то же время не сомневаются в том, что женщина не может зачать без контакта с мужчиной. Что такое сперматозоиды, им неизвестно, однако туареги признают воздействие семенной жидкости, поскольку женщины практикуют впрыскивание воды во влагалище: предохранительной целью. Профессор Готье даже говорил о наличии у них простейшей спринцовки, но он наверняка спутал ее с приспособлением для промывания желудка.

Менструации (иба-н-амуд) появляются у туарегских девушек в 13—15 лет. Во время этого недомогания они не совершают никакого туалета, не предпринимают никаких гигиенических мер и воздерживаются от молитв, так как считаются нечистыми.

Прекращение менструаций при беременности туареги истолковывают по-своему: считают, что этими выделениями питается ребенок, а остатки (плацента) выбрасываются при рождении.

В том случае, если женщина не может зачать, муж идет к марабуту, и тот (за плату) дает ему амулет, который женщина должна носить. Со своей стороны, женщина отправляется на могилы почитаемых людей совершать молитвы, прося у господ прощения свои грехи, а у покойника — ходатайства за нее перед создателем. Если женщина забеременеет, муж отправляется к марабуту с подарком — иногда это несколько голов скота.

После родов женщина не имеет половых сношений с мужем в течение месяца и десяти дней. На сороковой день муж делает жене подарок — новые сандалии и одежду.

Кормление материнским молоком продолжается в среднем два—два с половиной года: мальчиков отнимают от груди на шесть месяцев позже, чем девочек, так как считается, что они более хрупки и нуждаются в усиленном питании.

Младенцев на туарегских стоянках кладут на подушку животом вниз; в таком положении его удерживает полоска ткани, проходящая через чресла и завязанная под подушкой; запястья иногда тоже привязывают. Порой над ребенком ставится тент — полукруглый деревянным каркас, покрытый тканью, — для защиты ребенка от мух, света и песчаного ветра. Туареги-иуллеммедены пользуются колыбелями, которые подвешивают к своду палатки.

Мать носит своего ребенка на спине или на бедре, удерживая его с помощью повязки, закрепленной узлом повыше груди. Этот способ, употребляемый также женщинами Сахеля, похоже, не причиняет неудобств ребенку, даже когда мать делает довольно резкие движения. Если ребенок заплачет, мать дает ему грудь — до полного ее высасывания: никакой речи о кормлении » определенных часы или в определенных дозах нет.

Длительное кормление, а также ношение детей делает грудь женщины плоской с самого первого материнства. Однако у туарегов эстетика не в таком почете, как материнство, которое облагораживает женщину.

Обрезание

В возрасте трех-четырёх лет туарегские мальчики подвергаются обрезанию, иногда это делается позднее, но до восьми лет. Обычно этот ритуал совершает марабут. Обрезание (*амуд*, или *амилли*, или *аземмуэд*) не является поводом для праздника; обычно операции подвергаются одновременно несколько мальчиков. Инструментом для операции служит маленький железный нож, используемый мужчинами для бритья. На время заживления ранки ребенок остается на стоянке с роди-телями, где они ухаживают за ним.

Туарегские девочки не подвергаются той операции, какая делается у мавров Таганта и Ходха.

До пяти-шести лет дети ходят голыми. Девочки с шести-семи лет носят набедренную повязку, мальчики — такие же штаны, как взрослые.

Воспитание

Воспитание детей начинается сразу же, как их отнимают от груди. Мальчики переходят под опеку отца, девочки остаются под материнской заботой. Воспитание как тех, так и других не представляет собой ничего сложного.

С пяти лет мальчик уже совершенно самостоятельно пасет коз и баранов; позднее ему доверяют верблюдов, которых он водит на пастбище или на водопой; он учится доить коз и верблюдиц: у туарегов этой работой занимаются в основном мужчины. В семь лет его сажают на верблюда. С этого времени между детьми одного возраста устраиваются для обучения игры-сражения на саблях или копьях, вместо оружия используются стебли проса или ветки деревьев.

К религиозному воспитанию туареги Ахагара, где очень мало марабутов, относятся небрежно; исключения составляют лишь семьи, приближенные к аменокалю. Если на стоянке есть марабут, он обучает детей и молодых людей Корану, который те зазубривают наизусть, распевая тексты целыми днями, так как не знают арабской письменности.

В пятнадцать-шестнадцать лет, когда у юноши вырастают волосы под мышкой (то есть наступает половая зрелость — «таменджотт»), на него отец надевает *литам*, чаще всего это приурочивается к празднику рамадан. Никакой торжественной церемонии не происходит. Отец дает сыну несколько мудрых наставлений, молодые женщины и девушки одаривают его табаком. С этого момента юноша считается мужчиной, он может участвовать в войне и присутствовать на *ахале*.

Воспитание девочек не представляет большого интереса. С шести-семи лет девочку приучают помогать по хозяйству, убирать палатку, готовить еду и т. п. Через год она учится плести циновки и шить мелкие предметы из кожи, прясть козью шерсть. Когда она достигает половой зрелости, устраивается небольшой семейный праздник, во время которого девушка получает новую красивую одежду и женскую вуаль — *икерхи*.

Имхары большое внимание уделяют музыкальному и литературному воспитанию девушек. Их обучают письму *тифинаг* и игре на *амзаде* (небольшой однострунной скрипке), которая

скрашивает туарегам долгие вечера.

Амзад («волос») делается из половины вычищенной и высушенной тыквы; на нее натягивается шкура козы или барана, крепящаяся по краям веревочками (в Ахаггаре) или колючками акации (в Аире). В шкуре проделывается одно или два отверстия для усиления резонанса. Грифом служит палка, просунутая в отверстие с одной стороны корпуса и зафиксированная с помощью штифта — с другой. Струна делается из нескольких перевитых между собой конских волос и натягивается над кожаной декой с опорой в одном месте на подставку из крестообразно соединенных двух деревянных палочек. Смычок (*таганке*) представляет собой дугу, концы которой стянуты конским волосом. Во время игры исполнительница время от времени натирает их кусочком смолы каменного дерева, выполняющим роль канифоли. Кожа амзада часто декорирована яркими узорами; кроме того, на ней указано имя владелицы, а также на нее могут быть нанесены стихи, написанные поклонниками.

У ахаггаров такой инструмент обычно большой, до 40 сантиметров в диаметре; в сахельских племенах он меньше, его диаметр не превышает 20—25 сантиметров.

Амзад играет большую роль в жизни туарегов. Юноши ходят слушать, как на нем играют девушки; мужья любят слушать игру своих жен в вечерние часы досуга. Когда женщины хотят наказать за что-нибудь мужчин, они отказываются играть им на *амзаде*. В сражениях туарегские воины всегда старались победить, боясь, как бы жены или невесты не лишили их музыки. «*Амзада не будет*», — печально говорили они, возвращаясь из неудачного набега.

Ахаль

В шестнадцать лет молодые люди и девушки допускаются в общество взрослых, и им разрешается принимать участие в *ахале*.

Ахаль означает «собрание, разговор, беседа»; эти музыкально-литературные сборища носят иногда непристойный характер (когда они сочетаются с *асри*).

Асри (букв. «ехать, отпустив поводья») означает «свободные нравы». К *асри* допускаются достигшие зрелости юноши и девушки, вдовы и вдовцы, разведенные — короче, все те, кто не связан семейными узами.

Сборища эти проходят недалеко от стоянки, под обрывистым берегом уэда, и непременно вдали от глаз стариков и почитаемых людей племени; они устраиваются, как правило, до вечерней трапезы, которая бывает здесь очень поздно, реже — когда чествуют гостя-иностранца — после нее. Все садятся в круг, женщины вперемежку с мужчинами. Выбираются ведущий и ведущая, роль которых заключается в том, чтобы следить за соблюдением обычаев и нравов *ахали* и накладывать шуточные штрафы на нарушителей. Иногда избирается только одна ведущая, однако никогда не бывает так чтобы ведущим был один мужчина.

Когда на стоянке очень много девушек, *ахали* устраиваются вперемежку с *асри*. Молодые люди из соседних стоянок всегда приходят на такие посиделки наряженными: порой они проделывают сотни километров, чтобы попристутствовать там, где можно встретить красивых девушек и найти приятные развлечения. Одна из девушек начинает играть на скрипке. Скрипка издает суховатые, жалобные, монотонные звуки, которые вполне гармонируют с окружающей дикой природой. Мужчины подхватывают ритм возгласами «хо-хо!». И тут все принимаются подзадоривать друг друга, подтрунивать, отпускать вольные шуточки; эта «поэтическая часть» вечера нередко бывает весьма сомнительного характера, порой слышатся довольно непристойные реплики.

Когда скрипка смолкает, со всех сторон начинают раздаваться смешки. Мужчины и женщины обмениваются легкими дерзкими касаниями, приникают ноздрями друг к другу и вдыхают одновременно воздух: у туарегов это заменяет поцелуй. *Ахаль* заканчивается поздно ночью, но каждый возвращается на стоянку не сразу, а лишь после свидания, о котором было договорено на особом языке жестов.

Нравы у туарегских девушек действительно очень свободные; отец де Фуко утверждал, что в языке *тамашек* даже нет слова «девственность». Понятие «лишить девственности» у них передается тем же термином, что и «вырыть колодец». «Нет даже вопроса о том, — говорил доктор Вермаль, — чтобы девушка до брака оставалась невинной. Этого туареги просто не понимают. Как только девушка достигает половой зрелости, она идет на *ахаль*, где сразу же лишается невинности. В глазах туарегов девственность не имеет никакой ценности». Действительно, туарегские женщины — кто в большей, кто в меньше степени — доступны: одни

отдаются первому встречному, другие проявляют расположение лишь к небольшому кругу друзей, но предпочтение кого-то одного расценивается как неприличие и извращенность.

У туарегов никто не станет порицать женщину за свободу нравов при условии, однако, что ее поклонник того же социального положения. И позор той, что проявит свое расположение к рабу!

Можно лишь удивляться тому, что при столь распущенных нравах матерей-одиночек все же не так много. Широко распространены предохранительные меры, которые, как говорил доктор Фоме, были частым завершением ночных свиданий после ахалья. Этими предохранительными мерами, должно быть, объясняется и низкая деторождаемость у туарегов; весьма вероятно, что, аяйдя замуж, туарегская женщина продолжает их применять.

Внебрачная беременность и незаконнорожденный ребенок (агама) — публичный позор. Туареги редко делают аборт, а вот убийство таких детей было некогда обычным явлением; никто даже и не считал это преступлением. Когда женщина оказывалась беременной, она отправлялась к какой-нибудь дальней родственнице и старалась скрыть свою беременность. На сей счет никто, естественно, не обманывался, но никто ничего и не говорил. Она шла к марабуту, который за довольно приличное вознаграждение совершал в присутствии грешницы некие таинственные действия, писал по-арабски несколько слов из Корана на дощечке, затем смывал надпись и, собрав воду в калебасу, отдавал ее женщине, чтобы та ее выпила. В случае успеха (!) ему платилось вознаграждение, равное первому. Если желаемого результата не было, женщина пробовала пить микстуры, приготовленные обычно на основе *Cassia abovata*; если же и это не действовало, ребенка, когда он появлялся на свет, просто-напросто душили. Теперь матери-убийцы сурово наказываются.

Ахаль существовал в древних ливийских племенах Северной Африки. Геродот отмечал, что у насамонов женщины были общими, а *ахаль* — лишь производная и, если можно так выразиться, эволюционизировавшая форма этого.

У туарегов-иуллеммеденов существует забавный обычай, которого я не наблюдал у ахаггаров. Когда один мужчина застаёт другого за обхаживанием своей женщины, то он требует от него подарка. «Подари мне покрывало», — говорит он, и тот предлагает ему или щепотку табаку, или что-либо еще. Отказываясь сделать это, он наносит оскорбление женщине, показывая тем самым, что не питает к ней особой привязанности; и в этом случае он обязан уступить свое место сопернику.

Бракосочетание

При столь свободных нравах понятно, почему молодые люди и девушки не стремятся рано вступать в брак: редко бывает, чтобы мужчина женился ранее тридцати лет, а девушка вышла замуж ранее двадцати.

Хотя девушка свободно распоряжается своим телом, согласие отца на брак не становится от этого для нее менее обязательным; зато и редко бывает так, чтобы муж ей был навязан или чтобы ее выдали замуж до полового созревания, как это бывает у арабов. Отец вмешивается лишь, чтобы не допустить мезальянса или соблюсти материальные интересы.

Будущие супруги выбирают друг друга на своих вечеринках, которые для них — прелюдия к удовольствиям будущей семейной жизни. Жених должен изложить свою просьбу (*ибадрален*) отцу девушки через одного из своих родственников или духовное лицо, если таковое имеется поблизости.

У ахаггаров обычно все бывает в курсе такого сделанного предложения. Не так обстоит дело в Аире; здесь и мать девушки, и всю семью уведомляют лишь тогда, когда все уже улажено. Если женщина вступает во второй брак, отцовского разрешения на него не требуется.

Затем устанавливается размер выкупа (*таггалт*), который должен заплатить будущий супруг. У имхаров это обычно семь верблюдиц; у имрадов выкуп может состоять из верблюдов, баранов и коз (ослы никогда не входят). Выкуп выплачивается в один или несколько приемов. Эти животные становятся собственностью родителей девушки, которая, в свою очередь, может получить от них приданое. На практике семь верблюдов никогда не даются, особенно после французской оккупации, запретившей *реззу*; благородные туареги потеряли возможность запастись верблюдами для будущего выкупа; теперь они довольствуются тем, что дают одну-две, иногда трех верблюдиц, а вместо остальных — сандалии и разные предметы.

В браке (*аддубал*) женщина сохраняет свободу распоряжаться своим имуществом и не

несет никаких расходов по хозяйству: все издержки полностью ложатся на мужа; благодаря такой системе состояние женщин увеличивается, тогда как у мужчин оно остается на одном уровне или же уменьшается.

Когда вопрос о выкупе обговорен, назначается дата бракосочетания; иногда через несколько дней, а иногда через год или даже два, если девушка слишком молода (этого последнего правила особо придерживаются в сахельских племенах).

Свадебные торжества происходят на стоянке девушки, угощение устраивается только на восьмой день. Братья и родители жениха приходят на стоянку родителей невесты, где их принимают с почетом и предлагают обильную трапезу. В течение семи дней, которые предшествуют свадебному пиршеству, жених не имеет права приходить на стоянку до захода солнца; все это время он находится в стоящей отдельно в стороне палатке, где компанию ему составляют друзья (весь этот период женихи называются *анесдибен*).

Свадебные торжества сопровождаются джигитовкой мехаристов, галопирующих группами по два-четыре человека перед женщинами, среди которых находится и невеста; женщины поют и сопровождают свое пение игрой на тамбуринах и скрипках. В Ахаггаре свадебная песня исполняется в музыкальном ритме алиуен, то есть «оливы». Этот обычай, по мнению доктора Вермала, — пережиток древнего язычества, когда олива считалась деревом, посвященным богине любви.

Ко времени свадебных торжеств уже приготовлена новая палатка со всеми новыми аксессуарами — циновками, веревками, кольями. Внутри палатки, с левой стороны, устраивают небольшое овальное возвышение из песка (*адебель*), куда ставят угощение. До того как в палатку войдет супруг, его друзья берутся за тент и семь раз подбрасывают его — это должно принести молодым счастье. Впоследствии, когда стоянка снимается с места, эту палатку оставляют, и она стоит там несколько месяцев. Считается, что, чем дольше она останется на месте, тем больше у нового союза шансов быть удачным.

На седьмой день отец девушки скрепляет брак с помощью марабута. Вечером невесту, которая весь день пряталась у одной из родственниц, целая процессия женщин, играющих на тамбуринах, провожает в брачную палатку, куда уже проследовал молодой жених. До заключительного акта — угощения — совершаются еще два интересных ритуала. Рядом с женихом, на место невесты, садится старая, дряхлая женщина: ее роль заключается в том, чтобы обмануть злых духов, которые захотят завладеть молодой супругой. С помощью такой уловки старуха берет на себя все дурные чары, угрожающие молодой чете, и уносит их с собой, покидая палатку за несколько секунд до прихода невесты. Затем, когда приводят невесту, ее двоюродный брат по материнской линии загораживает ей дорогу и говорит сениху: *Ауид ирратимен*, что означает «Подари мне свои сандалии». Тогда тот вынимает заранее спрятанную в складках одежды пару новых сандалий и отдает их. Теперь путь девушке свободен, она входит в палатку своего будущего супруга, и отныне семья не имеет на нее никаких прав.

На следующий день в палатке новобрачных собираются молодые люди, и так все дни свадебного праздника. Это сборище называется по-туарегски *тиджедель-сатин*.

В течение первого года молодые люди живут на стоянке родителей девушки. Такой институт «испытательного срока» неоднократно упоминается в Ветхом завете и практиковался у древних евреев. Следствием этого обычая является то, что первое время смягчается власть мужа над женой, а ее семья убеждается, что молодые постепенно привыкают друг к другу и что с дочерью обращаются должным образом.

Если новобрачная уже была замужем, то на седьмой день в сопровождении друзей и слуг она верхом на верблюде отправляется на стоянку своего мужа.

При первичном браке через год устраивается новый праздник. В один из вечеров мужчины и женщины из стоянки мужа являются на стоянку жены и инсценируют ее похищение. Мехаристы, незаметно подкравшись к стоянке, бросаются в самую гущу палаток, издавая воинственные крики, в ответ на которые раздаются вопли ужаса якобы испуганных женщин; нападающие окружают палатку молодых и требуют выдачи молодой жены как принадлежащей отныне их семье.

Это служит поводом для нового пиршества. Вечером следующего дня молодая жена, закутанная в большую белую шаль, в окружении своих родственников на ослах, сопровождаемая свитой мужчин верхом на верблюдах отправляется в свое новое жилище, где ее встречают вождь и пожилые женщины.

В то время как супруги укрываются в своей новой палатке, все гуляют, иклары танцуют, и

праздник, начавшийся с заходом солнца, затихает только к рассвету, когда все устают. Надо заметить: сами туареги никогда не танцуют; они считают, что достойному человеку не пристало танцевать на людях. Так что танцы, называемые «туарегскими», которые можно увидеть в Таманрассете, на самом деле исполняются харратинами, то есть чернокожими земледельцами.

Теперь уже молодая жена вошла в новую семью и расстанется с ней лишь в случае развода или смерти своего супруга; а до тех пор она не имеет права навещать своих родителей, но они сами могут приезжать на ее стоянку.

Туарегские женщины сохраняют в браке большую независимость. Трудно сказать, верные ли они жены или пользуются отлучками, нередко очень продолжительными, своих мужей. По словам одних (Дювейрье), их поведение безупречно; по мнению других (отец де Фуко, доктор Вермаль), оно оставляет желать лучшего; да и супруг продолжает придерживаться свободных нравов, которым обучился на *ахалях*. «Единственное их занятие,— говорил доктор Вермаль, — это любовь; иметь любовников — вот их цель». Совершенно очевидно, что бывшие любовники прошлых сборищ приходят навещать замужнюю женщину, вспоминая ее достоинства, проявившиеся на *ахале*; тут уместно подчеркнуть, что муж в этом случае не выказывает никакой ревности, ибо это посчиталось бы неприличным, к тому же предполагается, что подобное ухаживание чисто платоническое. Очень трудно пролить свет на этот вопрос, так как туареги ревностно пекутся о репутации своих жен и заявляют, что их поведение безупречно.

Что касается мужчин, то на своей стоянке они ведут себя достойно, хотя некоторые из них не брезгают сношениями со своими служанками. Как-то одна черная рабыня аменокаля Ахамука забеременела; поползли слухи, что автор этого незаконного отцовства — сам вождь ахагаров, но это тщательно скрывалось. Зато, как только караванчики оказывались в земледельческих центрах, подальше от своего края, они в открытую начинали говорить об этом, а от долгого сдерживания эта слава сделалась еще более громкой.

Когда туарег, пересекая чужую территорию, встречает *таклит*, пасущую коз, он, колеблясь ни минуты, овладевает ею. Обычно она получает вознаграждение — щепотку табаку. Если же за этим занятием его застает хозяин служанки, туарег платит ему штраф, и этим дело кончается.

Адюльтер (*аскер*) со стороны жены у туарегов часто наказывается смертью. Муж сам вершит суд и расправу, собственноручно убивает виновных, и никто не подумает даже упрекнуть его в этом.

Туарегские женщины весьма независимы, и у них очень скверный характер; более того, они очень ревнивы. При малейшем нравственном проступке мужа жена уходит к родителям и возвращается к семейному очагу, лишь получив материальную компенсацию. Мужчины тоже довольно грубы и вспыльчивы, отчего в туарегских семьях часты ссоры.

Препятствия к браку

Препятствия к браку у туарегов идентичны тем, которые предусмотрены мусульманскими законами. Запрещено сочетаться браком с ближайшими родственниками, с кормилицей, или ребенком своей кормилицы, или с женщиной, вскормленной тем же грудным молоком (молочной сестрой).

Существуют запреты на брак между представителями различных каст. Альянсы между имхарами и имрадами редки, ибо если имохар женится на имрадке, то его дети теряют все права.

Женщины высшей касты и касты имрадов идут на союзы с арабами, особенно с марабутами, но при условии, что те будут придерживаться моногамии, блюсти туарегские обычаи и жить в Ахагаре. Уточним, однако, что в последние десятилетия совершались и такие браки, когда туарегская женщина подчинялась арабским законам, что свидетельствует о довольно сильном влиянии ислама на некоторых стоянках. Туарегские мужчины очень редко женятся на арабских женщинах.

Развод

У туарегов не бывает того, чтобы супруги жили отдельно; у них существует развод, *теллеф*, которым, однако, они не злоупотребляют. Развод вполне допускается Кораном и не является чем-то постыдным. Инициатором развода чаще выступает женщина. Обычно основания, выдвигаемые женщиной, такие: плохое обращение к ней, недостаточное ее содержание, потеря

животных из-за нерадивости мужа, распутство его (мотив относительно редкий), иногда неуплата остатка выкупа. Мужчина выдвигает в качестве основания для развода чаще всего распутство и бесплодие жены, оспаривание приданого или животных, несходство характеров и — очень часто — разногласия между женой и его родственниками.

Причиной развода могут быть также некоторые болезни, например такие, как сумасшествие.

Разводы редко происходят мирно. Если женщина решит оставить мужа, для нее хороши все средства. Самым веским поводом для этого может послужить ее отказ от близости с мужем, но тогда позор может пасть на женщину, и ей после этого будет трудно снова выйти замуж. А мужчине достаточно лишь объявить жене: «Я отправляю тебя обратно к родителям», чтобы брак считался расторгнутым. Но чаще всего муж скрывает свое намерение и посылает сначала жену погостить на несколько дней к ее родственникам, а потом отправляет к ним какую-нибудь старуху со своей стоянки и через нее объявляет им о расторжении брака.

В том случае, если инициатор развода — мужчина, выкуп остается собственностью родителей жены; дети во всех случаях остаются на попечении отца.

Женщина может снова выйти замуж не ранее чем через три месяца. Этот обязательный для женщины, предписанный Кораном срок воздержания носит на *тамашек* название *эттеф* или *эллудет*; а сами женщины — *тананлефт*. Когда срок воздержания женщины заканчивается, на ее стоянке устраивается небольшой праздник, и тем самым объявляется, что она — свободная женщина.

Многие женщины не хотят выдерживать этот срок. И перекладывают эту обязанность на дерево, называемое на *тамашек агар* (*Maeria crassifolia*). Они обращаются к дереву со следующими словами: «*Агар*, избавь меня от воздержания, которое непосильно для меня, возьми на себя эту ношу» — и кладут к подножию дерева в качестве подношения немного сурьмы, благовоний, кусок ткани, то есть все атрибуты женщины, участвующей в *асри*. После чего, не дождавшись конца положенного срока, женщины ведут свободный образ жизни. Такое самовольное сокращение срока воздержания называется *акфеллудетагар*.

Если муж захочет снова взять себе отвергнутую жену, устраивается новая свадьба, а родителям жены выплачивается новый выкуп, но уже меньший.

Убийство

Убийства у туарегов происходят довольно редко. Они наказываются по принципу «око за око», если преднамеренны, и материальной компенсацией в остальных случаях. Вендетта, некогда существовавшая у туарегов, исчезла, уступив место *диа*, т. е. «плата за кровь». Иногда обычай требовал, чтобы убийца был выдан семье потерпевшего, однако, если он не был опознан, *джемаа*, или собрание влиятельных лиц, определяло, кому из племени надлежит стать пленником вместо убийцы. И никогда заложник не предавался смерти. Особо серьезные случаи рассматривались аменокалем, которому помогали четыре «присяжных» заседателя, по два с каждой стороны.

Самоубийство

Самоубийства у туарегов очень редки. Если же такое произошло, самоубийцу оставляют без погребения, стоянка снимается и покидает это место навсегда. Самоубийство запрещается Кораном, и туареги никогда не говорят о самоубийце, как будто его и не существовало.

Самоубийце вменяются в вину два преступления: во-первых, он посмел сам лишиться себя жизни, что непозволительно человеческому существу, обязанному своей жизнью господу, и, во-вторых, своим поступком он оскорбил господ бога.

Душа самоубийцы, по их понятиям, не может найти пристанища и бродит по свету. Она любит возвращаться на то место, где покинула свою земную оболочку; туареги утверждают, что ее можно там услышать вечером, она производит такой шум, что невозможно заснуть.

Смерть

Туареги совсем не боятся смерти (*таментамт*). Когда туарег чувствует приближение смерти, он собирает вокруг себя близких, дает им последние наставления. Затем согласно законам

религии, которых, быть может, он не слишком придерживался при жизни, но которые вспомнил в свой смертный час, он произносит *шахаду*, символ мусульманской веры, или, если у него уже нет сил, поднимает указательный палец правой руки и выпускает последний вздох.

Тело покойника обмывают теплой водой и заворачивают в саван вместе с ароматическими веществами; слуги на ближайшем холме роют могилу. Яма, как и у арабов, представляет собой небольшую двухступенчатую траншею. Тело покойного кладется на подобие носилок, и четыре человека несут его головой вперед к месту погребения; там тело кладут на правый бок, лицом к Мекке. Марабут (или кто-нибудь грамотный) читает мусульманскую молитву, а мужчины вторят ему, стоя позади него со сложенными на груди обнаженными руками.

Женщины у туарегов участия в похоронах не принимают.

Современные туарегские могилы имеют надгробные камни (*шуахеды*): по одному в ногах и в изголовье — у мужчин, по одному в изголовье и по два в ногах — у женщин. Могилы овальной формы, вершина могильного холма напоминает купол; вокруг могилы обычно выкладывается ограда из камней с оставленным с восточной стороны проемом. Нередко по краям могилы вкапываются деревянные кольца или палаточные подпорки, а также большие шаровидные куски кварца, которыми, по словам туарегов, натирали тело покойника перед погребением.

В местах, где водятся гиены, как, например, в Сахеле, могила обычно покрывается сверху ветками колючего кустарника, чтобы животные не могли добраться до трупа.

После погребения участники похорон выражают свои соболезнования семье покойного, которая в память о нем устраивает трапезу.

Одежду покойного отдают марабуту или тому, кто его обмывал.

Затем стоянка снимается с места, и люди племени никогда больше не останавливаются здесь.

У туарегов существует траур (*удхуф*). Для мужа, потерявшего жену, он короток: три дня он не покидает своей палатки. Ахаль и всякие другие развлечения в это время запрещены.

Для жены, потерявшей мужа, предписывается настоящее затворничество в течение четырех месяцев и десяти дней; вдова не должна появляться на людях, в это время она называется *тадхант*. Конец ее траура отмечается небольшой церемонией: рано утром женщины стоянки выводят вдову встретить восход солнца, дают ей в руки священную книгу и показывают соль. С этого момента она возвращается к обычной жизни и может, если захочет, снова выйти замуж.

Все, кто знал покойного, носят по нему траур (*таснит*) три дня.

Туареги никогда не грустят о том, что человек умер. Свое соболезнование они часто выражают такими словами: «Ты счастливый; тот, кого ты любил, теперь у господ в раю».

Древние культы, религии и верования

Сегодняшние туареги — это мусульмане, однако их исламизация искусственная и сравнительно недавняя. Как и все обращенные в новую веру, туареги стремятся скрыть свои прежние верования, но они все равно кое в чем проявляются. В течение определенного отрезка времени туареги считают себя прилежными последователями пророка; они стараются даже приписать себе шерифское происхождение, так что весьма трудно добиться от них каких-то сведений относительно их прежней религии.

Какими были древние верования туарегов? Идолопоклонничество или анимизм? Здесь приходится вести речь лишь об отдельных, весьма туманных фактах, предоставленных нам археологией и античными текстами⁷.

Культы, исторические и протоисторические

Изучая непосредственно наскальные гравированные изображения и рисунки Центральной Сахары, находишь в них кое-что, могущее дать представление о верованиях их авторов. Однако интерпретация их нуждается в доказательствах.

Может быть, древние художники Центральной Сахары, жившие до «периода колесниц», и не имеют никакого отношения к туарегам или имеют с ними связь весьма отдаленную, однако

---

⁷ Доисламские верования и обряды туарегов в сравнении с аналогичными верованиями и обрядами других берберских народов, а также неберберских народов Сахары позволяют значительно полнее реставрировать религию предков туарегского народа.— Примеч. ред.

вполне допустимо, что у них были точки соприкосновения, следы которых выявляются у теперешних народов.

Фробениус при изучении больших гравюр Феззана не мог не вспомнить охоту у пигмеев и у автохтонных жителей Океании. Дело в том, что, прежде чем отправиться на охоту, и те и другие рисуют на земле или на скале животное, которое хотят заполучить, и после ряда заклинаний совершают ритуал, имитируя его умерщвление. Аналогично можно проследить и на других рисунках, даже несмотря на то что там нет человеческих фигур, например франко-кантабрийских или австралийских. Совсем иначе выглядят рисунки «периода буйвола» в Южном Орне, Тассилин-Аджере и Феззана, которые нередко носят характер просто забавных историй. Справедливости ради, следует сказать, что ряд животных (те, что отмечены спиралью над ними) являлись все же объектом какого-то магического ритуала.

В то же время в рисунках этого периода попадаются человеческие фигуры с зооморфными головами (собаки, шакала, осла, антилопы), или с рогами, или же с приставным хвостом; все эти фигуры напоминают изображения древнеегипетских богов и ритуальные переодевания в маски, которые еще сохранились в Тропической Африке. Очень трудно истолковать эти изображения: речь может идти как о переодеваниях, осуществляемых во время охоты, чтобы легче было приблизиться к добыче (как это отчетливо видно на одном из рисунков уэда Тамрит, в Тассилин-Аджере), так и о масках, надетых с культовой целью. Кроме того, в этот период был в почете и культ плодородия; ведь известно много рисунков с изображениями людей в момент совершения ими полового акта, эти рисунки можно было бы истолковать как чисто эротические, если бы не было известно (по аналогии с тем, что существует в настоящее время у африканцев Сахеля), что эти изображения имеют целью лишь выразить понятие мужского и женского начал в воспроизводстве.

Фробениус истолковал также некие круги с заключенными в них фигурами страусов и жирафов как «обручи света», которые на более поздней стадии дали якобы рождение солнечному диску древнеегипетских культов, материализовавшихся в виде быка и барана. Однако такое истолкование сомнительно, контекст многочисленных сценок поимки животных больше наводит на мысль о ловушках и силках.

Жоло, например, решил, что обнаружил в изображениях, как ему показалось, в момент мочеиспускания слона, барана, буйвола — ритуал вызова дождя. Сегодня эта теория не разделяется, ибо множество копий, имеющихся в нашем распоряжении, не дают тех данных, на которые опирался Жоло. К тому же изучение изображений на местах и более четких копий позволяет утверждать, что это вовсе не изливание струй, а неровности поверхности скалы или случайные царапины.

В сюжетах «периода буйвола» обнаружено много изображений дисков и украшений между рогами животных, совершенно аналогичных изображениям на древнеегипетских памятниках. Некоторые авторы усматривают здесь прямую зависимость, основываясь на гипотезе, что бык пришел сюда с востока; другие же полагают, что эти сходные черты могут быть случайными.

Имеется слишком много аналогий между отдельными рисунками Египта и Сахары, чтобы между ними не прослеживалось родства; однако природа культа по-прежнему не поддается определению, египтологи часто теряются перед разнообразием типов изображения урея и других атрибутов. Уточним, что баран, увенчанный солнечным диском, столь часто встречающийся в Сахарском Атласе, в Сахаре нигде не фигурирует.

В рисунках Тассилин-Аджера, относимых обычно к «периоду буйвола», у многих персонажей есть рога, что может быть просто украшением головного убора, не имеющим никакой связи с культом. Более показательной с этой точки зрения является сцена танца на скале в Тиратимине (Тассили), где изображено большое количество женщин, танцующих в кругу сидящих и хлопающих в ладоши людей, а сбоку в этот круг входит человек в маске, увенчанной рогами (колдун или носитель маски предка племени). Это буквальное воспроизведение ритуальных танцев жителей Сахеля во время их праздников инициации или урожая. У туарегов таких танцев нет, но в Джанете на празднике зебиба земледельцы рядятся в мишуру и надевают маски с рогами, позаимствованные ими, вероятно, из Сахеля.

С началом французской оккупации в Центральной Сахаре найдено некоторое количество статуэток. Фигурки изображают буйвола, барана, зайца, антилопу, каких-то звероподобных существ с головой совы или льва; это наверняка предметы поклонения. Несмотря на грубые формы, фигурки не лишены изящества, а порой и утонченности. Туареги не признают их своими изделиями. И действительно, высокая техника исполнения фигурок заставляет думать скорее об

эпохе неолита, когда люди в совершенстве владели искусством резьбы по камню. Ныне известно, что они датируются «периодом буйвола». Тем не менее многие служили предметом культа еще относительно недавно; нет сомнения в том, что это было вторичное их использование, вероятно не имеющее ни малейшей связи с первоначальным предназначением фигурок. Речь идет о звероподобных существах с головой совы из Табельбалета (Тассили) и с головой быка из Тазерука (Ахагар). Туареги приписывают этим статуэткам магическую силу, способную вызвать дождь и дать плодородие женщинам.

А не попробовать ли связать эти фигурки и с рассказами позднелатинского автора из Африки Кориппа? По его словам, языческие народности луата и хоуара изображали свое божество в виде быка, который являлся также родоначальником и других местных богов; один из них звался Гурзил. Эти народности имели также своих священных идолов, чьи имена они выкликали во время сражений, а накануне сражений омывали кровью принесенных им жертв.

Похоже, что священный характер этих идолов сохранился через века и поколения, хотя трансформировался и ослаб.

Религия древних ливийцев

Мы располагаем немногочисленными сведениями о религии древних ливийцев, записанными древними авторами.

Геродот рассказывает, что насамоны почитали могилы предков (тех, кто прослыл у них самыми уважаемыми и справедливыми людьми) и что они клялись ими, прикасаясь к могиле. Аусы почитали богиню Афину, которую называли дочерью Посейдона и Тритониды. Обитатели оазиса Аммон поклонялись барану. Что касается атлантов, славившихся своей мудростью, то они вообще не занимались прорицательством (то есть у них не было оракулов) и не употребляли в пищу мяса животных, что может быть истолковано как признак анимистических верований. Кроме того, Геродот сообщает нам, что все ливийцы-кочевники, от Египта до озера Тритон, питались мясом и молоком, но в подражание египтянам не ели говядину и свинину, их жены также следовали этому правилу из почтения к Исиде — египетской богине. Все они совершали жертвоприношения луне и солнцу, племена с озера Тритон — Афине, затем Тритону и Посейдону. Говорят, в III веке до н. э. массилы, один из нумидийских народов, поклонялись Крону (Кроносу) и приносили ему человеческие жертвы.

В более позднее время многие авторы упоминают о культе Аммона, существовавшем в различных ливийских племенах, и о знаменитом Храме солнца, где оракулом было божество-баран. Со всего Средиземноморья люди устремлялись в оазис Сива, чтобы узнать о своей судьбе у старого ливийского бога. Ему оказывали почести египтяне, греки, карфагеняне, а среди ливийцев — насамоны, псиллы, масеи, гараманты и другие.

Таким образом, почти очевидно, что у предков туарегов существовал культ Аммона, который был связан с культом солнца. Поэтому довольно удивительно отсутствие изображения барана на скалах Центральной Сахары, разве только что его культ в этих районах играл второстепенную роль. Природа же изображений барана в Южном Ороне трактуется весьма противоречиво: одни авторы видят в них истоки ливийского Аммона, другие — его производные. Отсутствие иных изображений на территории между Южным Ораном и оазисом Сива тоже не способствует разрешению проблемы, однако возраст рисунков представляется, безусловно, более древним, чем сам культ барана у жителей оазиса Сива. Что касается существования культа солнца и звезд, то тому находится немало подтверждений. Е. Ф. Готье полагает, что встречающиеся в Сахаре многочисленные круги большого диаметра, выложенные из камней, имеют отношение к этому; тем не менее это лишь гипотеза.

В связи со сведениями Коррипа о боге-быке Гурзиле можно заметить, что бык часто изображается на гравюрах и рисунках, однако они расположены в местах, которые никак не похожи на святилища; к тому же изображение быка нередко встречается вперемежку с другими животными, а во многих случаях изображаются целые стада быков, что скорее говорит о воспроизведении сцен пастушеской жизни, чем о культовом назначении этих изображений.

На краю деревни Хирафок, на одной из труднодоступных вершин, изображено множество больших жирафов и очень красивый страус. Среди нагромождений камней видны небольшие холмики, на земле валяются черепки древних гончарных изделий. Никогда и нигде среди множества обнаруженных мною стоянок не встречалось ничего подобного: ни одна из гравюр не уцелела, все сбиты. Видно, что это не случайность, а сделано преднамеренно. Не служили ли эти

гравюры объектом культа? Тщательное изучение места позволило сделать такое предположение, а подкрепляется гипотеза тем фактом, что огромные плиты опрокинуты умышленно. Однако поскольку ни на какой другой стоянке подобного не встречалось, то сомнения все же остаются. Как бы то ни было, существовал такой культ на самом деле или нет, эти рисунки определенно были причислены к идолам и по этой причине разбиты пришедшими сюда чужеземцами (как это имело место в античном Средиземноморье, когда первой заботой завоевателей при занятии территории противника было разрушение его идолов и храмов).

Конечно, нельзя определить точную дату этих событий. Но одно несомненно: именно сюда пришли первые миссионеры ислама, многие из которых здесь и похоронены. Возможно, что эти первые на туарегской земле мусульмане и виновны в разрушении рисунков, воспринятых ими как языческие. Добавим, что в доме каида Хирафока над дверью был изображен знак Танит (Тин-нит)! Этот любопытный рисунок, отдаленно напоминающий о карфагенской богине, относится к явлению того же порядка, что и почитаемые символы в домах Уарглы и Гадамеса; однако это еще не дает права утверждать, что у туарегов был распространен культ Танит.

Христианизация

О христианизации туарегов в древности говорилось много. Дювейрье был первым, кто объяснял высокое положение женщины в туарегском обществе именно христианизацией. Это же влияние он усмотрел и в наличии в языке *тамашек* определенного количества латинских слов религиозного характера, а также в декоративных мотивах ряда предметов, где часто присутствовало изображение креста, например на щитах воинов, в самой форме луки седла, рукояток кинжалов и мечей.

Такую же теорию выдвинул С. Килиан, основываясь на тех же фактах и на ритуалах, в частности нанесении туарегами крестов на миски и другие предметы, от которых им надо было отогнать злых духов; упор он делает на то, что мотив креста довольно частый в искусстве туарегов.

Однако если говорить о современном оружии туарегов, то не вызывает сомнения тот факт, что его форма утвердилась много веков спустя после начала христианской эры; что меч с гардой в виде креста, кинжал, прикрепленный к луке, седло *рахла* с лукой в форме креста появились очень поздно в наскальных росписях и рисунках, а щиты туарегов не фигурируют там вовсе. Но определить точную дату их появления в росписях невозможно, а *такуба* появляется лишь с более поздними изображениями верблюда. Исследования в отношении оружия позволяют утверждать, что самые старинные клинки мечей — европейского производства — относятся к XIII веку, а имеющие уже клейма — в основном к XVI. Таким образом, здесь следует говорить о двух видах клинков — о заимствованных через испано-марокканский канал и о доставленных на рынки Северной Африки торговцами из Генуи, Марселя и других мест. А с мечом *машуашей*, как это утверждалось, здесь нет никакой связи, ибо он более короткий и изготовлялся из бронзы.

Что касается ритуала наносить крест или класть в виде креста две деревянные палочки на некоторые предметы и сосуды, то в результате моего исследования в Сахаре выяснилось, что этот ритуал не является туарегским, а распространен во всем мусульманском мире и совершается арабскими марабутами, в той или иной степени занимающимися магией. Скрещенные палочки — ритуальный знак, означающий преграду, запрет, а если шире — то и защиту.

Совершенно очевидно, что рукоятка кинжала и лука седла похожи на агадесский крест. Эти мотивы типичны в основном для ремесленников Аира и людей племени кель-грес, искусство которых резко отличается от искусства другой группы ремесленников — из племени даг-эш-шейх. Впрочем, мотив агадесского креста возник сравнительно недавно и существует на протяжении жизни лишь нескольких поколений.

Итак, христианизация туарегов — факт сомнительный. И прежде чем утверждать, что она имела место, следует изучить действительное положение с христианской религией в Северной Африке, где она распространилась в первые же годы христианской эры. Немало епископов несли новую веру от Цезарейской Маврета-нии до границ Византии, достигли Верхних Плато вплоть до шоттов Джерид. Согласно Тертуллиану⁸, не только вся Проконсульская Африка стала христианской, но и весь район Большого и Малого Сиртов, а также некоторые гетульские племена. Однако отец Менаж, ко-торюму мы обязаны самыми значительными из опубликованных

---

⁸ Тертуллиан — христианский теолог и писатель. — Примеч. пер.

трудов о христианстве в Африке, не без оснований задавался вопросом, достаточно ли хорошо пастыри следят за чистотой веры вновь обращенных. Представление, данное, в частности, общиной Карфагена в 250 году, во времена гонений при Деции, выглядело жалким, и отступников насчитывались тысячи⁹. Ну-мидийцы, обращаясь в христианство, просто принимали религию завоевателей, вернее, делали вид, что принимали, но в основной массе своей оставались язычниками.

Что же в таком случае говорить о кочевых племенах, которые всегда ускользали от властителей Северной Африки?

В письме к Гезихию, епископу города Салона в Далмации, святой Августин писал, что «Евангелие не встречает понимания у варваров, а что касается народов более удаленных, которые никак не признают римскую державу, то они не приобщились к христианской религии — ни один из тех, что входит в ее состав» (письмо № 199).

Святой Григорий тоже сообщал, что многие берберы, приобщившиеся к Евангелию, оставались язычниками и продолжали поклоняться камням и деревьям.

Однако Прокопий в 548 году отмечал, что при императоре Юстиниане насамона Гадамеса обратились в новую веру, гараманты Феззана заключили мирный договор с империей и также обращены в христианство. «Никогда еще вера, — говорил по этому поводу отец Менаж, — не имела такого широкого распространения в Африке. Обращение этих новых народов способствовало распространению влияния церкви и империи довольно далеко в глубь Африки. Но являлась ли она крепкой? Религиозная пропаганда долго была одной из излюбленных форм византийской экспансии. Из этого следовало, что обращение, которого она добивалась, было скорее политическим актом, оно осуществлялось без предварительного обучения катехизису, а следовательно, без наличия убежденности у новообращенных. Религиозная пропаганда, увы, продолжалась лишь постольку, поскольку политические интересы пребывали в согласии с интересами личными».

Позднее, в XIV веке, арабский историк Ибн Халдун, рассуждая о берберах санхаджа, говорил, что этот языческий народ никогда не принимал христианскую религию.

Многочисленные следы язычества, сохранившиеся у туарегов, свидетельствуют о том, что, хотя некогда они были подвергнуты христианизации, а теперь и ислами-зации, у них осталось не меньше привязанности и к своим древним верованиям.

Что же касается желаний некоторых авторов представить туарегов потомками бывших крестоносцев, объясняя этим форму их оружия и крестообразные мотивы их украшений, то здесь мы находим лишь не имеющие под собой сколько-нибудь серьезной почвы умозаключения, основанные на литературе, не представляющей научной ценности.

В общем только латинские слова, существующие в языке *тамашек*, могут указывать на то, что у туарегов были более или менее тесные отношения с христианским миром; однако сами по себе они еще не свидетельствуют о христианизации туарегов в древности.

Иудаизм

Если христианство лишь коснулось берберов Северной Африки и опосредованно — сахарских кочевников, то, пожалуй, совсем иначе обстояло дело с иудейской верой.

Действительно, древние евреи рано обосновались в Северной Африке, в особенности в Киренаике, где тогда существовало язычество, и смогли приобрести среди берберского населения много последователей своей веры. Целые племена были обращены в их веру, так что, когда началось насаждение там христианства, обнаружилось существование большого количества как иудейских, так и иудаизированных элементов. С приходом все большего числа переселенцев из Египта влияние правоверных иудаистов усиливалось; во времена Византийской империи оно стало уже столь сильным (как в культурном, так и в политическом отношении), что начало вызывать опасения у властей, и император Юстиниан решил изгнать иудеев. Многие бежали тогда в глубь континента и даже укрылись в Сахаре, где образовали многочисленные сообщества. Так было суждено образоваться иудейскому государству в Туате.

Когда, в свою очередь, в Северную Африку пришли арабы, то они нашли здесь

---

⁹ Речь идет о горстке христианских мучеников, не пожелавших (в отличие от большинства иноверцев) формально отречься от своей веры и брошенных на растерзание диким зверям в цирке.— Примеч. ред.

значительное иудейское население. Начались жестокие преследования, новое изгнание; многие общины были вынуждены принять ислам.

Очень может быть (хотя нельзя утверждать наверняка), что племена, объединившиеся вокруг Кахины, выступившие на защиту независимости берберов, были иудаизированными. Имя героини массива Орес—Кахина — происходит от древнееврейского «кохен» («жрец») и означает «жрица». Отец Менаж, прочтя Ибн Халдуна, отметил, что многие фракции народа хоуара были иудаизированы, и в частности фракция херренеха, осевшая ныне северо-восточнее Ореса.

В XV веке в Сахаре еще существовали евреи, однако они уже не были иудаистами, под натиском мусульманских завоевателей они исчезли — были вынуждены обратиться в ислам или уйти в Мали; некоторые из них воспользовались гостеприимством племени даг-эш-шейх и сонгаев из Гао.

Ныне невозможно определить, в какой степени эти ранее иудаизированные племена участвовали в формировании народа туарегов, чьи фракции, пришедшие из района Большого и Малого Сиртов или Киренаики, испытали на себе влияние религии евреев Кирены.

А вот энадены, бесспорно, еврейского происхождения, выходцы из Туата, они в 1492 году были изгнаны туда марабутом эль-Мерихли. Многие укрылись тогда в Уалате, где в 1506—1507 годах их видел Валентин Фернандиш. Эти изгнанники и положили начало касте энаденов; они унаследовали художественные вкусы предков; например, циновки, окружающие их палатки, всегда украшает звезда Давида.

Ислам

По арабским источникам, исламизация туарегов, в частности туарегов Ахаггара, была проведена Абдаллой Эд-Джафарюм, наместником Сиди Окбы бен Нафи (ум. в 683 году); его два помощника якобы почил у церевии Тазерук в Тиокине, их могилы до сих пор являются местом почитания.

Разные авторы описывали то, как происходило завоевание арабами Северной Африки, и Феззана в част-Юости, однако никто из них ни словом не обмолвился о проникновении арабов в Ахаггар или в Тассили: похоже, что сюда попадали лишь отдельные проповедники.

В то же время с приходом арабов в Мармарик и район Большого и Малого Сиртов фракции хоуара, луата, маджила и другие оставили эти места, считая, что лучше покинуть родину и укрыться в пустыне, чем принять чужую религию и быть под игом завоевателей.

В легендах Сахары говорится о том, что Сиди Окба был убит туарегом по имени Косейлата; так туареги соединяют свою историю с историей племен Ореса и племени кунта клана даг-эш-шейх, потомков Сиди Окры, и выражают таким образом атавистическую вражду, существующую между кунта и туарегами. Если даже допустить, что Косейлата по происхождению хоуара, что дает ему дальнейшее родство с туарегами Ахаггара, то это предание возникло на основе мании сахарцев, арабов и туарегов, приписывать известные исторические факты своей собственной истории. Впрочем, мы вовсе не убеждены в том, что кунта являются потомками Сиди Окбы, существует даже предположение, что они — арабизированные берберы.

Согласно другому преданию, бытующему у кель-ахаггар, их исламизация — дело Аггага, знаменитого марабута Альморавидов, однако в сведениях, имеющихся о нем, нет упоминания о том, что он дошел до Ахагга-ра, равно как и о том, что туареги участвовали в завоеваниях Альморавидов.

В Ахаггаре первым исламизаторам приписывают обычно могильники Тиокин, псевдокуфические надписи в Тим-Миссао, мечеть в Иламани, руины ксуров в Силете и Тите.

Не следует думать, что туареги сразу и навсегда приняли ислам; если они и приняли Коран как руководство в вере, то отнюдь не отреклись от своих древних языческих обычаев. Арабы утверждают, что туареги чуть ли не четырнадцать раз становились отступниками от ислама, и до сих пор считают их весьма и весьма умеренными мусульманами. Более того, полагают даже, что в течение длительного времени они принадлежали к еретической секте ваххабитов, к которой присоединились, чтобы вместе выступить против своих завоевателей.

Туареги малосведущи в религии, они, как правило, не могут сами читать Коран, за исключением нескольких человек у таитоков и в сахельском племени кель-эс-сук. Среди них живет очень мало арабов-марабутов; они находятся там в основном из меркантильных соображений, извлекая выгоду из невежества туарегов. У последних нет ни имама, ни муфтия; их мечети — просто места для молений, которые представляют собой хорошо утрамбованные

участки земли, огражденные камнями.

Многие туареги не соблюдают предписаний Корана. Несколько лет назад некоторые вожди переложили на своих марабутов «вознесение молитв вместо них»; другие же блюдут Коран довольно тщательно, однако без особой набожности. Многие туареги причислены к религиозным орденам, но они, как правило, не знают значения их ритуалов и ограничиваются тем, что носят четки. Так, в середине XIX века у них самым могущественным было братство Тиджанийя. Большинство из тех, кого встречал исследователь Фуру во время своего путешествия по Тассили, входили в это братство. Однако он отмечал, что среди них было и несколько членов ордена Кадирийя. Вождь Ин Геддасен и несколько благородных из района Гата принадлежали к сенуситам. Когда племя улед-сиди-шейх, игравшее в Тиджанийи¹⁰ значительную роль, сражалось с французами, большинство туарегов оставались связанными с этим братством; позднее многие присоединились к сенуситам.

Беспорен тот факт, что исламизации туарегов во многом способствовало проникновение европейцев в Африку и что под предлогом защиты веры марабутам удалось восстановить их против французов, а самим в то же время приобрести у них большее влияние.

Основными представителями ордена Тиджанийя в стране туарегов были ифорас из Тассили, их завийя в Гемазинине была основана одним из ифорас, эль-Хадж Эль-Фоки, в 1700 году. Его сын Муса прославился своей святостью, и поэтому его могила, находящаяся близ пальмовой рощицы, почитаема всеми северными туарегами.

Туареги Адрар-Ифораса причислены к ордену Кадирийя и приняли вард от шейха Баи, бывшего марабута из племени кунта из Телейи. Он умер несколько десятилетий назад, а слава о нем распространилась по всей Сахаре. У иуллеммеденов одни племена относятся к Кадирийи (кель-эс-сук), другие—к Тиджанийи (ида-у-сахак). В Аире вероисповедание ордена Кадирийя более распространено, однако членов ордена Тиджанийя также много. Сенуситы до 1900 года имели мало адептов, но их движение привлекло многих во время восстания 1915—1918 годов, однако в наши дни сохранилось лишь несколько религиозных центров сенуситов.

Религиозная умеренность туарегов такова, что еще несколько десятилетий назад они не очень почитали марабутов, а совершивших паломничество в Мекку было довольно мало. Когда в 1860 году Дювейрье посетил Гат, у северных туарегов насчитывалось около тридцати таких паломников. В 1950 году у ахаггаров лишь три человека имели звание эль-хадж. После провозглашения независимости паломничество в Мекку совершали многие туареги.

Однако умеренность не исключает фанатизма. Еще Карт отмечал, что во время путешествия ему случалось сталкиваться с фанатизмом туарегов, осаждавших его вопросами, а с некоторыми из них ему даже приходилось вступать в дискуссии по различным религиозным догмам. Он с честью выходил из положения благодаря превосходному знанию Корана и мусульманских нравов. В то же время невежество туарегов в религиозных вопросах делает их послушным инструментом в руках марабутов, которые часто пользуются этим, чтобы разжигать у них ненависть к христианам. Расправа с миссией Флаттерса в 1881 году — одно из следствий этого.

В настоящее время в Ахаггаре в земледельческих центрах существует несколько школ по изучению Корана, открытых арабскими марабутами. Их посещают в основном дети харратингов; дети же туарегов не могут ходить в такие школы, поскольку они находятся далеко от их стоянок.

Есть в Ахаггаре семья марабутов, по происхождению шерифы из Аулефа (Тидикельт), поселившаяся там примерно 75 лет назад, к которой все относятся с величайшим почтением. Сначала эта семья обосновалась на небольшом участке в Дар-Мули и возделывала его, но после случившейся там засухи переехала в Эссали-Се-кин; здесь ею каждый год устраивается праздник милостыни, на который съезжаются все туареги Ахаггара. Глава семьи — Мулей эль Вафи бен Мулей Абдаллах отличается глубокой набожностью и пользуется большим уважением.

Анри Бассе говорил по поводу исламизации туарегов, что из ислама они почти ничего не взяли, кроме, может быть, Корана в качестве амулета, зато переняли от него фатализм. Многие другие исследователи тоже отмечают поверхностность мусульманской веры туарегов, однако не следует преувеличивать и степень их безбожия.

Со времени проникновения европейцев в Сахару ислам как знамя сопротивления добился

---

¹⁰ Имеется в виду ответвление ордена Тиджанийя в Алжирской Сахаре. В XIX—XX веках орден Тиджанийя был широко распространен во многих районах Африки с мусульманским населением.— примеч. ред.

больших успехов, а сенусизм в 1915—1918 годы еще более усилил это движение. Между тем сами французы способствовали тесному контакту арабов с туарегами: их гарнизоны состояли в основном из арабов, в результате чего в Ахаггаре обосновались арабские коммерсанты и марабуты. Более того, когда южные территории стали безопасными, появилось много марабутов, собиравших милостыню. Все они были одновременно и проповедниками ислама. 204

Хотя марабуты и не охватывали стоянок туарегов в глубине Сахары, активная пропаганда, религиозный характер которой часто дополнялся политическим, сильно воздействовала на тех, кто кочевал и кочует вокруг Та-манрассета. Таким образом, можно сказать, что ислами-зация Ахаггара хоть и медленно, но проводится.

Уже заключено немало браков между арабскими марабутами и туарегскими благородными женщинами; дети от таких браков воспитываются в арабских традициях. Мало-помалу марабуты стараются вытеснить традиционный матриархальный уклад туарегов мусульманским патриархальным.

Все шире распространяется соблюдение поста и празднование мусульманских религиозных праздников.

И наконец, марабуты предложили многим туарегским вождям публично отречься от прежних верований, от всего того, что еще осталось у них от язычества. Аменокаль Ахамук, а за ним и Меслах публично выступили с подобным отречением.

Летаргия, в которую погрузились туареги в результате насильственного прекращения их разбойничьей жизни, в сочетании с пропагандой арабов обратила их к религии. Теперь можно все чаще видеть благородных молодых людей, проводящих время за распеванием стихов Корана.

Пережитки язычества

Несмотря на достигнутые исламом в последнее время успехи, за десять веков, прошедших от начала исламизации, туареги все еще не избавились от своих древних верований. Конечно же, они стираются, теряют свою интенсивность, но остаются несмотря ни на что жить в глубине души туарега. Так будет продолжаться еще долго, и не сам ли край тому причиной, горы, холмы и долины, крепко хранящие свои легенды, отмеченные печатью языческой веры?

Туареги все еще верят в существование духов, в привидения. Наряду с правочерными адептами ислама они охотно назовут вам разные таинственные существа, которые, как говорил Е. Ф. Готье, являются не чем иным, как старыми их божками. Отец де Фуко обнаружил в засказанных ему легендах имена нескольких таких божков: Тамарес, Бурдан, Тассуд, Уэрдаз, Нулана, Радес; большинство из них сегодня уже забыты и хранятся только в памяти стариков.

Вера туарегов в сверхъестественное превосходит всякое воображение. Горы, источники, гельты, ущелья, деревья они населяют духами — *алхикен*, или *имдунен* — и для защиты от них носят множество талисманов, взятых у марабутов. Женщины более суеверны, чем мужчины, и занимаются тем, что испрашивают совет у старинных могил (*тасауит*) — точно так же, как это отмечал еще Геродот у насамонов и Помпоний Мела у авгилов. «Авгилы, — писал последний, — не признают других божеств, кроме душ умерших. Они клянутся ими и спрашивают совета у них, как у провидцев; для этого они, изложив свою просьбу, ложатся на могилы и во сне получают ответ». Этот текст, которому 2000 лет, актуален в отношении туарегов и поныне, ибо туарегские женщины, когда хотят получить весточку от ушедших в иной мир, поступают точно так же.

Кроме того, туарегские женщины занимаются гаданием — на зеркале, ящерице или рисунке на песке (*ташиллет*), изображающем гадюку. Одни могилы, считается, исполняют желание женщин — иметь любовника или мужа; другие же, как, например, в Тазеруке, помогают от бесплодия. Именно там были найдены статуэтки, так называемые *тибаредины*, над которыми совершали молитвенные действия только женщины, мужчины же просто посещали эти старые могилы. Предназначение идолов с головой совы из Табельбалета, должно быть, весьма близко тому, которое имели идолы из Тазерука.

Эти петролатрические культы¹¹ оказались очень живучими у туарегов. Они верят, что некоторые камни связаны с привидениями, и, дабы умиротворить духов, кладут рядом с ними булыжники как воплощение своих обетов. У перевалов, на узких и опасных тропах часто можно увидеть большие груды таких камней, похожие на курганы, а по обеим сторонам караванных дорог, ведущих, в частности, в реги Тенере или в районы пустыни, слышущие

---

¹¹ П е т р о л а т р и я – поклонение скалам, камням. – Примеч.ред.

опасными, — множество небольших кучек.

Считается, что духи селятся и в некоторых деревьях, например *Balanites aegyptiaca*; туареги называют его *ахемес*. Они никогда не расположатся под таким деревом, предварительно не закидав его крону камнями, чтобы изгнать живущего там духа.

Выше мы уже говорили о том, какие предпринимаются меры предосторожности в отношении пустой посуды, мест бракосочетания, а также местонахождения новорожденного, вокруг которого, как полагают, витают духи. С той же целью в палатке туарегов принято вешать на центральный шест старую сандалию.

Запреты же на определенные виды пищи, о чем тоже говорилось выше, суть, видимо, не что иное, как остатки анимизма.

Наряду с этими поверьями очень большое место у туарегов занимает колдовство. Оно почти всегда носит характер симпатической магии. Черепа варанов, кусочки кожи аддакса, которые туареги носят в качестве амулетов, предназначены для защиты от укусов змей и скорпионов; поскольку вараны и аддаксы уничтожают змей и скорпионов, туареги считают себя в безопасности. Так, согласно другому поверью, тому, у кого гноится рана, не рекомендуется пить молоко — из-за аналогии цвета и т. п.

Сны тоже имеют свое толкование у туарегов. Если человек увидит во сне черное — это плохое предзнаменование; белое — он получит деньги; финики — кто-то из его близких или он сам будет ранен; змею — на него напущена порча.

Есть у туарегов счастливые и несчастные дни, от них зависит, братья ли за какое-нибудь дело и отправляться ли в дорогу. Тот или иной признак, встреча с тем или другим животным истолковываются как благоприятный или неблагоприятный знак, чтобы идти на охоту и т. д.

Туареги верят в колдовство, и некоторые люди (*эмкему*), похоже, занимаются этим. Существуют колдовские зелья; секрет их приготовления хранят кель-джанет; самое известное из них — *борбор*: женщины пользуются им, чтобы привязать к себе мужчин и повелевать ими.

Таким образом, туареги все еще сильно привязаны к своему языческому прошлому.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ

Торговля, караваны, караванные пути и средства передвижения

Караванные пути

Можно с полным основанием констатировать, что в период всего обозримого прошлого Сахара всегда играла роль моста между Северной и субэкваториальной Африкой, что между этими территориями никогда не существовало непреодолимой преграды.

Североафриканцы всегда с вождением смотрели на богатства юга. Среди многих доказательств тому — плавание вокруг материка карфагенянина Ганнона с целью покорить побережье Африки западнее Геркулесовых столбов, путешествие трех молодых насамонов, которые во времена Геродота (V век до н. э.) пересекли пустыню и достигли Нигера. «Дорога колесниц» в Центральной Сахаре, имевшая вначале военный характер, — еще одно доказательство того, что пустыня не была непреодолима.

Субэкваториальная зона — это страна черных. Египтяне хорошо знали это. Они извлекли немало выгод из этого далекого края, их фараоны без колебаний направляли туда военные экспедиции и вывозили оттуда золото, слоновую кость, страусовое перо и рабов. Жители Северной Африки не могли не знать это; вскоре о богатствах Суданского пояса стало известно всюду, и множество дорог пересекло Сахару с севера на юг.

Находился ли на этом пути Ахаггар?

«Дорога колесниц» — какой мы себе ее представляем — необязательно совпадала с торговым караванным путем, ибо она служила скорее всего для проникновения белых народов на юг. Однако можно предположить, что при этом они воспользовались дорогой торговых караванов, иначе трудно представить, как завоеватели прошли бы через пустыню (хотя в тот период объем торгового обмена был, вероятно, невелик).

Вполне очевидно, что уже потом ею полностью завладели торговые караваны; действительно, это самый короткий путь между районом Большого и Малого Сир-тов с его

крупными портами (Эа, Лептис) и Нигером. Во время владычества Карфагена, возможно, существовала дорога через Тозёр и Гадамес, однако нет никаких данных, позволивших бы утверждать это, хотя все более широкое использование верблюдов должно было оказать влияние на развитие этих торговых путей. Во всяком случае, такая версия вполне правдоподобна.

С приходом арабов Ахаггар оказался как бы отстраненным от караванных путей: его обходили. При этом Айн-Салах служил своего рода перевалочным пунктом: сюда приходили караваны из Туггурта, Тозера, Гадаме-са и отправлялись дальше на юг через Ин-Зизу (Анзи-ша — на средневековых картах). Причиной такого крюка стала репутация туарегов как разбойников с большой дороги. Зато большие артерии, пролежавшие непосредственно вблизи Ахаггара, связывавшие оазисы друг с другом, процветали именно благодаря ахаггарам: кель-ахаггар очень нуждались в этих путях для доставки продовольствия.

Самый значительный и широко используемый из этих путей — караванная дорога, связывающая оазисы Туа-та и Тидикельта с городом Агадес: по ней чаще всего ходили арабы из Айн-Салаха, у которых всегда были довольно хорошие отношения с кель-ахаггар, зависевшими от арабских оазисов, продававших финики.

Чтобы добраться из Акабли до Агадеса, требуется 40 дней, и Ахаггар лежит как раз на полпути между ними. Гора около гелты Утул, в 32 километрах западнее Таманрассета, известная всем караванщикам (арабы называют ее Унус, а туареги — Тазоле), находится на середине дороги. Этот путь привлекал к себе всех торговцев-арабов туатской группы оазисов, отправлявшихся в Сахель: они надеялись вернуться оттуда разбогатевшими (если, конечно, их не ограбят или они не потеряют в дороге верблюдов). Одна арабская надпись в Тиратимине гласит: «Я прошел здесь семь раз: в первый раз я был слугой, на седьмой — у меня самого их было семеро».

Караванный путь, начинающийся в Айн-Салахе, пролегает через ущелье Арака, затем достигает Нижней Кудьи в Ин-Амеджеле, далее идет в Таманрассет, потом пересекает Танезруфт в Ин-Гезземе и достигает са-хельской зоны, проходя либо через колодец Ин-Абанга-рит, либо через колодец Такет-н-Кутат. Именно по этому пути проложена автомобильная дорога Алжир—Зин-дер, по нему следовал и Ибн Баттута, когда возвращался из Аира в Марокко

Из Агадеса (ранее — Марандета), Тегидда-н-Тессу-ма, Азелика караваны отправлялись обычно на Зиндер, Кано или Сокото.

Другой путь, которым меньше пользуются в наши дни, но прежде игравший важную роль, связывает оазисы Гадамеса и Гата с Томбукту и Гао. По этой дороге шли иногда сонгайские пилигримы, направлявшиеся в Египет; она служила скорее религиозным, чем коммерческим, целям, ибо торговые сделки между Феззаном и Томбукту касались в основном лишь золота из области Бамбук.

Начинаясь от Гата, дорога пересекала равнину Ад-жер, срезала Адрар-Анахсф, доходила до Аитоклана, Абалессы, Силета и пересекала Танезруфт либо через Тин-Рерхор, либо Ткм-Миссао, чтобы достичь Тин-Заутена; пересекая затем Адрар-Ифорас, она заканчивалась либо в Гао, либо в Томбукту. В общем это вариант «дороги колесниц», но без горных преград.

Существовала еще одна дорога: Гадамес—Гат — Томбукту, которая вообще миновала Ахаггар и шла из Гата в Айн-Салах через Тассилин-Аджер. Эта дорога, конечно, была длиннее, но зато более надежная для караванщиков, чем дорога через Ахаггар, так как находилась под контролем туарегов Тассили, имевших хорошие отношения с племенами оазисов Гат и Туат. Требовалось 25 дней, чтобы по этой дороге добраться из Гата в Айн-Салах, и 45 — из Айн-Салаха в Гао.

Дорога из Айн-Салаха в Гао до сих пор весьма оживленна, ею пользуются не только арабы Туата, но также туареги Ахаггара и туареги Адрар-Ифораса, а кроме того, и караванщики, торгующие живым скотом и снабжающие мясом оазисы Тидикельт и Туат, которые испытывают острую нехватку в нем. Благодаря наличию колодцев в Тим-Миссао и Ин-Зизе бараны довольно благополучно пересекали Танезруфт. Такие передвижения осуществлялись, разумеется, лишь в самые прохладные месяцы года, то есть с октября по апрель, и при этом требовалось преодолеть много трудностей. В наше время баранов перевозят на грузовиках.

Приведем перечень колодцев, расположенных по дороге из Тимейауина в Адрар-Ифорас, где поят животных при перегонах, а также указание дней пути от одного колодца к другому (по данным амрара племени кель-ахнет эль-Бака эль-Фасси):

Колодец, водопой —

Тимейауин

Ин-Геззал	1 день	
Эфенарг	1 день	Адрар-Ифорас
Ин-Уззал	1 1/2 дня	
Тирек	3 дня	
Тим-Миссао	2 дня	Танезруфт
Тин-Сенатет	5 дней	
Ин-Торха	1/2 дня	
Алег'эну	5 дней	Ахнет
Тин-Халифа	2 дня	
Ин-Бельрет	1 день	
Эль-Хениг	1 1/2 дня	Иммидир
Айн-Салах	3 дня	Тидикельт

Итого двадцать шесть с половиной дней пути.

От обилия корма на пастбищах при перегонах зависело поголовье скота. Иногда караванчики теряли всех животных. Я видел одного кель-ахнета, совершившего переход в конце апреля (период малоблагоприятный) с 35 баранами, которому за всю дорогу пришлось зарезать лишь одного барана.

Не следует представлять себе караванный путь как более или менее благоустроенную дорогу. Сахарские дороги отмечены лишь следами на земле, которые оставили верблюды за многие века. В Ахаггаре этот путь предстает как длинная светлая лента, петляющая среди черных камней. Дорога может состоять из двух, трех, шести таких параллельных лент — в зависимости от ее влажности и структуры почвы.

Караванные пути пролегают, как правило, по долинам, связывая между собой естественным образом колодцы, переходя из одной долины в другую через наиболее доступные перевалы, которые никогда не отмечаются никакими вехами. Лишь местами встречаются реджем — кучи камней, обозначающие перевал или близость колодца, однако они попадаются, как правило, редко и стали устраиваться недавно, ибо ахаггары всегда стремились скрыть от чужаков свои дороги.

На песчаных участках, в регах, где почва под воздействием ветра так или иначе трансформируется, караванный путь становится подчас совершенно невидимым, и тогда караван полагается только на знающего проводника, неоднократно проходившего по этой дороге. Впрочем, время от времени случается, что караван теряет дорогу, особенно в районах регов, где буйствуют песчаные ветры, и это порой приводит к гибели людей и животных.

Вспомогательные пути

В самом Ахаггаре существует множество вспомогательных дорог, используемых для местных нужд. Они идут от одного источника к другому. Все центры земледелия связаны между собой сетью хорошо намеченных дорог, по которым легко передвигаться, даже не обладая особым знанием местности. Существуют также пастбищные тропы, вытопанные в результате многократного прохождения коз, ведущие от одной долины к другой и огибающие горы. Эта сеть невероятно обширна. Каждая гора, каждое плато изборождены большим количеством таких тропинок. Они есть даже в самых недоступных, самых пустынных местах, и это говорит о том, что некогда Ахаггар был исхожен вдоль и поперек по всем складкам массива, а следовательно, здесь было более интенсивное в то время разведение коз и более богатая растительность.

* * *

Разница в способах передвижения караванов у арабов и туарегов весьма существенна. Арабы всегда пускают верблюдов вперед, они идут свободно, без какой-либо узды или привязи. У туарегов, наоборот, они привязаны один за другим и продвигаются вереницей; караван ведет человек, держа первого животного за узду или в особом случае сидя на нем верхом.

Эти различия в способах передвижения обусловлены двумя причинами, связанными с

особенностями местности. Арабская Сахара — край в основном равнинный, где передвигаться легко, так как на пути животных не возникает никаких естественных препятствий, в гористой же местности Ахаггара, Тассили, Аира, Адрар-Ифораса узость некоторых троп, в частности при переходе через отдельные перевалы, заставляет принимать меры предосторожности, следить за продвижением верблюдов, чтобы они не терлись друг о друга и не нанесли ущерба навьюченному на них багажу. Кроме того, и пастбища у них совершенно разные. В Северной Сахаре на известковых почвах трава произрастает пучками, и верблюды, передвигаясь широким фронтом, ощипывают один пучок травы за другим. Поэтому арабы и не надевают путы на своих животных.

В Ахаггаре же растительность сконцентрирована в долинах, где под песчаными наносами сохраняется влага. Нет никакого смысла давать верблюдам свободу при переходах; лучше как можно меньше времени потерять в пути, чтобы достичь быстрее места выпаса. Таким образом, здесь приходится соблюдать строгий порядок движения каравана.

Чужие караваны, пересекавшие некогда страну ахаггаров, были вынуждены идти под их защиту за оговоренную заранее плату. Плата эта поступала аменока-лю, однако защита обеспечивалась лишь в той мере, в какой имела силу его власть, которая не распространялась за пределы его собственного племени. Так что караванщик становился объектом безудержного вымогательства народов, живущих на пересекаемой им территории, и избежать этого практически было невозможно. Иногда в его распоряжение предоставлялся проводник, получавший вознаграждение в виде товаров. Как только достигалась граница территории, защита больше не действовала, и туареги не колеблясь начинали грабить караван, который только что охраняли. Отсюда часто возникали конфликты между соседними племенами, но в конце концов все улаживалось за счет караванщика. В результате таких постоянных издержек он мог торговать лишь товарами, сулившими очень большую прибыль.

Иногда туареги сдавали своих верблюдов внаем. Для иностранных торговцев этот способ был дорогостоящим, но зато в пути они меньше подвергались вымогательствам. Некоторые племена Тассили специализировались на перевозках между Гадамесом и Гатом, Исеккемарены даже сдавали в аренду своих животных для караванов, курсировавших между Айн-Салахом и Нигером. Из этих операций они извлекали весьма ощутимую выгоду.

* * *

На дорогах Сахары существуют, правда малонадежные, свои законы (это не относится к караванам, принадлежащим враждебным племенам).

Например, широко распространен обычай оставлять на пути передвижения караванов, в расщелинах или других укромных местах, продовольственные припасы на обратный путь, чтобы не везти лишний груз. Их оставляют без всякой охраны, и здесь никому даже в голову не придет воспользоваться ими. Подобное наблюдали Дювейрье, капитан де Боннмен, М. Бу Дерба на маршруте Уаргла — Гат. Я тоже был свидетелем похожего случая, правда, товары, сложенные на дороге, принадлежали ахаггарам; никто и никогда не осмелился бы посягнуть на них (однако, если бы речь шла об имуществе чужеземцев, этого бы уже нельзя было утверждать с такой уверенностью).

Приведу еще один обычай: если в пути околевает верблюд, а другого животного для замены нет, то груз остается на месте «под общественным присмотром». В этом случае караванщик может быть уверен, что найдет свое добро в целостности и сохранности, даже если вернется и через полгода. Надо сказать в этой связи, что туареги, какими бы грабителями они ни были, никогда не воруют. Я не один год прожил на их стоянках и ни разу не обнаружил у себя пропажи вещей и никогда не был свидетелем ссор туарегов между собой из-за украденного. Если кражи и случаются в этом крае, то совершаются они либо икланом, либо харратиним. Единственное, что я заметил: туареги, перевозящие товары для торговцев арабов или мозабитов из Айн-Салаха, иногда утаивают небольшую их часть, которую прячут в скалах перед самым Таманрассетом; это не считается у них чем-то предосудительным: на их взгляд, подобное изъятие у торговцев справедливо, ибо в конце концов он обогащается за их счет.

Караванная торговля

Какие товары перевозились караванами? С севера шли изделия мануфактуры, в основном полотно, одежда из шелка, к которому так равнодушны туареги и народы Сахеля, безделушки, клинки для мечей (без рукояток), сахар, кофе (чай в Сахаре появился сравнительно недавно, его распространение началось в Марокко во второй половине XVIII века), туатский табак, пар-

фюмерия, а раньше, когда переходы осуществлялись через Кано, и медь. Стоимость этих предметов торговли при продаже или обмене возрастала раз в десять.

Обратно караваны увозили страусовое перо, золотой песок, слоновую кость, чернокожих рабов, продаваемых по очень высокой цене в городах Алжира. Упряжь для верблюдов, выделанные кожи также являлись предметом бойкой торговли, равно как и медикаменты растительного или животного происхождения (помет страуса и безоар антилопы) из фармакопеи Северной Африки, высоко ценимой арабами.

В наши дни торговые сделки остались такими же, за исключением золота и слоновой кости, ставших раритетом (торговля ими сначала находилась в руках европейцев, а теперь перешла к сенегальцам), а также рабов (торговля ими была запрещена после французской оккупации). Однако дороги стали безопасными, и туареги не могут больше рассчитывать на свой промысел «охранителей» караванов. Для них остается один источник дохода — самим организовывать караваны, используя таким образом своих многочисленных верблюдов. Правда, у туарегов нет никаких практических навыков в коммерции; впрочем, присутствие французов в Таманрассете очень облегчило им эту задачу.

* * *

Торговля баранами, получившая в последние десятилетия широкий размах, в основном меновая. Ею, как правило, занимаются караванщики-арабы Туата, направляющиеся с финиками, табаком, полотном, покрывалами в Мали, где все это обменивается на скот, но не на рынках, а прямо на стоянках. Туареги Адрар-Ифораса и арабы племени кунта действуют так же, только, наоборот, гонят своих баранов в Тидикельт и Туат.

В 1939 году баран в Айн-Салахе стоил 75—100 франков, тогда как в Адраре за него давали 35—45 франков в пересчете на товары.

Основным эталоном торгового обмена являлся верблюд. В Адраре один верблюд стоил 120 баранов; один баран обменивался на 12—15 локтей полотна или 10 *гесс* фиников; *доккали* — большое покрывало из Туата, очень ценившееся туарегами, стоило 10 баранов в районе Гао и Менаки и 7 — в Адраре.

У туарегов никогда не было своих денег. Эль-Бекри говорит о наличии у людей Тадемекки неотчеканенных монет. Вероятно, речь шла о золотом песке, который был переплавлен, чтобы облегчить его перевозку и реализацию в торговых центрах севера. Зато они использовали талеры Марии Терезии, имевшие хождение в Сахеле, и турецкие лиры, распространенные в Феззани. Сахельские племена употребляли в качестве валюты *тукурди* — тканое полотнище, служащее покрывалом мужчинам, и *каури* — маленькие морские ракушки из Индийского океана.

С началом французской оккупации некоторые коммерсанты поселились в Таманрассете, административном центре Ахаггара. В большинстве своем это были мозабиты и арабы из Мешлили; они построили лавки и получали товар от своих людей из Алжирского Телля. Торговля развивалась так успешно, что почтовое агентство Таманрассета ежегодно исчисляло торговый оборот в десятках миллионов.

Эти доходы приходились в основном на чай, сахар, масло, ткани, парфюмерию, скобяной товар, карбид, покрывала из Туата. Развитие торговли вызвало довольно значительную потребность в организации караванов и в погонщиках, чем воспользовались ахаггары и арабы Айн-Салаха, широко рекламируя коммерсантам своих верблюдов. Ныне перевозка этих товаров осуществляется грузовиками.

Караванный цикл

Во все времена ахаггарам приходилось добывать продовольствие за пределами своего края, однако из-за скудости менового товара и опасности на караванных дорогах их существование часто находилось под угрозой. Соль — единственный продукт обмена туарегов, имеющий какую-то ценность. Они добывают ее в Амадроре и меняют в Нигере. Это старинные соляные копи, но из-за постоянных стычек соседних племен они эксплуатировались весьма нерегулярно. Зато с прекращением *реззу* и межплеменной вражды, с установлением мира соляное месторождение Амадрора стало для ахаггаров источником ощутимых доходов, позволяющим им жить честно и достойно. Вокруг него и организовался их законченный цикл караванного промысла.

В течение нескольких месяцев, с июля по сентябрь; туареги небольшими группами покидают стоянку и направляются к соляным копиям со всеми своими вьючными верблюдами

добывать соль. Копи находятся прямо под открытым небом, и глыбы соли откалываются с помощью топора. Тут работают все мужчины, какие есть на стоянке. Глыбы соли обвязываются ремнями для удобства их транспортировки, мелкие куски собираются в мешки. Закончив эту работу, люди возвращаются на стоянки. Здесь они начинают собираться в долгий путь на юг. Мужчины готовят веревки и поклажу, женщины растирают зерно, упаковывают просо и финики. В условленный день все погонщики верблюдов собираются со своими навьюченными животными. Караван на несколько дней останавливается на пастбище в Нижнем Ахаггаре, чтобы дать отдохнуть и подкрепиться верблюдам, в последний раз напоить их, проверить крепления соляных глыб перед долгой дорогой.

В путь туареги отправляются обычно в конце сентября — начале октября, после окончания в Сахеле сезона дождей, чтобы не подвергать соляной груз риску пострадать от торнадо. В зависимости от состояния пастбищ и из каких-то других соображений отправка каравана может задержаться на всю зиму, вплоть до февраля.

Караваны из 100—150 верблюдов доходят в зависимости от обстоятельств до колодца Ин-Абангарине или Такет-н-Кутате, на границе Сахеля; если они добираются туда ранее середины октября, им приходится прятать соль от дождя в расселинах скал или же заворачивать глыбы в старые кожи. После отдыха в течение нескольких дней или нескольких недель в зависимости от состояния животных они направляются либо в Тахуа, либо в Дамергу, где обменивают соль на просо.

Туареги также привозят в Сахель полынь (*Artemisia herba alba*), в изобилии растущую в Ахаггаре, и изюм, которые очень ценятся как лекарственные средства, а кроме того, предметы, сделанные женщинами, например веревки и пояса из козьей шерсти, особо пользующиеся успехом у их сахельских сородичей.

В разные годы в зависимости от урожайности выюк соли обменивался на три-четыре выюка проса. Рассказывают о таких исключительных годах, когда обмен осуществлялся в соотношении 1 : 10. Появление морской соли, привозимой из Европы через Лагос и Кано, снизило пропорцию обмена: в последние годы сделки совершались в равном соотношении.

Каждая группа погонщиков отправляется в «свою» деревню, где такой обмен происходит уже на протяжении многих лет и где их уже ждут.

Этот обмен исключительно выгоден туарегам, у которых в результате оказывается больше проса, чем они могут увезти; поэтому излишки его они продают или обменивают на мануфактурные изделия из кожи: сандалии, седельные сумки, седла для верблюдов, короба, а также одежду из хлопка из Северной Африки, литамы и т. д.

После двухмесячного отдыха, в течение которого верблюды блаженствуют на местных пастбищах с сочной травой, туареги отправляются обратно в Ахаггар и достигают его к началу января. Вот уже несколько десятилетий у многих туарегов, вынужденных из-за засухи отправлять часть своих верблюдов на выпас в Тамесну, вошло в обычай менять в этом пункте животных, что обеспечивает их рациональное использование.

В феврале—марте, отдохнув несколько недель на своих стоянках, многие мужчины племени вновь отправляются в путь в Тидикельт или в Туат. Теперь они уже ведут караван из меньшего числа верблюдов и собираются менять пшеницу, собранную на своих полях, и излишки мануфактуры, привезенной с юга, на финики. Кроме того, они везут в Айн-Салах сушеное мясо муфлонов, сушеных ящериц-стеллионов, масло, сухие сыры, веревки из козьей шерсти, бурдюки, седельные сумки; ведут старых верблюдов, предназначенных на убой, иногда коз и баранов. Кроме фиников туареги стараются приобрести там *доккали*, ткани, туатский табак, чай и сахар.

Это путешествие длится в среднем два месяца. К концу апреля все возвращаются в Ахаггар и отдыхают несколько недель, но каждый туарег уже думает о следующей соляной кампании.

Во время этих долгих экспедиций на стоянках остаются лишь женщины, дети, старики и несколько мужчин, которые поручили своих верблюдов другим туарегам или отправили с караваном своих слуг.

Это и есть полный караванный цикл туарегов.

К сожалению, засуха, царившая в Нигере с 1970 года, неоднократно ставила под угрозу производство проса, так что нигерийские власти даже запретили его экспорт. Кроме того, и появившиеся ныне границы независимых государств создали барьеры на пути свободного передвижения кочевников, это коснулось и караванщиков Ахаггара. Торговый соляной путь парализован и есть опасения, что он уже никогда не возобновится,

Средства передвижения

Вполне очевидно, что без верблюда жить в Сахаре сегодня было бы очень трудно. Его роль в передвижении и в поддержании связи между оазисами трудно переоценить. Верблюд — это верховое животное как воинов, так и простых людей, совершающих длительные переходы. Без его помощи невозможно преодолеть сотни километров в районе, лишенном водоемов.

Осел также играет немаловажную роль здесь, но его использование более локально и ограничивается Ахаг-гарским массивом, где редко не найдешь воды в течение дня пути. На ослах осуществляются все внутренние перевозки — при перемене места стоянки, при подвозе воды и людей; так, если имхары путешествуют только на верблюдах, то имрады часто прибегают к помощи осла, а их женщины вообще не знают другого способа передвижения. Роль осла тем более важна, что он позволяет сберегать верблюдов, которых в Ахаг-гаре стараются особо не нагружать работой; кроме того, он всегда под рукой, пасется вблизи стоянки, тогда как верблюды находятся на пастбище, в нескольких днях пути. Своей неприхотливостью осел оказывает кочевникам очень большую услугу.

Упряжь

Мехаристы имеют свою особую упряжь — легкие седла, закрепленные на холке животного, к ним привязываются разные дорожные сумки и бурдюки с водой.

Различают несколько видов верблюжьих седел у туарегов Ахаггара:

- 1) *тари́к* — с передней лукой в форме креста, покрытой красной кожей;
- 2) *тамза́к* — той же формы, но более роскошное; внешние стороны передней луки и боковые стенки украшены небольшими ажурными пластинками из железа и меди, обиты медными гвоздиками;
- 3) *тахья́ст* — грубое, с лукой и поддоном для груза из простого дерева, украшенное геометрическим рисунком.

Тари́ком чаще всего пользуются туареги Ахаггара; *тамза́к* — более нарядный вариант *тари́ка*, своим украшением обязан влиянию народа хауса. На нем обнаруживается характерная техника накладывания ажурных металлических пластинок и нашивок из кожи, раскрашенной и снабженной вышивкой, присущая конским седельным мастерам хауса в Дамергу, Сокото и других. Нет никакого сомнения в том что это выпретенное искусство не имеет ничего общего с искусством туарегов. Характерно, что *тамза́к* в других районах не изготавливается, разве что копируется, притом весьма посредственно, энаденами иуллеммеденов или кель-адрар.

Оба седла с передней лукой в виде креста изготавливаются ремесленниками Аира, однако старые мастера этого края делают только *тари́ки*, тогда как *тамза́ки* — чаще всего дело рук энаденов, в какой-то степени смешанных с ремесленниками-хауса. Кузнецы Ахаггара делают лишь *тахья́сты* — седла, получившие распространение у туарегов племен ифорас, а также арабов кунта, берабиш (отсюда и его арабское название *бербуша*), которые сродни седлам мавров Западной Сахары.

Происхождение этих седел невозможно определить. На наскальных росписях и рисунках седло с крестом появляется довольно поздно; ранее всех там фигурирует, пожалуй, мавританское седло с небольшим поддоном, уже не встречающееся у туарегов. По логике вещей здесь должны быть обнаружены также изображения седла со спинкой азиатского типа, однако они исключительно редки в Центральной Сахаре.

Седельная лука в виде креста имеет сходство с украшением, называемым «агадесским крестом», и с рукоятью кинжала. Все они сделаны ремесленниками Аира, которые, возможно, являются и их авторами. Одно время считалось, что седло с лукой в форме креста отражает христианское влияние, переданное через коптов, однако последние исследования, проведенные среди ремесленников Аира, указывают на то, что изготовление такого седла носит местный характер и хронологически насчитывает лишь несколько веков. Седло с крестообразной лукой встречается в туарегском крае нечасто, тогда как арабское вьючное седло широко используется ныне в Тибести и в Эннеди, куда оно наверняка пришло от арабов Кордофана.

Благородные семьи Ахаггара, которые ездят только на мехари, имеют специальные седла, похожие на *базур* арабских женщин, но без обручей, покрытых тканью; лишь иногда, при совершении длительных переходов, туареги крепят их, например при пересечении большого рега

Ин-Геззам по дороге в Тамесну, а также для защиты от палящих лучей солнца. Такие седла называются *ахауи*. Делаются они из дерева и снабжены толстой лукой спереди и планками сбоку, украшенными медными бляшками. Несколько подушек, положенных в середину, обеспечивают путешественнице комфорт. Такие седла украшены пышными черными помпонами из козьей шерсти, свисающими по обеим сторонам.

К седлам привязываются кожаные сумки со сменной одеждой, запасами продовольствия и бурдюками с водой, необходимыми в пути.

Для перевозки товаров на верблюдов надевают вьючные седла арабского типа, изготовленные из пальмовых волокон, а их каркас — из *джериды* пальмового дерева; такие седла в основном делаются в Тидикельте. Они несколько отличаются от сахельских седел туарегов. На время длительного перехода каравана на каждое животное навьючивается до 100 килограммов груза, не считая бурдюков. Слуги, сопровождающие животных, не имеют личных средств передвижения, поэтому в самые жаркие часы еще и они усаживаются верхом на животных. Туареги не любят ходить пешком, они решаются на это лишь в крайнем случае, когда нельзя поступить иначе или когда верблюд и без того чрезмерно нагружен. Обычно же даже короткие расстояния они предпочитают преодолевать верхом.

Ослы, используемые для перевозок в пределах массива, снабжаются небольшим вьюком — ароку, — служащим также и седлом. Если какому-нибудь имраду предстоит переход в одиночку, он берет осла, навьючивает на него свою сумку, небольшой багаж и покрывало, пускает его впереди себя, а сам идет сзади с копьём на плече. Он садится на осла лишь в самые жаркие часы дня.

Примерно тридцать лет назад некоторые благородные туареги, в том числе аменокаль Ахамук, владели несколькими лошадьми и пользовались ими при поездках по Нижнему Ахаггару, изобилующему широкими долинами, где можно было избежать каменистых дорог. Однако это явилось слишком большой роскошью, от которой большинству пришлось отказаться. В 1929 году аменокаль Ахамук совершил путешествие из Ахаггара в Агадес на коне, а несколько верблюдов везли воду и корм для его скакуна.

Ахаггары никогда не ездят на зебу и не пользуются ими для перевозок, тогда как в Сахеле это животное используется как вьючное, а порой и для езды верхом.

Реззу и война

Грабеж стоянок противника считался у туарегов весьма почетным делом. Туареги Ахаггара особенно отличались этим. *Реззу* у них называется *эджен* или *эген* в отличие от *аннеменси* или *амджерра*, что означает открытую войну между племенами или целыми конфедерациями.

Реззу были более частым явлением, чем война. Они могли совершаться в любой момент и любыми силами, независимо от того, находились ли племена в состоянии войны или нет. *Реззу* стало столь обычным занятием, что было возведено в ранг реально существующего института, со своими законами, правилами, четко соблюдаемыми участниками. Самой простой формой *реззу* было похищение соседского стада, по возможности без человеческих жертв. Дело осложнялось, если жертва начинала защищаться и пыталась вернуть свое добро.

Для набега собирались самые разнородные элементы, объединенные жадной приключений и грабежа, помноженной на желание завоевать благосклонность у женщин. Не одна разбойничья экспедиция состоялась лишь ради удовольствия женщин — добыть им красивые одежды и украшения. Тщеславие мужчин прекрасным образом соединялось тут с тщеславием женщин.

Как только принималось решение совершить такой набег, его организаторы старались собрать как можно больше боеспособных мужчин. Чаще всего *реззу* бывали летом, когда из-за оскудения пастбищ стоянки были вынуждены рассредоточиваться и находились на значительном расстоянии друг от друга, что делало внезапность нападения более вероятной.

Каждый участник запасался оружием. Если у него не было мехари, он находил того, кто мог одолжить ему животное, обязуясь в случае удачи отдать ему половину захваченного скота; если же операция проваливалась или верблюд погибал, убытки не возмещались.

Собравшись вместе, мужчины обсуждали планируемый набег и произносили священные слова — обычное в таких случаях заклинание «нархай алларх», которое тесно сплавивало их на время экспедиции, обязывало оказывать друг другу помощь, а после окончания ее справедливо разделить добычу. Затем назначался глава, необязательно из числа благородных туарегов, но

непрерывно человек, известный своей храбростью, находчивостью и опытом участия в подобных делах. И группа отправлялась в путь, выслав вперед разведчиков. Все препятствия устранялись. Запасы продовольствия прятались в ущельях, чтобы, с одной стороны, не отягощать всадников, а с другой — обеспечить себя продовольствием на случай, если судьба окажется неблагоприятной. Двигаться приходилось быстро, чтобы использовать преимущество внезапного нападения, поэтому каждый имел при себе только самое необходимое. Еще до восхода солнца отряд был уже в пути, и марш продолжался без остановок до самого вечера. Все на марше было подчинено скорости — этому ключу к успеху; приближаясь к цели, отряд резво по возможности еще более ускорял темп. Перед нападением люди делились на две группы; одна должна была захватить животных и угнать их в условленное место, другая совершала нападение на стоянку противника, чтобы сбить его с толку и дезорганизовать.

Несколько человек выстрелами из ружей старались посеять в стане врага панику, после чего вперед устремлялись мехаристы. Противник, подвергшийся нападению и чаще всего неготовый к обороне, спасался бегством, особенно если на стоянке находились в основном женщины. Тогда у женщин отбирались одежда, украшения, все, что имело хоть какую-то ценность, включая запасы продовольствия. Уводили стада, если те находились на стоянке, однако эту работу совершала обычно другая группа.

Если же противник оказывал какое-то сопротивление, на него обрушивался град дротиков, и вскоре мужчины, спешившись, уже бились *такубами*. Однако чаще всего атакованное племя, оценив силы нападавших, отступало и в зависимости от обстоятельств либо потом оказывало сопротивление, либо организовывало ответное резво.

С сахельских стоянок уводили еще и негров, мужчин и женщин, а также верблюдов. Нескольких негров оставляли себе в качестве прислуги, остальных же продавали на рынках Айн-Салаха и Туата. Подвергшиеся нападению собирались, в свою очередь, с силами, но не бросались в напрасное преследование налетчиков. Поскольку им был известен обратный путь нападавших, они старались первыми достичь колодца, мимо которого те обязательно должны были проследовать. Если им удавалось перерезать дорогу к этому водопою, завязывалось настоящее сражение, ожесточенное и часто кровопролитное. Когда туареги видели, что их обошли, они образовывали плотное каре позади своих верблюдов и защищались с помощью щитов. Если они понимали, что завладеть колодцем им не удастся, они бросали добычу. Сражение прекращалось, лишь когда подвергшиеся налету отбирали все свое добро до последнего, если только среди них не оказывалось убитых и они не жаждали мести. Порой резво следовали один за другим. Иной же раз все улаживалось довольно мирно: налетчики проявляли себя по отношению к побежденным такими добрыми принцами, возвращая какое-то количество скота, необходимое им для существования, и забирая себе все то, что считали лишним. Подобное случалось, когда племя подвергалось ограблению незаконно, то есть когда ранее с его стороны не совершалось никаких действий, вызвавших этот набег. На сей счет существовали правила: делегация воинов («миад» — у арабов) приходила на стоянку нападавших и вела переговоры о частичном возвращении им имущества.

И наконец, налетчики делили захваченных животных между собой более или менее поровну — в зависимости от вклада каждого во время сражения; личная добыча — одежда, драгоценности — оставалась собственностью добытчика. В некоторых племенах обычай требовал, чтобы имрады часть добычи отдавали имха-рам; одолживший оружие и мехари также бывал вознагражден, эта часть добычи называлась абеллаг.

Не столь обычным делом была война. Она часто провоцировалась спорами о пастбищах, политическим и торговым соперничеством, а также вопросами сюзеренитета между благородными племенами. Длительная война, столкнувшая на многие годы племена кель-аджер и кель-ахаггар, носила политический характер: женщины бывшей сюзеренной фракции имананов обратились к кель-ахаггар с просьбой поддержать интересы их племени против племени тобола оранен. Причиной войны, которая велась между кель-рела и таитоками, стал спор о политическом господстве и сюзеренитете над рядом имрадских племен. И та и другая войны были очень кровопролитными.

В противоположность набегам, совершавшимся летом, войны велись в основном зимой, когда возвращались караваны и была запасена провизия, необходимая для жизни племени, на много месяцев вперед, что снимало с воинов заботы материального характера в отношении своих семей.

По словам арабов, туареги имели дурную репутацию: они могли предать в бою и не

соблюсти рыцарских правил войны, существовавших в Сахаре. Они не всегда должным образом встречали делегации, являвшиеся к ним в качестве «миадов» (даже если среди их членов были марабуты), и относились к пленным, которые, следуя обычаям Сахары, кидались к их ногам, касались одежд и этим жестом отдавали себя под их власть и защиту. Рассказывают даже, что иногда они расправлялись со своими пленниками. В оправдание туарегов следует сказать, что за время восстания 1915—1918 годов такого у кель-ахаггар не было, за исключением одного случая, когда они убили сержанта Пьетри. В основном же они обращались со своими пленными, как положено, и часть даже отпустили на свободу. Во время сражений в Иламане они позволили остаткам колонны

Массона уйти в Форт-Мотылински, хотя те находились в полной их власти. Однако верно и то, что совсем иначе они поступили с миссией Флаттерса. Обстоятельства никогда не бывают одинаковыми, в зависимости от этого меняется и поведение людей...

Во время резу или войны туарегская женщина пользуется особой привилегией: нападающие не имеют права трогать ее. Когда французы оккупировали страну туарегов, они с удивлением увидели, что мужчины-туареги бегут со стоянок, оставляя женщин и детей. За такое поведение они порой получали репутацию трусов; на самом же деле оно полностью соответствовало их обычаям: туареги сами уважали женщин и относились к ним с почтением, поэтому они ожидали того же и от французов; тем самым они как бы устраивали им своеобразное испытание на рыцарское поведение (впоследствии это очень облегчило налаживание мирных отношений). С точки зрения туарегов, было преступлением во время резу совершить насилие над женщиной, оставить ее совершенно обнаженной, проникнуть в ее палатку. Если и бывали нарушения, то совершались они, как: правило, людьми без чести и совести. К таким вещам и даже насилию были привычны имрады и икланы. Имха-ры же были приверженцами рыцарского поведения. Возмущались подобными нравами и имрады, но часто они оказывались в меньшинстве, и тогда верх одерживало неблагородство их компаньонов. За злостными выходками, совершенными по отношению к женщинам, всегда следовало суровое отмщение, которого виновным не приходилось долго ждать. Акта такого рода было достаточно, чтобы восстановить одно племя против другого. Так, в 1912 году подобные бесчинства людей марабута Абидина среди туарегов кель-адрар (когда был убит их аменокаль Селикрун) сделали эти фракции непримиримыми врагами. В то же время иуллеммедены долго сносили репрессии французских стрелков во время дела Адерамбукана.

Вооружение

Традиционное вооружение туарегов состоит из железных копий, дротиков с деревянным древком, мечей, кинжалов и щита.

Еще до французской оккупации туареги научились обращаться с огнестрельным оружием и имели какое-то, количество винтовок. В большинстве своем это были уже отслужившее свой век оружие или устаревшие модели, несколько ремингтонов, несколько современных карабинов; к ним следует отнести еще около сотни винтовок, захваченных в миссии Флаттерса.

Вооружены туареги по-разному, в зависимости от их социального положения.

Имхары носили то оружие, какое им нравилось; меч (*такуба*)— оружие исключительно знати; железное копьё (*алларх*) имелось как у благородных, так и у вассалов (существуют его разновидности—*алларх джериджер*, очень длинное, в три с половиной локтя, и очень тонкое копьё, которое носят кель-грес; *акермой* — очень короткое, используемое в основном всадниками); дротики с пяткой и наконечником из железа, с деревянным древком (*тарза*) предназначалась для вассалов и рабов; наручный кинжал (*телак*), снабженный кожаным кольцом для ношения его за рукоятку.

Ношение *такубы* было разрешено и имрадам кель-ахаггар, но они недавно стали пользоваться этим правом, которого добились скорее всего принудительным порядком.

Имхары владели также оружием, в настоящее время нигде уже не встречающимся — *аджамбой*. Это короткая, длиной в два локтя, пика с широким листовидным острием и загнутым назад зубцом, имевшая древко с медными украшениями и железной пяткой. Существовала также совсем короткая рогатина — оружие ближнего боя — с двумя наконечниками, как у копья, насаженными на деревянную рукоятку.

Дискриминация в отношении оружия у имхаров и имрадов была еще более ощутима в Сахеле. В некоторых племенах имрады имели право носить лишь дротики с деревянным древком.

Что касается оружия икланов, то чаще всего это простая деревянная дубина (*табури*), сделанная из толстой ветки дерева, узловатой с одного конца.

Туареги имели для защиты только одно оборонительное оружие — щит (*архер*), сделанный из кожи антилопы-орикс. Он являлся принадлежностью лишь благородных воинов. Дювейрье, правда, установил, что имрады кель-аджер тоже носили щит, но нам известно, что социальная иерархия в этой конфедерации была несколько нарушена в результате борьбы, которую вели бывшие султаны имананов с вождями ораренов, впоследствии вытеснившими их. Считается, что самые лучшие щиты — у иуллеммеденов.

Туареги — ловкие фехтовальщики, когда дерутся в ближнем бою на мечах; защищаются они с помощью щита, закрывающего все тело; они манипулируют им с большим проворством, несмотря на его размеры и вес. *Такубой* можно разрубить человека до пояса и расщепить надвое щит. Меч защищает руку небольшой железной прямоугольной гардой, которая придает его верхней части форму креста.

Закопать *такубу* (*энбел такуба*) означает у туарегов установить прочный мир.

Исследователь Дювейрье сообщал, что туареги пользуются луком; он даже привез один, который сейчас выставлен в Музее Человека. Речь идет о луке народа хауса. Позднейшие исследования показали, что туареги, как сахарские, так и сахельские, не пользовались этим оружием. Оно было в употреблении лишь у черных, находившихся в их подчинении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arambourg C.* Observations sur le quaternaire de la region du Hog-gar // Trav. I. R. S. 1948. V. c. 7—18.
Anonyme (Cap. Bernard). Les Deux Missions Flatters par un membre de la premiere mission. P., 1884.
Bazin R. Charles de Foucauld, explorateur du Maroc, ermite du Sahara. P., 1921.
Benhazera M. Six mois chez les Touaregs du Ahaggar. Alger, 1908.
Bernard F. Deuxieme Mission Flatters, historique et rapports rediges au Service central des Affaires indigenes. Alger, 1882.
Bissuel H. Les Touaregs de l'Ouest. Alger, 1888.
Brosselard H. Les Deux Missions Flatters. P., 1888.
Brunon J., Brunon R. Decouvertes du Hoggar. Marseille, [s. a.] 95 c.
Camps G. Amakni, Neolitique ancien du Hoggar // Mem. CRAPE (P.). 1969. X. 230 c.
Cauvet (Cdt). Le Raid du Lieutenant Cottenest au Hoggar: Combat de Tit, 7 mai 1902 / Ed. R. Brunon, J. Brunon. Marseille, 1945, 146 c.
Cid Kaoui. Dictionnaire frangais—tamaheq. Alger, 1894.
Cid Kaoui. Dictionnaire pratique tamaheq—francais. Alger, 1900.
Cortade J.-M. Lexique frangais—touareg, dialecte de l'Ahaggar. P., 1967. 511 c.
Cortier M. D'une rive a l'autre du Sahara. P., 1908. *Dubief J.* La chronologie des Kel Ahaggar et des Tai'toq // Trav. I. R. S. 1942. I. c. 87—132.
Dubief J. Les Ifoghas de Ghadames. Chronologie et nomadisme. Tunis, 1948. c. 141—158.
Dubief J. Chronologie des Imanghassaten. Tunis, 1950, c. 23—26.
Flamand G. B. M. Les Pierres ecrites. P., 1921.
Foley (Dr). Moeurs et medecine des Touaregs de l'Ahaggar. P., 1930.
Foucauld P. Dictionnaire abrege touareg—frangais (dialecte Ahaggar). Ed. R. Basset. Alger, 1918, т. 1; 1920, т. 2.
Foucauld P. Notes pour servir a un essai de grammaire touaregue. Ed. R. Basset. Alger, 1920.
Foucauld P. Poesies touaregues (dialecte Ahaggar). P., 1925. I; 1930. II.
Foucauld P. Dictionnaire abrege touareg—francais des noms propres (dialecte Ahaggar). Ed. A. Basset. P., 1940.
Foucauld P., Motylinski A. Textes touaregs en prose (dialecte de l'Ahaggar). Ed. R. Basset. Alger, 1922.
Frobenius L. Ekade Ektab. Die Felsbilder Fezzans. Lpz., 1937.
Frobenius L., Obermaier. Hadira Mektouba. Miinchen, 1925.
Germain J., Faye S. Le General Laperrine, grand saharien. P., 1922.
Graziosi P. L'arte rupestre della Libia. Napoli, 1942. 2 vol.
Gsell St. Le tombeau de Tin—Hinane a Abalessa // C. R. Ac. Inscr. et Belles—Lettres. 1925. C. 237.
Hanoteau A. Essai de grammaire de la langue Tamachek. Alger, 1896.
Humann (Dr J.). Notes sur les pratiques medicales des Kel Hoggar // Arch. Inst. Past. Algerie. 1933. XI, 3. Sept. c. 465—512.
Jean C. Les Touaregs du Sud—Est: L'A'ir. P., 1909.
Le Rumeur (Cap. Y.). Les temoins d'une civilisation ancienne dans le cercle de Tahoua // Bull. Com. Et. Hist et Sc. de l'Afr. Occid. Fr. 1933. XVI, 2. Avr.—juin.
Lehuraux (Cdt). Sur les pistes du Desert. P., 1929. *Lhote H.* Contribution a l'etude somatique des Touaregs // Rev. Ant-hrop. 1938. 10—12. Oct.—dec.

- Lhote H.* Le gisement neolithique de l'oued Chet Her (Tanezrouft—n—Ahnet) //Journ. Ste Afric. 1941. XI. c. 125—140.
- Lhote H.* Lanneau de bras des Touaregs, ses techniques et ses rapports avec la prehistoire//Bull. IFAN, 1950. XII, 2. c. 456—487.
- Lhote H.* Contribution a l'etude des Touaregs. Les Sandales. Contribution a l'etude de l'Air//Mem. IFAN (P.). 1950. II. c. 512—533.
- Lhote H.* La Chasse chez Touaregs. P., 1951.
- Lhote H.* Interpretations indigenes de quelques gravures et peintures rupestres geometriques du Sahara Occidental//Notes Afric. 1952. 53. Janv. c. 5—6.
- Lhote H.* Dans les campements touaregs. P., 1952. *Lhote H.* Peintures de l'oued TakcchJirouet, Ahaggar//Bull. IFAN. 1953. XV, 1. Janv. c. 283—291.
- Lhote H.* Le Cheval et le chameau dans les peintures et gravures rupestres du Sahara//Bull. IFAN. 1953. XV, 3. Juil. c. 1138—1228.
- Lhote H.* L'Epopée du Tenere. P., 1961, 194 c.
- Lhote H.* Les Chars rupestres sahariens, Toulouse, 1982, 283 c.
- Lhote H., Kelley H.* Le gisement acheuleen de l'Erg d'Admer (Tassili des Ajjer) //Journ. Ste Afric. 1936. VI. c. 217—226.
- Marty P.* Etudes sur l'Islam et les tribus du Soudan. 4 vol. P., 1920—1921.
- Masqueray E.* Dictionnaire frangais—touareg. P., 1893.
- Monod Th.* L'Adrar Ahnet (Contribution a l'etude d'un district saharien). P., 1932.
- Motyliniski A.* Grammaire, dialogues et dictionnaire touaregs. I: Grammaire et dictionnaire frangais—touareg. Ed. R. Basset. Alger, 1908.
- Nicolas F.* Tamesna. P., 1950.
- Ferret R.* Recherches archeologiques et ethnographiques au Tassili des Ajjers//Journ. Ste Afric. 1936. V, 1. c. 41—64.
- Ferret R.* Une Carte des gravures et des peintures a l'ocre de l'Afrique du Nord, etablie avec la collaboration de Th. Monod pour la Mauritanie, d'Henri Lhote pour le Sahara Central//Journ. Ste Afric. 1937. VII, 1. c. 107—123.
- Reygasse M.* Monuments funeraires preislamiques de l'Afrique du Nord. P., 1950.
- Reygasse M., Gautier E.—F.* Le Monument de Tin—Hinan. P., 1934, 12 c.
- Rodd F. R.* People of the Veil. L., 1926.
- Sergi (Pr).* Scavi Sahariani: Ricerche nell'uadi el Agial e nell' case di Gat della Missione Pace Sergi, Caputo // Monument! Antiche. XLI.
- Vermale (Dr).* Au Sahara pendant la guerre europeenne. P., 1926.
- Urvoy Y.* Histoire des Populations du Soudan central. P., 1936.

ТУАРЕГИ В ИСТОРИИ АФРИКИ

Советские читатели знают Анри Лота как смелого путешественника-искусствоведа, открывшего для мировой культуры наскальную живопись Тассили в Сахаре¹. Это открытие глобального значения прославило французского ученого на весь мир и повлекло за собой новые исследования искусствоведов, археологов, историков. Но прежде чем прославиться в качестве первооткрывателя древней живописи, А. Лот выступил в науке как этнограф, который в течение многих лет в тяжелейших условиях изучал жизнь туарегов — народа Центральной Сахары. Этнографический труд А. Лота — еще больший подвиг, чем сенсационное открытие фресок Тассили.

Он по достоинству оценен в научном мире. На материале книги А. Лота «Туареги Ахаггара» в значительной степени основываются все современные описания культуры и общественного строя туарегов, в том числе статьи польского ученого К. Макульского², советских ученых А. И. Першица³, В. А. Субботина⁴, разделы в монографиях В. А. Субботина⁵, Ю. К. Поплинского⁶ и автора этих строк⁷.

¹ На русском языке опубликованы следующие книги А. Лота: В поисках фресок Тассилин-Аджера. М., 1973; В поисках фресок Тассили. Л., 1982; К другим Тассили (новое открытие в Сахаре). М., 1984.

² Makulski K. Structura spoleczna I polityczna Kel-Ahaggar (1945—1954).—Przegląd Sociologiczny. Lodz, t XXII, 1969.

³ Першиц А. И. Общественный строй туарегов в XIX в.— Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

⁴ Субботин В. А. Кочевое и оседлое население Суданского Сахеля в XIX в.— Некоторые вопросы истории стран Африки. М., 1968, с. 87—94.

⁵ Субботин В. А. Колонии Франции в 1870—1918 гг. М., 1973.

⁶ Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира: гарамантская

«Туареги Ахаггара» — итоговая работа А. Лота по этнографии туарегов, главным образом одной из групп этого народа — ахаггаров, или кель-ахаггар. В ней представлена удивительная культура Центральной Сахары, наследница древних цивилизаций.

Собственно, ко времени начала работ А. Лота в науке уже был накоплен материал о туарегах, в частности ахаггарах. Среди первых европейских путешественников, побывавших у разных групп туарегов, надо отметить немца Э. фон Бари, он в 1876—1877 гг. пересек их территорию от оазиса Гат на севере до Аира на юге⁸. Но в основном сюда устремлялись французские экспедиции, преимущественно военные (подполковника Флаттерса в 1880—1881 гг.⁹, именем которого назван форт на границе Аджера, лейтенанта Фуру в 1894—1895 гг.¹⁰ и др.). Среди участников этих экспедиций встречаются польские фамилии, в этом числе А. Мотылински, польский востоковед, имеющий большие заслуги в изучении туарегов и других берберских этносов¹¹ (его именем также назван один из фортов на севере страны туарегов). Почти одновременно с А. Лотом этнографические исследования ахаггаров проводили Ф. Николя¹², А. Морель¹³ и К. Блангернон, о котором будет сказано ниже. И все же ко времени, когда А. Лот приступил к изучению ахаггаров, эта группа туарегского народа была известна ученым меньше, чем более северные и более южные группы.

Главная причина — труднодоступность Ахаггара, высокогорного края посреди величайшей пустыни, где растительность и все источники существования людей и животных крайне скудны, а суточные перепады температур достигают, а то и превышают 50°C. Кажется странным, как вообще в этом краю с его экстремальными условиями могут жить люди. Но ахаггары благодаря психофизической адаптации к «бесчеловечно» суровому климату и скудным жизненным ресурсам, а также — что не менее важно — благодаря своей замечательной культуре живут в Центральной Сахаре. Жизнь их наполнена не только трудом и борьбой за существование, но и радостями и глубоким смыслом.

В культурном отношении и ахаггары, и весь туарегский народ являются своего рода реликтом древней берберской Сахары. Фактами культуры туарегов ученые пользуются для воссоздания более полной картины древней цивилизации гарамантов, культуры античных гетулов и средневековых санхаджа. Северные и западные соседи туарегов арабизировались, восточные — ассимилировались с тубу. Еще до XIV в. отдельные группы туарегов проникли в Суданский пояс от излучины р. Нигер (на востоке Мали) до плато Азбин, или Аир (в нынешнем Нигере). В то время они считались частью сахарских берберов — санхаджа, с которыми действительно имели много общего в языке и культуре. Арабизация большей части западных (мавританских) санхаджа оторвала последних от туарегов и таким образом изолировала этих сахарских берберов, а также зенага Южной Мавритании от родственных им берберских народов Средиземноморья и оазисов Северной Сахары.

В настоящее время подавляющее большинство туарегов (до 600 тыс.) живет в суданско-сахарской зоне Тропической Африки: в Мали, Буркина Фасо, Нигере, Нигерии, Чаде. Лишь небольшая часть туарегского этноса — ифорасы, аджеры, ахаггары и др. — еще населяют Центральную Сахару. Ахаггары, обитающие в самом центре величайшей в мире пустыни, — наиболее сохранившаяся группа носителей древней туарегской культуры. Поэтому книга А. Лота о них особенно интересна для этноисторика и историка культуры.

Нельзя забывать, что общество ахаггаров (и туарегские общества в целом) — далеко не первобытное — прошло многовековой путь развития на периферии феодального мира и Северной

проблема. М., 1978.

⁷ Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982.

⁸ Bary E. de... Le dernier rapport d'un Europeen sur Ghat et sur ks Touareg de l'Air (Journal de voyage d'Edwin de Bary, 1876—1877). P., 1898.

⁹ Flatters L.-C. Documents relatifs a la mission dirigee au Sud de l'Algerie par le lieutenant—colonel Flatters. P., 1884.

¹⁰ Fourneau L. Mission chez les Touareg (Mes deux itineraires res res sahariens d'octobre a mat 1895). P., 1895.

¹¹ Motylinski A. 1) Guerara deduis sa fondation. Alger, 1885; 2) Voyages a Abalessa et a La Koudia.— Bulletin de la Comite d'Af-rique Francaise. 1907, N° 10; 3) Grammaire, dialogues et dictionnaire rouaregs. Alger, 1908.

¹² Nicolas F. La societe chez les Touareg du Dinnik.— Bulletin (i'lFAN. T. I, avril—juillet 1939.

¹³ Morel H. Essai sur l'eepe des Touareg de'Ahaggar (takouba).— Traveaux d'IRS. T. II, P., 1943; OH ace. Remarques sur la vie mental les et le gestes des Touareg de l'Ahaggar.— Traveaux d'TRS. T. IV, 1945.

Африки, и Центрального Судана, которые соединялись караванными трассами, проходившими через страну туарегов.

Вероятно, предки туарегов кочевали на ближней периферии Гарамы — городской и земледельческой цивилизации Сахары, расцвет которой относится к V в. до н. э.— VI в. н. э. В VI в. среди населения Гарамы — гарамантов — распространилось христианство. Возможно, оно оказало какое-то влияние и на туарегов. На рубеже средневековья в Ахаггаре существовала связанная с Гарамой культура Абалесса. Единственный известный пока памятник этой культуры — комплекс Абалесса, состоящий из храма, дороги, обозначенной колоннадой и ведущей в храм, двенадцати могильных склепов, подземной гробницы, высеченной в скале, которая, в свою очередь, является задней стеной и основанием храма. В этой гробнице находится богатое погребение знатной женщины, вероятно, сакрализованной правительницы, со множеством золотых украшений, драгоценных камней, сосудов с благовониями и пр. Одни предметы изготовлены римскими ремесленниками, другие — местными. По найденной здесь римской золотой монете Константина I погребение ахаггарской царицы, а также храм датируются V в. Местное предание связывает это погребение с легендарной Ги-н-Хинан, о которой рассказывает А. Лот.

В XI—XII вв. западнее и севернее страны туарегов существовала исламская держава санхаджа-Альморавидов, раскинувшаяся от северных областей Сенегала и Мали до Центральной Испании и Ва-леарских островов. Во второй половине XII в. балеарские Альмора-виды основали княжество в Феззане, рядом с северными туарегами. Альморавиды — соседи и сородичи туарегов, завладевшие важными центрами торговли и культуры, с которыми были связаны тогдашние туареги, — могли (и должны были) оказать на последних какое-то влияние, но оно практически пока не исследовано.

В XII в. северные туареги уже находились под властью мусульманских султанов имананской династии, о которых рассказывает А. Лот. Это государство просуществовало до середины XVII в. После смутного времени, длившегося почти целый век, на развалинах Имананского султаната возникли конфедерации Аджер и Ахаггар.

Аналогичным было развитие юго-западных туарегов, наиболее близких к санхаджа. В период альморавидекой державы они составляли политическое объединение во главе с племенем тадемакет. Его столицей был город-оазис Тадмакка на плато Адрар-Ифорас. Впервые Тадмакку упоминает арабский путешественник X в. Ибн Хаукал¹⁴. В XI в. знаменитый географ арабской Испании Абу Убейд Абдаллах аль-Бакри собрал интереснейшие сведения о Тадмакке: «Это большой город среди гор и ущелий, с красивыми строениями... Жители Тадмакки — берберы-мусульмане. Они занавешивают себе лица, подобно тому как занавешивают их себе берберы пустыни. Их пища состоит из мяса, молока и зерна, которое производит земля без обработки. К ним привозится дурра и другое зерно из страны черных. Надевают они выкрашенные в красное одежды из хлопка, нульской (из Тропической Африки) ткани и прочего. Их царь надевает красную головную повязку, желтую рубаху и синие штаны. Их динары (золотые монеты.— Ю. К.)... чистое золото без штампа. Их женщины превосходны красотой; по красоте им нет равных среди женщин других стран. У этих людей прелюбодеяние считается законным. Эти женщины наперебой стремятся к купцам, чтобы какая-либо из них доставила его в свой дом»¹⁵.

К сожалению, из описания не вполне ясно, закрывала ли головная повязка ('имама) не только голову, но и лицо тадмаккского царя, но скорее всего так оно и было. Очень интересны определенные указания на богатство этого торгового города, большую свободу женщин, характерную и для позднейших туарегов, и на их специфическое участие в обслуживании караванной транссахарской торговли.

Аль-Бакри подчеркивает принадлежность жителей Тадмакки к исламу. Но, согласно арабскому географу XII в. Абу Абдаллаху Мухаммеду аз-Зухри, они приняли ислам семью годами позже жителей Ганы, т. е. в конце XI в.¹⁶. Вообще-то текст аз-Зухри плохо сохранился, и тут что-то не так; однако можно предположить, что в XI в. ислам постепенно распространился среди юго-западных туарегов. Аз-Зухри упоминает еще один город неподалеку от Тадмакки—

---

¹⁴ Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники X—XII вв. Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.— Л., 1965, с. 46, 64.

¹⁵ Там же, с. 165—166, 187.

¹⁶ Там же, с. 217, 222.

Тасала¹⁷, а аль-Бакри сообщает о берберском племени сагмара, которое было связано с Тадмаккой и жило в излучине р. Нигер, Торговые связи Тадмакки простирались до Гадамеса на северо-востоке, Тиракки в нынешнем Мали, Каукау в нынешнем Нигере. В Тиракке тадмаккские купцы встречались с купцами из средневекового государства Гана, богатого золотом¹⁸.

Однако уже в XII — начале XIII в. многочисленное туарегское племя иуллеммеден покинуло Адрар-Ифорас и переселилось поближе к берегам Нигера. Затем стали отделяться и другие племена, и вскоре царство Тадмакка распалось. Этим воспользовались правители средневековой империи Мали, подчинившие себе город-оазис Тадмакку и земли между Адрар-Ифорасом и долиной р. Нигер (начало XIV в.). Вскоре тадемакеты и другие племена юго-западных туарегов вернули себе независимость, и г. Тадмакка служил центром транссахарской торговли вплоть до середины XVII в., когда он был разрушен в результате жестоких междоусобных войн. Еще раньше, в XIV—XVI вв., часть жителей Тадмакки переселилась на берега Нигера и на плато Аир, где возникли новые торговые города.

Во второй половине XIV в. туарегский султан Акиль объединил племена юго-западных туарегов, освободившиеся от власти Мали, и подчинил себе г. Томбукту в излучине Нигера и часть долины этой реки. Опорой Акилю служили туарегские кланы и берберы — переселенцы из Северной Африки и Сахары — купцы и мусульманские духовные лица. В 1469 г. Акиль был изгнан создателем Сонгайской державы Али Бером¹⁹. Среди туарегов тоже появились родовые группы мусульманского духовенства. Арабский историк Шихаб ад-Дин Ахмед аль-Омари еще в XIV в. упоминал туарегское племя антасар (теперь — марабутское), у которого имелись собственные цари — вассалы правителя Мали²⁰. В то время на плато Аир (в нынешнем Нигере) уже существовало государство туарегов и хауса. В XIV в. оно сумело отстоять свою независимость от Мали, в XV в. — от Сонгайской державы. В 1352 г. столицу Аира — г. Такедда — посетил: величайший североафриканский путешественник Ибн Баттута. Он отметил богатство жителей, ежегодно совершавших торговые экспедиции в Египет и в страны Западного Судана, почти полное отсутствие земледелия и добычу меди на руднике близ города. Кроме того, он обратил внимание на то, что у городских берберов и туарегов племени бардама женщины занимают высокое положение²¹.

В начале XVI в. Аир завоевали сонгаи, но вскоре Аирский султан вернул себе независимость. В XV в. были построены мечети в городах Аира — в Такедде, Агадесе и Агаллале (близ г. Иферуан), а в XVI в. — знаменитая соборная мечеть Агадеса, сохранившаяся до настоящего времени. Медресе при ней стало центром исламского образования для Аира и соседних стран. Здесь преподавали крупные правоведы — местные и из арабских стран²². Аир временами владел и цепью оазисов Каввар, Джадо и др. с их соляными копиями. Другой центр торговли, земледелия, городской и политической жизни находился у северо-западных границ страны туарегов. Это-Туат с его цветущими оазисами и городом Таменит. В 1447 г. Антонио Мальфанте, то ли генуэзец, то ли провансалец, находясь в Туате, первым из европейских географов упомянул туарегов (называя их «филистимлянами»), которые враждовали с туатскими берберами-иудаистами²³. В 1492 г. г. Таменит был разрушен, Туат утратил прежнее значение. В конце XVI в. марокканские завоеватели заняли города и оазисы на границах страны туарегов: Туат, Тафилалет, Томбукту и другие, но самих туарегов не смогли подчинить. В дальнейшем усилилось давление на туарегов арабских племен на севере и западе, тибу (занявших Каввар и Джадо) на востоке, марокканские паши засели в Томбукту. Оттесненное от городских центров, караванных путей, разработок полезных ископаемых (медной руды, каменной соли, квасцов), плодородных земель в речных долинах и оазисах, туарегское общество экономически и политически деградировало, но сохранило в основном свою социальную структуру.

В XVIII в. окончательно сложились те туарегские «конфедерации», которые изучались европейскими учеными в колониальное время и о которых пишет А. Лот.

В период колониального раздела Африки туарегам сразу же пришлось уменьшить караванную торговлю (из Суданского пояса к берегам Средиземного моря через Центральную

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с.166 и сл., 186 – 189.

¹⁹ Суданские хроники. Пер.с араб. Вступит. ст. и примеч. Л.Е. Куббеля. М., 1984, с.201 – 202.

²⁰ История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с.276.

²¹ Там же, с. 292.

²² Кобищанов Ю. М. История распространения ислама в Африке. М., 1987, с. 89—90.

²³ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. IV. М., 1963, с. 128.

Сахару). Правда, нынешние Нигер, Северная Нигерия и Чад, откуда туареги вели караваны с рабами и разными экзотическими товарами, и Триполитания (западная часть Ливии), до 1912 г. принадлежавшая туркам, позже других африканских стран была захвачена европейскими державами, но уже в конце XIX — начале XX в. все группы туарегов почувствовали приближение нелегких времен и правильно связали их с европейцами-христианами, подчинившими себе почти все мусульманские страны, окружавшие страну туарегов. Поэтому они с враждебностью встречали не только французские патрули, но и исследовательские экспедиции, стремясь их истребить на границах своей родины (как они поступили в 1881 г. с экспедицией Флаттерса)²⁴.

Тем не менее не только Франция, но и другие европейские страны продолжали направлять свои экспедиции к туарегам. В феврале 1885 г. сюда по поручению российского Палестинского общества был направлен известный русский путешественник, этнограф и антрополог А. В. Елисеев. Из ливийского Триполи он намеревался проникнуть в Феццан и Гадамес, а из Гадамеса — к туарегам. Это ему удалось не сразу. По пути каравана А. В. Елисеева из Триполи в городок-оазис Мансура «сильная песчаная буря... погубила трех верблюдов... и одного старика-купца»²⁵. В Мансуре путешественник узнал о «волнениях среди туземцев впереди нас и о насилиях, которым подвергся караван, вышедший из Триполи за неделю до нашего»²⁶. Феццан был охвачен антиевропейским движением; его возглавил мусульманский духовный орден Сенусийя. Движение вдохновлялось слухами о победах махдистов в Судане. «Говорили, что шайки туарегов, подняв знамена махди, ворвались в Феццан и, разграбив караваны, посягнули головами нескольким купцам»²⁷.

Купцы каравана решили немедленно вернуться в Триполи. «Разумеется, с караваном невольно ворочался и я, скорбя о неудаче и решившись пробраться в Сахару через обыкновенные ворота — Южную Алжирию по пути экспедиции Флаттерса, в феврале 1881 года изрубленной туарегами»²⁸.

После поездок по Тунису и Алжиру, позволивших сделать ряд интересных наблюдений и антропологических измерений, А. В. Елисеев отправился в пятнадцатидневный переход от оазиса Уаргла в алжирской Сахаре в Гадамес, чтобы уже оттуда совершать поездки к северным туарегам. Об этом народе русский этнограф собрал некоторую устную информацию и, разумеется, прочел работу Ж. Дювейрье «Северные туареги»²⁹.

Из книги Дювейрье А. В. Елисеев узнал, что туареги почитают врачей. Будучи врачом по образованию, русский путешественник объявил, что едет в их страну для сбора лекарственных трав. Незадолго до его поездки туарегами был убит француз Дюпере, также пытавшийся проникнуть к аджерам и ахаггарам. Путешествие европейца в эти края, как правильно понимал русский ученый, «имело характер... разведочный, с точки зрения туарегов — политический, посягающий на их свободу, на дорожную их волю»³⁰.

На этот раз экспедиция в Гадамес и поездки к обитавшим вблизи этого города-оазиса туарегам полностью удались. Лишь недостаток средств не позволил А. В. Елисееву продолжить путешествие в глубь Сахары.

Свою экспедицию к туарегам он скромно назвал «антропологической экскурсией». Между тем то было настоящее исследовательское путешествие. Наряду с физико-географическими наблюдениями и собиранием гербария и других коллекций А. В. Елисеев сделал интересные этнографические наблюдения. Как и многие другие образованные европейцы, познакомившиеся с туарегами, русский путешественник был восхищен благородством этого народа, его выносливостью, красотой. «Свободолюбивый, гуманный, воссавший понятие о равенстве с молоком матери» туарег³¹; «женщины в общем очень красивы... и редко у какого народа находятся в таком почете, как у туарега Сахары»; «мало того, что женщина подруга жизни своего мужа, но она часто своей интеллигентностью и развитием превосходит этого последнего»³².

---

²⁴ Субботин В. А. Колониалистское движение во Франции и Тропическая Африка в 1870—1918 гг.— Проблемы колониализма и становление антиколониальных сил. М., 1979.

²⁵ Елисеев А. В. Антропологическая экскурсия в Сахару через Триполи, Тунис и Алжир. Сообщение, сделанное в общем собрании И. Р. Географического общества 1 мая 1885 г. СПб., 1885, с. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, с. 5.

²⁹ Du Verrier J. Les Touareg du Nord. P., 1883.

³⁰ Елисеев А. В. Антропологическая, с. 21.

³¹ Там же, с. 42.

³² Там же, с. 39.

Вместе с тем русский исследователь не закрывал глаза и на неблагоприятную с точки зрения европейского общественного мнения (абсолютно неизвестного тогда туарегам) роль этих «царей пустыни» в транссахарской работорговле, на их набеги с целью захвата рабов для продажи³³.

Самостоятельную научную ценность представляют собой антропологические измерения и визуальные наблюдения А. В. Елисеева, впервые познакомившие русскую науку с туарегами и другими берберскими народами³⁴.

Представляет собой интерес первое в русской географической литературе описание туарегов:

«Главное отличие туарега от всех его окружающих народностей — это то, что он вечно покрыт родом вуали... Никогда не снимает своего покрывала туарег, даже когда ест или спит. Снять покрывало считается даже неприличным для мужчины, тогда как женщины, часто красящие себе лица желтой охрою в противоположность синей краске мужчин, не носят покрывала. Вуали эти бывают черные и белые... Одежда туарегов немудрена и состоит из голубой блузы шерстяной материи и таковых же панталон, перетягивающихся поясом, часто красного цвета; красный, белый или голубой плащ набрасывается на плечи; амулеты, украшающие шею, пояс и грудь суеверного туарега, дополняют его наряд, также как и оружие.

Оружием туарегу служат длинное копьё со вторичными зазубринами, сабля, лук, стрелы; четырехугольный длинный щит из кожи завершает артиллерию. Теперь нередко встретить у туарега ружье, и я видал в руках одного номада даже хорошее английское ружье. Интересен обычай у туарегов — носить небольшой кинжал на левом предплечье и каменное кольцо на правом³⁵, что придает последнему силу и упор при употреблении оружия, как думают туареги.

...Туарег очень разборчив в пище: он не только не ест мяса верблюда, барана, козы, рыбы, птиц и яиц их, но даже не любит смотреть на тех, кто их ест.

Словно могучий орел с невидимой выси поднебесья, обозревает туарег свой округ, не пропуская своим взором ни одной бегущей мышки, ни одной птички на дюнах; туарег — хозяин и властелин данной области, хотя бы она тянулась на целые сотни верст. Изумительна деятельность этого вечного странника, путешествующего в необозримой пустыне... Как ни однообразен местами рельеф Сахары, но туарег не потеряет в ней дороги; и земные, и воздушные, и небесные признаки равно руководят им в пути. Не только одинокая дюна, но даже пучок жидкой травы или кусочек тарфы служат для него верными вехами, как и брошенный камешек на пути или побелевший скелет верблюда. Даже в случаях ночных переходов или песчаной бури не теряется туарег в пути, руководясь чутьем, как лучшая ищейка...

При таких острых чувствах, разумеется, ничто не скроется от туарега в Сахаре, а при его сметливости и сообразительности он может читать по следам еще лучше, чем индеец. Изучение следов верблюда — его специальность. По ним он скажет вам с точностью о том, кто прошел: свой или чужой, туарег, или араб, или белый, мирный ли караван или шайка грабителей, спешил ли путник или подвигался не торопясь, откуда и куда направлялся он, чем и как был нагружен его верблюд. Проверьте на опыте слова туарега — и вы увидите, что он не ошибся³⁶.

Этнографические наблюдения А. В. Елисеева были частично включены в его популярную, выдержавшую несколько изданий книгу «По белу свету». Здесь мы находим и некоторые детали, отсутствующие в докладе на заседании Географического общества, например картинное описание ахалы: «Раз я попал даже на оригинальное пиршество, которое давал... один из вождей туарегов, только что воротившийся из похода в горы Аххагар. Здесь кроме мужчин было много и женщин. Дочери пустыни были одеты в длинные голубые одеяния, украшены ожерельями и кольцами. Многие из них имели лица, окрашенные желтой охрою... Среди туареженок особенно выделялась дочь вождя, которая при своей красоте была кокетливо одета в белоснежное короткое одеяние с красным поясом... Эта красивая девушка... переносила все лишения не хуже воина-туарега, прекрасно владела луком, копьем и небольшим кинжалчиком, который она носила на левом предплечье... Я попал в число почетных гостей; в то время как все остальные приглашенные сидели просто на земле, для меня и Ибн Салаха (купца из г. Гадамес.— Ю. /С.) была подостлана львиная шкура — один из трофеев хозяина,— всегда красовавшаяся на седле хозяина и предлагаемая только в знак особенного уважения.

³³ Там же, с. 42 и сл.

³⁴ Там же, с. 7 и сл., 23 и сл., 36—37 и сл.

³⁵ 35 Обычай носить кинжал на левом предплечье и каменное кольцо на правом существовал еще у древних ливийцев — далеких предков туарегов.

³⁶ 36 Елисеев А. В. Антропологическая, с. 40—42.

Ночь уже спустилась над пустыней, когда празднество началось. Около сотни туарегов обоего пола уже наполняли лагерь и шумно беседовали между собою. Старики сидели особо, пережевывая и нюхая табак с едким натром, между тем как молодежь затевала игры и пляски. Кружки с молоком и водою, приправленную душистым медом, обходили гостей. Девушки образовали хоровод, молодые мужчины — тоже свой круг, двинувшийся в противоположном направлении» (далее следует красочное описание танцев, пира и песен туарегов)³⁷.

В докладе он лишь кратко замечает: «Я был принимаем везде как желанный гость — и в черной палатке туарега, и среди его веселой фантазии — ночного пиршества, и на совете — миад—убеленных сединою старцев. Не долго пробыл я среди туарегов, но все мои симпатии остались на стороне этого тихого и грозного, деятельного и ленивого, доброго и кровожадного вместе народа. К сожалению, мой кошелек был так скуден, что мне нельзя дальше проникать в Сахару, хотя и представлялся не раз хороший случай»³⁸.

Русский путешественник не оставлял попыток проникнуть из Гадамеса в Феццан, но караван, к которому он примкнул, был обстрелян туарегами. С обеих сторон были раненые, сам А. В. Елисеев был легко ранен в руку, а у его слуги-африканца была прострелена одежда. Караван вернулся в Гадамес. Через несколько дней с другим караваном А. В. Елисеев направился в Алжир, а оттуда морем — в Россию³⁹.

Стоит лишь пожалеть, что А. В. Елисеев, путешествовавший по Ближнему и Среднему Востоку почти до самой смерти в 1895 г. и не дождавшийся даже выхода в свет трех из четырех томов своей книги «По белу свету», так и не совершил экспедиции в глубь страны туарегов.

В течение последующих 15—20 лет туареги еще сохраняли свою независимость от европейских колонизаторов.

В 1901—1905 гг. французы, оккупировав большую часть Северной и Западной Африки, повели наступление на области Центральной Сахары. С юга, из долины р. Нигер, продвигался капитан Тавеньо, с севера, из Алжира, — отряд полковника Лаперрина. В 1902 г., воспользовавшись ничтожным предложением, французы вторглись в Ахаггар. На борьбу с ними поднялись все племена. Скорострельным винтовкам и четкой организации французской колониальной армии, где служили бедуины-наемники, туареги могли противопоставить лишь свою беззаветную отвагу. Ахаггары не могли подавить врага своей численностью, их страна была в состоянии прокормить не более нескольких тысяч человек. В сражении при Тите в 1902 г. погибло почти две трети мужчин господствующего племени даг-рали; потери понесли и другие племена. Военное поражение стимулировало классовую борьбу. Отдельные племена зависимых данников-имгадов-капитулировали, и захватчики немедленно объявили об их освобождении от крепостной зависимости. Декларировалось и освобождение рабов-икланов. Общество ахаггаров разваливалось на глазах. В 1904 г. в оазисе Айн-Салах аменокаль Ахаггара встретился с Лаперрином и согласился признать свою зависимость от Франции. Ахаггар был включен в состав Алжира, а соседний Адрар-Ифорас — в состав Французской Западной Африки⁴⁰.

В страну туарегов французская буржуазия принесла колониализм без капитализма. Франции было нужно от туарегов, лишь чтобы они не нарушали установленного ими порядка в колониях, где они эксплуатировали оседлые земледельческие народы. Добившись покорности Ахаггара, французские власти ввели в нем систему «косвенного управления», восстановив доколониальные порядки. Крепостные, вассалы и невольники были возвращены своим прежним хозяевам, феодальная и рабовладельческая эксплуатация возродилась почти в полной мере. В горных оазисах харратины и икланы расширяли поля проса, арендуя на кабальных условиях (система хаммаса, или хаммест, у Лота — хаммесат) землю у благородных племен. Земледельцы должны были платить и налоги французской администрации. В этой обстановке произошло новое сплочение туарегских и соседних с ними племен под знаменем ислама. Проповедниками ислама выступили марабуты из числа туарегов и арабов. Туарегские марабуты принадлежали к мусульманскому духовному ордену Кади-рийя, арабские — частью к тому же ордену, частью к орденам Сену-сийя, Шадилиия, Хальватийя. Из них наибольшую непримиримость к европейцам-колонизаторам проявляли марабуты Сенусийя, запрещавшие последователям учения своего

³⁷ Елисеев А. В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. Т. III. СПб., 1896, с. 230—233.

³⁸ Елисеев А. В. Антропологическая, с. 43.

³⁹ Там же, с. 44.

⁴⁰ Субботин В. А. Колонии, с. 313.

ордена всякое общение с европейцами и нередко возглавлявшие вооруженное сопротивление им.

Всеобщее недовольство туарегов ярко проявилось во время первой мировой войны, когда в вооруженных восстаниях против французских властей приняли участие многие туарегские племена.

Первыми осенью 1915 г. поднялись племена нынешнего Восточного Мали, а также соседних районов Нигера. В январе 1916 г. в борьбу вступили иуллеммедены. В мае они разгромили лагерь франко-сенегальских войск, но в последующие месяцы стали жертвами карателей: ополчение иуллеммеденов было застигнуто врасплох и уничтожено. Однако восстание разгоралось, его центр переместился в Аир и Ахаггар. В Аире туареги-повстанцы, руководимые вождем Каосеном и сенуситскими марабутами, уничтожили несколько французских отрядов и осадили Агадес. Каосен продолжал сражаться и после снятия осады. Он поддерживал связь с ливийско-чадскими сенуситами, к которым и ушел после поражения в Аире⁴¹.

В Ахаггаре восстание началось в начале 1916 г. и продолжалось до 1918 г. В нем участвовали все местные племена. Видную роль в восстании играли женщины, среди них поэтесса Дассина, пользовавшаяся большим авторитетом. При его подавлении наиболее воинственные племена потеряли убитыми большинство взрослых мужчин и почти лишились скота.

Туарегские восстания 1915—1918 гг. составляли часть вооруженных выступлений и демонстраций протеста периода первой мировой войны, направленных против империалистических держав Антанты и охвативших многие районы Северной и Северо-Восточной Африки — от Марокко до Египта и Сомали. Хотя они не слились в единое восстание, но представляли собой важный этап в истории антиимпериалистической борьбы народов Африки. Об этом следует помнить, читая строки А. Лота о туарегских повстанцах (в оригинале — «*les dessidents*») того времени.

Подробное описание культуры ахаггаров А. Лотом убеждает в том, что ее никак нельзя считать примитивной. Несмотря на крайне суровые условия существования и кочевой быт, исключая какие-либо «излишества» сверх того, что абсолютно необходимо для жизни и может быть перевезено на нескольких верблюдах, у ахаггаров мы находим сложную систему культуры, отдельные элементы которой обнаруживают высокие формы развития и прямое заимствование от древних и средневековых цивилизаций Средиземноморья. Эта сложная система культуры соответствует сложности социально-экономической системы ахаггаров. Последнюю можно характеризовать как кастово-племенную и вместе с тем раннефеодальную. Наличие каст и племен, а также класса рабов, вопреки мнению отдельных ученых, отнюдь не противоречит феодализму. А. Лот описал не все формы феодальной эксплуатации в обществе туарегов. Отчасти это сделали другие ученые, работавшие после А. Лота. Как и Лот, они отмечают важное значение транссахарской торговли для ахаггаров и других туарегских групп. Наряду с феодальной рентой, взимаемой с крепостных и вассалов, торговля давала в доколониальное время ахаггарской аристократии большую часть продуктов земледелия, составлявших основу их питания. Впрочем, доходы от транссахарской торговли аристократы Ахаггара получали не как купечество, а как военно-феодальное сословие.

Для ахаггаров, как и для других туарегских «конфедераций», характерна слабость традиционной политической власти при значительном развитии отношений личной зависимости. Формы этих отношений отличаются разнообразием, и А. Лот показывает в них широкую гамму переходов от статуса невольника к статусу не вполне полноправного свободного человека. Из его описания видно, что не все икланы были рабами и не все благородные — настоящими феодалами. В общем здесь нет ничего необычного для феодальных обществ. То же самое можно сказать и о значительных элементах материнского права.

В настоящее время туарегский феодализм разрушается и уходит в прошлое. Это процесс неизбежный и необратимый. Но, к сожалению, вместе с разрушением традиционного общества туарегов разрушается и их замечательная культура. Особенно страшные удары нанесла туарегам засуха 1968—1974 гг., возобновлявшаяся и в последующие годы. Значительная часть туарегов и туареязычных харратинов, икланов, беллах покинули места своего прежнего обитания, переселились на новые земли, где оказались в иноэтническом окружении. Многие туареги в настоящее время перешли на оседлый образ жизни, а то и вообще становятся горожанами. Наиболее «чистые» традиционные формы туарегской культуры сохраняются именно у кочевых групп, в частности у ахаггаров.

---

⁴¹ Там же, с. 199—200.

В этих условиях изучение культуры ахаггаров и других групп туарегов становится одной из актуальнейших задач этнографии. Понятно, что А. Лот и его предшественники не могли полностью исследовать все сферы туарегской культуры. В связи с этим нужно отметить тех, кто внес наиболее значительный вклад в ее изучение. Это прежде всего уже упомянутый выше К. Блангернон, в течение полутора десятилетий (с 1937 г.) живший в стране туарегов в качестве школьного учителя, посещавший многие поселения ахаггаров, автор ценнейшей монографии о них⁴². С 1951 г. ахаггаров и другие группы туарегов изучал датский социантрополог И. Николайсен⁴³. В начале 80-х годов культуру туарегов Ахаггара и Аджера исследовала экспедиция Алжирского университета, в составе которой работала советская исследовательница танцевального фольклора Л. Н. Федорова⁴⁴.

Читателям, интересующимся туарегской культурой, могут быть полезны также русские переводы работ К. Макульского⁴⁵, П. Фукса⁴⁶, А. Гаудио⁴⁷ и соответствующие разделы в сводных работах по географии, этнографии и истории Африки.

В настоящее время общество и культура туарегов переживают серьезнейшие испытания, которые усугубляются разделением территории этого народа на несколько частей государственными границами (впрочем, весьма условными), отсутствием общей государственности, собственного центра национальной консолидации. В то же время отдельные местности страны туарегов (Тсманрассет, Агадес и др.) стали посещаться туристами, привлеченными экзотикой Сахары и туарегского кочевого быта. Фигура благородного рыцаря пустыни становится символом индустрии туризма в Сахаре. Каким выйдет туарегский народ из этих испытаний, какие элементы своей богатой и своеобразной культуры он сумеет сохранить? Но одно несомненно: изучение культуры туарегов и по возможности ее сохранение — в интересах всего человечества. Ведь именно с ее помощью туареги смогли освоить для цивилизации само сердце величайшей в мире пустыни.

Ю. Кобищанов

---

⁴² Blanquernon C. Hoggar. P., 1955, 1963.

⁴³ Nicolaisen J. Ecology and Culture of the Pastoral Tuaregs. Copenhagen, 1965.

⁴⁴ Федорова Л. Н. Африканский танец. Обычай, ритуалы, традиции. М., 1986.

⁴⁵ Микульский К. Общественно-политическая культура кель-ахаггар.— История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М., 1974.

⁴⁶ Фукс П. Народы Сахары.— Сахара. М., 1971.

⁴⁷ Гаудио А. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М., 1977.

АНРИ ЛОТ О ЯЗЫКЕ И ПИСЬМЕННОСТИ ТУАРЕГОВ

Анри Лот — фигура уникальная в тех областях знания, которые французы называют «науками о человеке». Во второй половине XX в., когда девизом, начертанным на знамени науки, стала «специализация», т. е. выделение, обособление, встречаются еще люди, ученые в том числе, живущие как бы в ином измерении. Когда смотришь, как они тихо и несуетно строят целостный дом своего — и нашего — познания, соизмеряя фундамент с грунтом, дверь с дорогой, крышу с небом, начинаешь догадываться, что отличает движение вверх от движения вперед. Анри Лот не разделяет, он соединяет. В себе — профессионального этнографа, археолога, путешественника, сказочно удачливого искателя наскальных рисунков и еще более сказочно двужильного их копировальщика. В «объекте исследования» — прошлое и настоящее, древние фрески на скалах Сахары и сегодняшних тяжело страдающих от засухи ее сыновей и дочерей. В аудитории, к которой он обращается, — ученых-коллег, черпающих из его работ ценнейшую информацию, и «рядовых» читателей, чьи сердца не очерствели к судьбам других народов...

Лот, однако, не бесплотный идеал ученого мужа, изрекающего сплошные истины. В его трудах немало спорного, встречаются и ошибочные суждения, и устаревшие идеи. Его широта, целостный охват предмета исследования имеют и слабую сторону — необъятного не объять, где-то явно не хватает специальных знаний. Тогда именно узкому специалисту и необходимо вмешаться с дополнениями, исправлениями, альтернативными подходами к проблеме; не только научные достижения, но и ошибки такого ученого, как Лот, дорого стоят — они не должны остаться в науке непрокомментированными. В роли такого узкого специалиста и выступает автор настоящего послесловия — специалиста по берберскому и туарегскому сравнительно-историческому языкознанию, области по своей специфике чрезвычайно коварной и вместе с тем глубоко притягательной для неспециалиста — этнографа, археолога, историка.

«Язык, на котором говорят туареги, носит название *тамахака* или *тамашек*, — пишет А. Лот, — в зависимости от того, какие племена говорят на нем — сахарские или сахельские».

Это утверждение нуждается в уточнении. На всех языках берберской семьи, за исключением языка кабиллов Алжира (самого большого по численности берберского этноса Северной Африки) и нескольких восточберберских языков, сохранившихся в оазисах Египта (Сива) и Ливии, самоназвание народа, на них говорящего, — *имазигхен* (*imaziyen*). Это — множественное число от *амазигх*, т. е. «бербер». Последним термином пользуются арабы (он либо образован от арабского глагола *барбара* 'реветь, бляеть, бормотать, говорить невнятно', либо происходит из греческого *барбарой* и заимствованного из греческого латинского *барбари* 'варвары, чужеземцы') и вслед за ними европейцы; сами «берберы» так себя назовут только в разговоре с иностранцем, который может не знать их подлинного самоназвания.

От древнего этнонима *амазигх*, по всей видимости возникшего еще в праберберском языке (существовавшем как единый язык вплоть до последней трети II тысячелетия до н. э.) и засвидетельствованного в форме *макси* у Геродота, *мазикии* в других античных источниках, происходит и общее для большинства берберских народов название языка — *тамазигхт*, состоящее из основы *мазигх* и конфикса *та...т*. В южноберберских языках, больше известных как туарегские, общеберберский звук «з» в одних из этих языков перешел в «ж», в других — в «ш», в третьих — в «х». Отсюда название языка тамазигхт в одних туарегских языках или диалектах звучит как тамажек, в других — как *тамашек*, в третьих — как *тамахака* (в конце слова звук [у], что-то вроде украинского «г», который мы условно передаем по-русски как «гх», переходит в гортанное «к», для простоты передаваемое русской буквой «к», полностью ассимилируя суффикс *-т*). Тесная группа диалектов туарегов Ахаггара, Тассилин-Аджер, племени таитоков и еще нескольких мелких племен носит название тамахака именно потому, что во всех этих диалектах, а следовательно, и в их общем языке-предке старое общеберберское «з» стало произноситься как «х». В Сахаре распространена вся группа диалектов *тамахака*. Однако там же, в Сахаре, к северо-востоку от носителей тамахака, в оазисе Гат (в нашей передаче — Гхат [yɑt]), говорят на туарегском языке, называемом разными источниками *тамазик*, *тамажек* или даже *тамаджек*, но не *тамахака*. В Сахеле же, т. е. в зоне, примыкающей к пустыне с юга, разные туарегские диалекты называются тамашек и тамажек. Кстати, Анри Лот, упомянув в главе, посвященной языку, два названия разных туарегских языков — *тамахака* и *тамашек* (мы теперь знаем, что есть еще и *тамажек*), по всей книге пользуется этими названиями практически произвольно, приводя, скажем, слово из языка *тамахака*, но называя этот язык *тамашек*, и наоборот. Путаница в названиях туарегских языков, ставшая дурной традицией в исторических и этнографических (и да-

же в некоторых лингвистических!) трудах, тем более удивительна, что их предок — общетуарегский язык распался на диалекты примерно в IV в. н. э., а значит, генетически наиболее удаленные друг от друга туарегские языки, скажем групп тамахак и тамашек, различаются так же, как русский и польский или румынский и португальский. Представим себе труд, где приводятся русские слова в качестве примеров из польского языка!

«Названия *gip*, *гер*, *н-гер* (*нигер*), Абалесса, Илези, означающие соответственно „приток, река, обработанный участок, возвышенность, окруженная низиной“, встречаются в текстах Плиния, Птолемея и других авторов и предстают как самые древние известные нам слова берберского языка, относящиеся к старой топонимике Сахары, используемой и поныне», — пишет А. Лот. Но, строго говоря, в текстах Плиния Старшего («Естественная история») и Клавдия Птолемея («Руководство по географии») встречаются не современные топонимы, а похожие на них названия, в данном случае у Плиния — Алазит и Вальса, которые Анри Лот на редкость удачно отождествляет соответственно с современными Илези, или Иллизи, и Абалес-сой. Удачно — это лишь значит, что фонетическая сторона сопоставлений вполне правдоподобна, независимо от того, происходят ли сами топонимы Илези и Абалесса из «значимых» берберских слов (на языке ахаггар *абелес* действительно означает «обрабатываемый участок местности», причем слово это устаревшее, почти неупотребительное) или нет; отметим при этом, что ни о какой точной локализации указанных географических названий по тексту Плиния пока речи быть не может, и если отождествление Лота верно, то оно — очень важная ниточка для распутывания сложнейшего клубка топонимов и этнонимов, приводимых Плинием.

Что касается названий *gip* и *гер*, то они сопоставимы с туарегскими словами со значением «большая река, озеро, море» (ахаггар *згарау*, языки аир и восточный тауллеммет — *агарау* и др.), и в частности «река Нигер», однако с той оговоркой, что в туарегском здесь основа *гарау*, а у Плиния — *гер/gip*, т. е. сходство отнюдь не полное; отметим, кстати, что с восточных отрогов Высокого Атласа берет начало река под названием Гир. Никакого *н-гер* у античных авторов, естественно, нет, а есть название р. Нигер, которое Лот склонен выводить из *н-гер*, что могло бы по-берберски значить «относящийся к гер», а если *гер/gip* переводить как «река» — то «относящийся к реке, речной». Такое исходное значение для названия одной из крупнейших рек Африки представляется несколько странным (оно выглядело бы правдоподобнее, если бы речь шла, скажем, о небольшом притоке); кроме того, мало вероятно, чтобы собственное имя, гидроним, начиналось с частицы *н*, передающей грамматические отношения типа русского родительного падежа или английского *of*. Думаю, что если гидроним Нигер действительно берберского происхождения, то он гораздо лучше объясняется из слов, производных от туарегского глагола *энгэг* 'находиться позади, укрываться за', а именно ахаггарского *а-пэддир* 'участок горного массива между вершиной и подножием (возможно, это связано с особенностями рельефа долины Нигера) и точно соответствующего ему названия *Апэггер* («река Нигер») в языках аир и восточный тауллеммет.

Любопытно, что и вполне приемлемые сопоставления автора вроде Вальса — Абалесса — не самые древние из исторически засвидетельствованных слов берберских, или, как их еще называют, берберо-ливийских языков. Плиний Старший писал свои труды в I, а Птолемей — во II в. н. э., тогда как еще в египетских текстах периода Нового царства (с 22-й династии, X в. до н. э.) засвидетельствован термин *тс* 'князь, вождь (ливийцев)', — очевидно, заимствованное берберское слово, дожившее до наших дней в форме *тэсс* — 'хозяин, владелец' в туарегских языках и входящее составной частью в известные с древности антропонимы, имена людей (типа *Massulet* из *тэсс ult* 'хозяин дочери', *Masuna* из *тэсс-инау* 'наш хозяин'). Но и это слово — не самый древний берберизм в египетском. В текстах Среднего царства (11 династия, XXII—XXI вв. до н. э.) упоминается ливийское имя собственное 'bykwг, означающее «собака, борзая»; древнее берберо-ливийское слово сохранилось в современных туарегских языках: в гхате — *а-байкур* 'борзая', в ахаггаре — *а-байкор* 'непородистая собака'. Поразительно, насколько точно древнеегипетская передача берберской структуры слова с помощью одних согласных (египетская иероглифика не передавала гласных): 'bykwг должно было бы реально произноситься как [abaуkur]. Эта замеченная еще знаменитым французским египтологом и исследователем текстов пирамид Гастоном Масперо берберо-египетская параллель представляет собой, вероятно, самый долговечный исторически засвидетельствованный пример сохранности звукового облика и значения слова — на протяжении четырех тысячелетий! Прибавим к этому засвидетельствованные Геродотом в V в. до н. э. названия ливийских племен — максии (соответствующих *Mazices* Птолемея и самоназванию берберов *i-maziу-эн*) и гараманты (от топонима Гарамы, происходящего

с большой степенью вероятности из общеберберского а-уэгэм 'крупное поселение, город') — и приоритет, приписываемый Анри Лотом Плинию и Птолемию в передаче самых древних слов берберского языка, приходится признать незаслуженным...

Говоря о том, что ливийский язык «заимствовал из каждого языка некоторые слова», имея в виду языки вторгавшихся в Северную Африку «финикийцев, римлян, вандалов, византийцев», Лот допускает неточность: в берберо-ливийских языках засвидетельствованы финикийские, латинские и греческие заимствования, что неудивительно, учитывая высокий уровень культуры соответствующих народов и длительный период контактов с ними; вандалы же — группа германских племен, завоевавших в V в. большую часть Средиземноморского побережья Африки, — не оставили видимых следов в языке местного населения.

Весьма неточно перечислены регионы, где говорят на берберских языках. Так, оазис Ауджила (Авгилы Геродота) находится в современной Ливии, а не в Египте. Упомянув Малую Кабилию, автор почему-то пропускает Большую Кабилию — горный массив к востоку от г. Алжир, где проживает большая часть кабилы. К перечисленным районам следует добавить ряд населенных пунктов Туниса (Сенед и др.), Ливии (оазисы Куфра, Эль-Фоджаха, г. Зуара, или Зуара), Алжира (между городами Алжир и Тлемсен, в Южном Орানে, оазисы Туггурт, Тиндуф и др.), Юго-Западную Мавританию (западноберберское племя зенага). Неточно и цитируемое Лотом описание Андре Бассе «северо-западной географической границы» распространения туарегов, пересекающей Сахару от Гадамеса до Томбукту, равно как и утверждение самого Лота о том, что «западнее этой границы речь идет уже о диалектах, родственных языку зенага». Во-первых, к юго-западу и западу от Томбукту тоже живут туарегские племена (шабун, тенгериф, кель-антессар), во-вторых, никаких диалектов, родственных зенага, в берберологии не засвидетельствовано (зенага — группа близкородственных диалектов, локализованных в одном небольшом регионе), а многочисленные северберберские языки и диалекты, распространенные к западу от линии Гадамес — Томбукту, родственны зенага в той же степени, что и туарегским языкам: зенага, северберберские (группа ташельхит-тамазигхт, зенетские и кабийские), восточноберберские (оазисы Египта и Ливии) и южноберберские (туарегские) языки представляют собой четыре более или менее равноудаленные генетически ветви берберской семьи языков.

Неполным предстает в описании Лота деление туарегских языков. Среди диалектных групп и изолированных языков, играющих важную роль во внутритуарегской классификации, не названы те, на которых говорят туареги, базирующиеся в Ливии (оазис Гат, или Гхат; племена урагхен, имангхассатен и др.), а также группа «танеслемт» в окрестностях Томбукту (племена кель-антессар, шерифен и др.), которую автор, по-видимому, включает в группу тауллеммет; в действительности, последняя, судя по некоторым данным (большинство диалектов этой группы почти не описано), состоит из нескольких диалектных общностей, скрывающихся под общим названием, но не связанных особо близким родством. Полученная нами на основании глоттохронологических¹ подсчетов по методу С. А. Старостина генетическая классификация шести туарегских языков, о которых имеется достаточно лексической информации, выглядит следующим образом:

1. Гхат.
2. Ахаггар, аир, восточный тауллеммет:
  - а) ахаггар,
  - б) аир, восточный тауллеммет.
3. Гадгхак², танеслемт.

Процент этимологически тождественных единиц в стословном списке основной лексики (иначе — в свадешевском списке, по имени основателя глоттохронологического метода Морриса

¹ См.: Новое в лингвистике. М., 1961; Милитарев А. Ю. Услышать прошлое.—Знание — сила. 1985, № 7—8. (Новый метод С. А. Старостина пока не отражен в публикациях.)

² Тадрак — в передаче Лота (в принятой транслитерации на основе латинского алфавита — *tadyaq*). К сожалению, Лот пользуется крайне упрощенной и при этом непоследовательной французской передачей берберских слов, что не всегда позволяет правильно идентифицировать его зачастую уникальные данные по туарегской этнонимике и топонимике или же создает досадную путаницу. Так, Лот передает французским «грассирующим» г как туарегское г, так и увулярное γ (последнее иногда также через г' или gh). Из-за этого два разных слова *adrag* 'гора' и *adyay* 'камень, гора' передаются одинаково — как *adrag*, так же как и образованные от них названия горных массивов, от одного из которых — *Adyay Ifuyas* (Γ Adrar des Iforas — по Лоту) — и происходит название языка *tadyaq*.

Свадеша) между языками трех перечисленных групп равен в среднем 80—84, что соответствует IV—VI вв. н. э. в качестве периода разделения пратуарегского языка на диалекты. Такой процент совпадений равен или несколько выше, чем процент совпадений в стословных списках между славянскими или, скажем, между романскими языками (данные С. А. Старостина), т. е. распадение праславянского или прароманского (латинского) языка на диалекты, развившиеся в известные нам славянские или романские языки, произошло примерно тогда же или на несколько сотен лет раньше, чем распадение пратуарегского. Процент совпадений между языками внутри второй группы — 88—91 (95 между аиром и восточным тауллемметом, что указывает на XIII в., и 86—88 между этими двумя языками и ахаг-гаром, что указывает на рубеж VII—VIII вв.); между языками третьей группы 91% совпадений, указывающий на XI в. Единственное и притом серьезное нарушение стройности нашей схемы — подскок процента совпадений между гхатом и ахаггаром (87%), равного проценту совпадений между ахаггаром и подгруппой аир — восточный тауллеммет (притом, что последние два языка имеют в среднем 80% совпадений с гхатом). Теоретически это может означать, что ахаггар входит не во вторую, а в первую группу (с гхатом), а подскок с языками второй группы указывает на исторические контакты между носителями этих языков и ахаггара и, следовательно, на взаимные лексические заимствования. Однако анализ большого массива лексики всех перечисленных языков указывает в первую очередь на значительное влияние ачаггара на гхат, что, по-видимому, и объясняет их вторичное сближение. Я подробно остановился на всей этой, возможно, навевающей на читателя зевоту проблематике, чтобы показать, как лингвистические модели, в данном случае глоттохронология, могут пролить свет на древнее родство языков и народов, на хронологию их разделения и на их контакты, в том числе и не засвидетельствованные в письменных памятниках, археологически и т. п.

Наивно с лингвистической точки зрения утверждение Анри Лота о том, что «жители соседствующих районов с трудом понимают друг друга потому, что «язык еще не сложился и конструкция предложений в нем непостоянна», а также из-за «большого диапазона фонетических вариаций», хотя сама по себе оценка взаимопонимаемости между отдельными диалектами, данная таким внимательным исследователем и знатоком различных туарегских племен, весьма информативна. «Сложился» или «еще не сложился» можно сказать о литературном или же о междиалектном языке (койне), т. е. в специфическом социолингвистическом контексте, совершенно неприменимом к современным туарегским языкам; собственно говоря, серьезных критериев для выделения каких-либо этапов в изменении внутренней структуры естественного языка — его фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики — пока (или вообще) не существует. Можно, конечно, членить историю языка, если она нам известна (как правило, это относится как раз к языкам с литературной, письменной традицией), по какому-то отдельно взятому элементу его структуры, например до и после перехода смычных в спиранты или до и после развития такой-то синтаксической конструкции, но подобное членение всегда будет искусственным, механическим. «Непостоянная конструкция предложений» может свидетельствовать лишь об определенной синтаксической типологии, о свободном порядке слов (как, скажем, в русском в противоположность английскому языку), а под «большим диапазоном фонетических вариаций» следует скорее всего понимать достаточно большое фонетическое различие между фонемами, согласными и гласными, разных диалектов, регулярно соответствующими друг другу. Сам же факт плохой взаимопонимаемости вполне объясним степенью расхождения между разными туарегскими языками/диалектами: она, как уже говорилось выше, примерно такая же, как между славянскими или романскими языками, тоже почти взаимонепонимаемыми.

И наконец, обратимся к высказываниям Анри Лота о происхождении берберской семьи языков. Возражения вызывает в первую очередь нечеткость — как терминологическая, так и понятийная — авторских рассуждений. Сказать, что «по своему языку туареги... принадлежат к ближневосточной цивилизации» — значит утверждать следующее: 1) язык может быть связан с определенной цивилизацией; 2) существовала некая «ближневосточная цивилизация», на которую можно сослаться без уточнения пространственных и временных параметров; 3) туарегские языки или туарегский язык (правильнее было бы сказать «праязык») занесены в Сахару с Ближнего Востока. Независимо от того, высказывает ли автор приведенное выше положение от своего имени или только перелагает чужую точку зрения, сама постановка вопроса в такой форме весьма уязвима. Во-первых, язык может принадлежать только к какой-либо языковой общности, а уж никак не к культурной («ближневосточная цивилизация»). Дело в том, что на заре человеческой истории, в ранний период существования *Homo sapiens*, три фундаментальных компонента этноса

— язык, культура и антропологический тип — теоретически могли совпадать. Стоим ли мы на позиции антропологического и лингвистического моногенеза (как автор этих строк, не могу себе представить, что такое уникальнейшее событие, как возникновение человека — принципиально такого же, как современный человек, и возникновение языка — принципиально такого же, как любой современный язык, могло тиражироваться, повторяться в разных местах и в разное время) или полигенеза³, допустимо предположить, что 15—20 тысяч лет назад существовало несколько человеческих общностей, из которых сформировались впоследствии основные расы; каждая из них говорила на своем языке (праязыке будущих крупных макросемей) и обладала особой, присущей только ей совокупностью культурных признаков. Эти общности были прямыми биологическими потомками более древней единой человеческой популяции, их языки восходили к единому языку-предку, а в основании их культур лежала единая некогда культурная традиция; согласно альтернативной гипотезе, они возникли независимо друг от друга в разных районах земного шара.

Как бы то ни было, в ходе истории происходили миграции и смешения исходных популяций, что доказывается несовпадением границ языковых семей с твердо установленным родством с границами существующих человеческих рас и культурных ареалов. Так, на языках афразийской, или семито-хамитской, макросемьи говорят европеоиды (арабы; небольшие арамеоязычные группы в Сирии, Ираке, СССР и ряде других стран, не совсем точно называющие себя «ассирийцами»; евреи в Израиле; берберы Северной Африки и др.), негроиды (чадцы в Центральной Африке), эфиопоиды (основное семитоязычное население Эфиопии, кушитские народности). На тюркских языках — монголоиды и европеоиды (азербайджанцы и турки, например). Подобные примеры можно легко умножить. И хотя Анри Лот не дает никаких временных ориентиров для того периода, к которому он относит ближневосточные корни туарегов, само упоминание ближневосточных цивилизаций ставит, по-видимому, временные рамки — не раньше рубежа IV—III тысячелетий до н. э., а для столь поздней эпохи в истории рода человеческого уже ни о какой изначальной «привязке» языка к определенному типу или кругу культур не может быть и речи⁴.

Во-вторых, что такое «ближневосточная цивилизация»? Что вкладывает Анри Лот — историк, этнограф, «культурный антрополог» — в термин «цивилизация»? Не мог же он, право, пройти мимо напряженной многолетней полемики вокруг содержания понятий «культура» и «цивилизация», их археологического, конкретно-исторического, социологического, культурологического, философского наполнения. Г И даже если предположить, что Лот употребляет этот термин в самом «обычном» смысле развитой предгосударственной или государственной письменной культуры, то какие цивилизации включает он в «ближневосточную»? Шумерскую и наследующую ей шумеро-аккадскую? Хеттскую? А как же египетская, по многим признакам объединяемая с названными выше, но существовавшая все-таки на, африканской почве? Если и ее, то вроде бы нет необходимости помещать отдаленных лингвистических предков туарегов, а значит, и берберов в целом к востоку от Египта — на Ближний Восток, когда их непосредственные предки — ливийцы — исторически засвидетельствованы к западу от Египта, в Ливийской пустыне. Кроме всего прочего культурные общности, которые можно с достаточной мерой условности объединить под названием «ближневосточные цивилизации» (все-таки во множественном, вряд ли в единственном числе), просуществовали без малого три тысячелетия. К какому времени следует отнести гипотетический уход праберберов из зоны этих ближневосточных цивилизаций и их появление в Ливийской пустыне? Ни на один из этих вопросов автор даже не пытается ответить...

Зато по мере дальнейшего изложения недоумение читателя, даже элементарно лингвистически грамотного, возрастает. «А. Бассе... сомневается в наличии родства (берберских языков.— А. М.) с семито-хамитской языковой семьей, поскольку заимствования (1ez етргип1з) оттуда крайне незначительны»,— пишет А. Лот. Возможно, здесь терминологическая небрежность, и имеются в виду элементы, общие с семито-хамитскими языками, которые можно

---

³ Иначе — моногенизма и полигенизма; более употребительная терминологическая пара — моноцентризм и полицентризм.

⁴ Можно, конечно, посчитать, что столь подробно обсуждаемая здесь фраза Лота — просто неудачная формулировка вполне здоровой идеи о том, что предок туарегских языков — берберский праязык — это язык какой-то группы населения древнего Ближнего Востока, т. е. группы, обитавшей в ареале великих культур этого региона. Однако путаница в плане выражения, к сожалению, почти всегда отражает путаницу в плане содержания.

посчитать заимствованными из последних в берберские языки, если отрицать их родство между собой. Но ведь именно черты, унаследованные от общего предка, и являются критерием родства. Вряд ли правомерно называть заимствованными сходные черты (в лингвистике они называются изоглоссами) в языках, традиционно рассматриваемых как родственные, не приведя никаких доводов в подтверждение противоположной точки зрения.

И наконец, еще одна цитата. «Морфология имени в берберском,— утверждает А. Бассе,— настолько чужда семито-хамитской, что, даже если бы его родство с этой языковой группой было доказано (далее А. Лот цитирует А. Бассе.— А. М.), осталась бы значительная масса слов... неизвестного происхождения». Здесь приведены два совершенно разнородных аргумента. Родство обычно не устанавливается без сопоставления морфологической структуры, в том числе именной, и, если бы родство берберских языков с семито-хамитскими было доказано, это означало бы, что морфология имени в берберском отнюдь не чужда семито-хамитской. Вместе с тем наличие большого пласта лексики «неизвестного происхождения», т. е. слов, не имеющих закономерных параллелей в родственных языковых группах и тем самым необъяснимых из общего праязыка, еще ничего не доказывает. Все дело в том, какие это слова. Если они относятся к так называемым «культурным терминам», т. е. названиям растений, животных, орудий труда, предметов одежды, утвари, культовых предметов и т. д., иначе говоря, к лексике, легко заимствуемой, обычно вместе с обозначаемым предметом или понятием, то, установив язык, из которого происходят подобные слова, примерное время и пути заимствования, мы можем реконструировать целые фрагменты истории заимствующего языка и говорившего на нем народа. К родству же языков все это не имеет отношения.

Одним из главных критериев родства наряду со сходством грамматических структур (причем обязательно родственных материально, фонетически, т. е. этимологически тождественных, иначе мы примем за родство чисто типологическое сходство) является тождество единиц так называемой базисной лексики, установленное на основании регулярных звуковых соответствий между словами сопоставляемых языков. При этом наличие таких регулярных звуковых соответствий само по себе еще не доказывает родства: звуки в словах, заимствованных из языка А в язык Б в один и тот же период, могут подвергаться в дальнейшем тем же изменениям, что и звуки в исконных словах языка Б, вместе с тем постепенно изменяется и фонетика языка А, а значит, исходные формы заимствованных некогда слов станут со временем звучать по-разному в этих двух языках, но их звуки будут вполне регулярно соответствовать друг другу. Слова же базисной лексики заимствуются из языка в язык лишь в исключительных случаях, и этимологическое тождество основной массы таких слов в разных языках — гарантия родства этих языков; более того, чем выше процент совпадений в базисной лексике, тем теснее родство языков (на этом принципе построена глоттохронологическая, или лексико-статистическая, методика установления языкового родства). К словам базисной лексики относятся названия частей тела; термины родства, кроме нескольких основных типа «папа», «мама», «дядя», «баба», совпадающих по звучанию (но не всегда по значению: во многих афразийских языках, например, Баба значит «отец») в огромном числе языков мира и объясняющихся из «лепетного» детского языка; названия основных явлений и объектов окружающей природы (таких, как «вода», «камень», «солнце» и т. п.); наиболее распространенные прилагательные («большой», «длинный», «хороший», «белый», «черный» и т. п.); глаголы («есть», «пить», «умирать», «стоять» и т. п.) и другие группы слов.

Вернемся теперь к мнению А. Бассе, крупнейшего французского берберолога середины нашего столетия, о том, что в берберских языках слишком мало общих слов с семито-хамитскими языками (мы отвлекаемся сейчас от неудачных формулировок в изложении этого тезиса Анри Лотом, да и самим Андре Бассе). Имея эмпирически установленную зависимость между процентом совпадений в базисной лексике и степенью родства языков, мы можем отказаться от приблизительных количественных оценок типа «мало» — «много», «значительное количество» — «незначительное количество» и т. п. Сначала о составе семито-хамитской семьи языков и ее названии. По современным представлениям, в нее входят семитские (мертвые — аккадский, или ассиро-вавилонский, угаритский, сабейский, геэз, или древ-неэфиопский; еврейский, или иврит, вымерший к рубежу нашей эры, но восстановленный в качестве живого языка; арамейские диалекты, в том числе мертвый сирийский и живые «новоассирийские»; классический арабский и современные арабские диалекты; амхарский и другие живые семитские языки Эфиопии; бесписьменные живые языки Южной Аравии и острова Сокотра), кушитские (сомали, оромо, бедауйе и другие в Эфиопии и сопредельных странах), чадские (хауса и другие многочисленные языки Нигерии, Чада и сопредельных стран), древнеегипетский язык и, наконец, берберские

языки.

Так как исследования последних десятилетий показали, что вся эта большая семья языков генетически не делится на две ветви — семитскую и «хамитскую» (т. е. африканскую), старое традиционное название стало во многих работах заменяться на другое: афро-азиатская (имея в виду, что это единственная семья, языки которой распространены и в Азии и в Африке), или — в намеренно более условной форме — афразийская, семья языков. По последним глоттохронологическим подсчетам, глубина древности этой семьи, вернее, макросемьи очень велика; праафразийский язык распался на диалекты, ставшие, в свою очередь, праязыками каждой из перечисленных выше ветвей (семитской, берберской, египетской и др.), приблизительно в X—XI тысячелетиях до н. э. Именно этой глубиной, т. е. более отдаленной степенью родства, чем та, что существует между языками таких семей, как индоевропейская, семитская, уральская (разделение праязыков в IV—V тысячелетиях до н. э.), и объясняется меньшее сходство в грамматической системе и более низкий процент совпадений в базисной лексике между, скажем, хауса и сомали или амхарским и ахаггаром, чем между амхарским и сокотрийским или русским и хинди. Вместе с тем процент этих совпадений между современными афразийскими языками, принадлежащими к разным ветвям, принципиально выше процента совпадений между еще более отдаленно родственными языками (например, русским и ахаггарским) и тем более между языками, считающимися неродственными на теперешнем уровне изученности языков мира (например, русским и вьетнамским), причем речь здесь идет не только о сравнении слов стословного, или свадешевского, списка, а о сравнении и массивов основной лексики (методом «корневой» глоттохронологии, тоже разработанным С. А. Старостиным).

А. Бассе, а вслед за ним и А. Лот не могли учесть также и то обстоятельство, что последовательная реконструкция основной лексики и грамматических структур на уровне подгрупп, групп и семей (ветвей), составляющих афразийскую макросемью, реконструкция, работа над которой началась 10—15 лет назад, гораздо надежнее обоснует родство берберских и других афразийских языков, чем простое сопоставление «на глазок» нескольких берберских и какого-нибудь семитского (как правило, арабского) языка. Это и естественно: чем более древние состояния родственных языков мы восстанавливаем, тем ближе они к общему праязыку и тем отчетливее выявляется сходство между ними.

Очень сложен вопрос о том, являются ли берберы автохтонами, т. е. исконными жителями, Северной Африки и Сахары.

Разберемся сначала, что означал бы утвердительный ответ на этот вопрос. Если речь идет о берберах, или, что то же самое, берберо-либийцах, по языку, то одно из двух: либо берберы — не афразийцы, т. е. берберские языки не входят в число афразийских, либо первичный центр распространения афразийских языков — их прародина — находился в Северной Африке или Сахаре и носители праберберского языка, выделившись из общеафразийского единства, остались в пределах того же ареала. Как явствует из изложенного выше, афразийское происхождение берберских языков можно считать практически доказанным. Что же касается африканской прародины афразийцев, то в ее пользу, казалось бы, говорит тот факт, что все афразийские языки, кроме семитских, распространены именно в Африке (сравнительно позднее проникновение туда эфиосемитских языков и арабских диалектов не в счет). Такое объяснение соответствует так называемому принципу минимальных перемещений, сформулированному в 1956 г. известным американским компаративистом И. Дайеном, по которому место разделения языка-предка следует искать там, где исторически засвидетельствовано больше всего языков-потомков. Из этого принципа исходят авторы целого ряда зарубежных работ последних лет, локализирующие праафразийцев в Африке.

На наш взгляд, вполне разумный аргумент Дайена по своей значимости для решения проблемы уступает трем другим, более конкретным принципам поиска прародины, которые мы формулируем следующим образом. Первый принцип: материальная и духовная культура, социальная организация и среда обитания некоего человеческого сообщества, восстанавливаемые по реконструированной лексике праязыка, должны в общих чертах и конкретных деталях совпадать с археологической и палеогеографической картиной, восстанавливаемой для того периода и того региона, в которые помещается предполагаемая прародина. Второй принцип: в праязыке и его ранних диалектах-потомках должны быть выявлены следы контактов с другими языками, предположительно распространенными тогда же в ареале искомой прародины. Третий принцип: пути миграции диалектов разделившегося праязыка с прародины в более поздние места обитания (реконструируемые и исторически засвидетельствованные) должны соответствовать путям

распространения этнокультурных комплексов (или их характерных признаков) и их создателей, устанавливаемых по археологическим, антропологическим и прочим данным.

Применение трех перечисленных принципов к афразийскому материалу довольно явственно «работает» на гипотезу о переднеазиатской прародине афразийцев, выдвинутую совместно историком В. А. Шнирельманом и автором этих строк⁵. Во-первых, праафразийская культурная лексика указывает на период перехода от охотничье-собираательского (присваивающего, как его теперь называют историки первобытности) типа хозяйства к хозяйству производящему, основанному в первую очередь на земледелии и скотоводстве. Зачатки культивации растений и — несколько позже — одомашнивания животных приходятся, по имеющимся сегодня надежным археологическим данным, на IX—VIII (возможно, захватывая и X) тысячелетия до н. э., причем только в одном регионе земного шара — в Передней Азии; в Африке эти культурные новшества фиксируются не ранее VII тысячелетия до н. э. Вспомним в этой связи, что афразийский праязык распался, по лингвистическим данным, полученным совершенно независимо от археологических, в XI—X тысячелетиях до н. э. Более детальное сопоставление культурной и экологической лексики с археологическими материалами дает основание искать прародину афразийцев в сравнительно узком ареале — Сирии и Палестине, где в XI—X тысячелетиях до н. э. была распространена так называемая натуфийская культура, создателей которой мы и склонны отождествлять с праафразийцами и их ранними потомками.

Во-вторых, достаточно надежно устанавливаются следы прямых — без посредничества семитских языков! — контактов между отдельными ветвями афразийских языков и неафразийскими языками Передней Азии (севернокавказскими, шумерским и др.). И наоборот, пока не обнаружено свидетельств подобных лексических контактов между неафразийскими языками Африки и семитскими языками Передней Азии, для которых была бы исключена посредническая роль отдельных семитских языков, оказавшихся поздними пришельцами на африканской земле. А также контакты должны были иметь место, если бы прасемиты выделились из общеафразийского единства в Африке.

Наконец, в-третьих, указанный центр иррадиации ранних афразийских диалектов с археологической точки зрения — единственное место, откуда в период раннего неолита началось широкое расселение его обитателей, охватившее не только значительные территории Передней Азии, но и примыкающие районы Средиземноморья и Африки.

Сейчас имеются бесспорные данные о росте народонаселения в сиро-палестинском регионе в IX—VIII тысячелетиях до н. э., что привело к его постепенному оттоку в соседние области в VIII—VII тысячелетиях. По мнению В. А. Шнирельмана, один из потоков переселенцев устремился на юго-запад, и, видимо, им основан в Нижнем Египте древнейший раннеземледельческий поселок Меримде; еще южнее следы этих мигрантов фиксируются в оазисах Ливийской пустыни и в Юго-Западном Египте, где в VI тысячелетии до н. э. появляется типичный переднеазиатский земледельческо-скотоводческий комплекс. С лингвистической точки зрения очень соблазнительно отождествить этот миграционный поток с носителями общерберберо-чадского языка, разделившегося, по глоттохронологическим подсчетам, как раз в VII тысячелетии до н. э. — скорее всего уже на африканской территории.

Итак, если прародина афразийцев — Азия, то берберские языки следует считать в Африке пришлыми. Это вовсе не означает, что физические предки берберов в массе своей тоже пришельцы с востока. Мигранты, принесшие в Сахару и Северную Африку берберские языки, вернее, праберберо-ливийский язык, вполне могли представлять собой немногочисленную группу людей, растворившуюся в иноязычном местном населении, но в силу тех или иных причин (самая вероятная из которых — более высокая, уже земледельческо-скотоводческая, культура пришельцев) передавшую ему свой язык. Вопрос же о том, является ли это доберберское местное население — кстати, тоже европеоидное по своему антропологическому типу, как и пришлые азиаты, — исконно африканским или происходит из Европы либо Передней Азии, находится вне компетенции лингвиста. Оставим же решать его археологам и антропологам, но желательно тем из них, кто осознает и лингвистическую реальность.

Обратимся теперь к разделу «Письменность» в книге Анри Лота. Здесь тоже встречается ряд положений, с которыми трудно согласиться. Например, слово «тифинаг», название туарегского письма, вовсе не означает «знаки», как утверждает автор. Это слово — форма

---

⁵ См. послесловие И. М. Дьяконова и А. Ю. Милитарева к книге Лот А. К другим Тассили (Л., 1984) и две публикации в №№ 7 и 8 журнала «Знание — сила» за 1985 г. (Милитарев А. Ю. Услышать прошлое.).

множественного числа (*ti-finay*) от *ta-finəq*, термина со значением «один знак письма тифинаг». Само же название *ti-finay* происходит, «как полагают многие исследователи, от греческого Φοτδιζ «финикиец», что, вероятно, указывает на представление древних создателей этого термина о связи тифинага с финикийским письмом; учтем при этом, что «финикийцами» семитоязычных колонистов Северной Африки называли греки, а вслед за ними и другие народы — сами финикийцы называли себя «ханаанеи». Ситуация довольно запутанная!

Вообще вопрос о происхождении туарегского алфавита неразрывно связан с проблемой происхождения ливийского письма, одной из разновидностей которого — причем единственной дожившей до наших дней — является тифинаг. На этот счет существует несколько гипотез. Так, видный американский грамматолог Игнациус Гельб относит «нумидийское», т. е. ливийское, письмо к группе письменностей с произвольно изобретенными знаками. Другой известный историк письма, Иоганнес Фридрих, стоит на позиции, близкой к точке зрения Марселя Коэна, как она излагается Анри Лотом: он предполагает параллельное и независимое развитие ливийского и семитского алфавитов из некоего общего прототипа. Ряд авторов придерживается мнения о происхождении ливийского письма из финикийско-пунического, а в начале нашего века семитолог Энно Литтман указал на общее сходство формы знаков и отдельных их черт между ливийским и южносемитским письмом. Наконец, сам Лот, похоже, поддерживает предположение о том, что ливийский происходит из древних критских алфавитов, и говорит об их «очевидном сходстве».

Что касается последнего предположения, то никакого сходства с единственной дешифрованной системой критского письма — линейным Б — ливийская письменность не обнаруживает; несколько знаков критского линейного письма А действительно внешне напоминают ливийские, но, так как чтение их неизвестно, это наблюдение не позволяет сделать решительно никаких выводов.

При сопоставлении ливийского письма с другими письменностями необходимо учитывать, что оно включает в себя как минимум и—10 разновидностей, большая часть которых не выводится друг из друга. Это означает, что, хотя наиболее древние группы надписей относятся, как принято считать, к концу I тысячелетия до н. э., из них пока не удастся объяснить целый ряд знаков более поздних надписей и современных вариантов туарегского письма тифинаг — знаков, либо отличающихся по форме, либо совпадающих по начертанию со знаками древних письмен, но настолько отличных от них по фонетическому значению, что это отличие никак нельзя приписать развитию соответствующих звуков. При этом даже в тех группах надписей, которые можно с большей или меньшей степенью надежности считать прочитанными, есть знаки с неустановленным чтением⁶.

Но даже со всеми этими оговорками ливийское письмо вполне поддается сравнению с другими письменностями. Такое сравнение с семитскими так называемыми квазиалфавитными системами письма — в первую очередь финикийским и южносемитским — опровергает мнение Гельба об искусственном характере ливийского письма. Интересно, что большее сходство ливийские знаки показывают не с финикийско-пуническим, а с южносемитским письмом.

Этот факт тем более удивителен, что из чисто исторических соображений финикийско-пуническое происхождение ливийского алфавита было бы легче объяснить. Аргументы Лота против этой точки зрения неубедительны. Берберская фонетика настолько отличается от финикийской и более поздней пунической, что механическое перенесение знаков последней на ливийско-берберскую почву маловероятно, хотя, надо сказать, пути и способы культурных заимствований и влияний любого рода вообще достаточно уникальны и трудно поддаются умозрительному анализу с позиций современной логики.

Не существует и критериев, с помощью которых можно было бы установить, какой алфавит «качественнее» и проще в употреблении, — это как раз тот случай, когда истина предельно конкретна. Все зависит от реальной способности письменной системы передать систему звуков данного языка, писчего материала (глина, камень, папирус «т. п.»), «расстановки сил» при контактах этнокультурных общностей, прошлой традиции и многих других факторов. На наш взгляд, нет никаких «противопоказаний» против финикийской теории происхождения ливийского письма, кроме одного: большего сходства с южносемитским письмом.

---

⁶ 6 Подробную сопоставительную таблицу знаков всех выделяемых на сегодняшний день разновидностей ливийского письма см.: Милитарев А. Ю. Глазами лингвиста: гарамантиада в контексте североафриканской истории. — Гарамантида. Поиски и находки (рукопись). Там же содержатся более детальные сведения о ливийском письме вообще.

Объяснение этого факта, поиск путей из Аравии, Северной или Южной, в Северную Африку — дело историков. Одно можно смело утверждать: гипотеза о возникновении ливийского алфавита в результате семито-хамитской (афразийской) миграции из Азии в Африку ошибочна не потому, что «наличие таковой еще не доказано», как полагает А. Лот, а потому, что образование ливийского алфавита из какой-то разновидности семитского алфавита или под ее влиянием относится к периоду не ранее I тысячелетия до н. э., а бербероязычная миграционная волна из Передней Азии должна была достичь Африканского материка уж никак не позднее начала III тысячелетия до н. э., когда египетскими источниками уже фиксируется к востоку от Египта ливийское население, несомненно говорившее на языке или языках той же берберо-ливийской семьи, что и современное население части Северной Африки и Сахары — берберы и туареги.

А. Ю. Милитарев

ББК 63.5(3)

Научное издание

Лот Анри ТУАРЕГИ АХАГГАРА

Редактор Л. З. Шварц Младший редактор М. С. Грикурова

Художник Н. П. Ларский

Художественный редактор Э. Л. Эрян.

Технический редактор Л. Е. Синенко

Корректор Г. П. Каткова

Сдано в набор 17.05.88. Подписано к печати 26.12.88. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,91. Уч.-изд. л. 14,91. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6438. Зак. № 437. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы 103051. Москва К-Б1, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука» 107143. Москва Б-143, Открытое шоссе. 28